РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 2003

СОДЕРЖАНИЕ

М.К. Сабанеева (Санкт-Петербург). Романские протоартикли в недрах латыни: вопросы теории и генезиса 4
О.А. Лаптева (Москва). Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья первая) 15
Е.В. Падучева (Москва). Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация 30
Е.И. Шутова (Москва). Проблема частей речи в китаеведении 47
В.С. Панфилов (Санкт-Петербург). Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке 65
Т.А. Майсак. С.Р. Мерданова (Москва). Будущее время в агульском языке в типологической перспективе 76
Х. Пфандль (Грац, Австрия). О силе и бессилии пуризма. Англицизмы и интернационализмы и их возможные альтернативы (на материале русского, словенского и хорватского языков) 108

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Н.В. Петрова (Иркутск). Текст и дискурс 123

Рецензии

Ю.А. Ландер (Москва). Dimensions possession 132
Ю.Н. Марчук (Москва). *Р.К. Потапова.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика 134
С.И. Потапенко (Нежин, Украина). Логический анализ языка. Семантика начала и конца 143
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург). *W. Mieder.* International proverb scholarschip: An annotated bibliography. Supplement III (1990–2000) 147

Научная жизнь

Хроникальные заметки 151
Новые издания 155
Указатель статей, опубликованных в журнале "Вопросы языкознания" в 2003 г. 156

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский* (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

19 сентября – юбилейная дата в жизни члена-корреспондента РАН, главного редактора журнала "Вопросы языкознания" Татьяны Михайловны Николаевой.

Широкие круги языковедов России и зарубежья знают Татьяну Михайловну как крупного ученого, чей авторитет в целом ряде областей лингвистики высок, а порой непререкаем. Многое из того, что в разные периоды волновало лингвистический мир, становилось предметом ее исследовательского внимания. В 60-е годы она отдала должное актуальным в то время проблемам формального описания языка, ее всегда влекла типология, всегда ей были близки тонкие вопросы семантики и просодики речевого высказывания, и всюду, во всех этих сферах, она оставила заметный след, который нельзя спутать ни с чьим иным.

Татьяна Михайловна обладает нечасто встречающейся способностью улавливать новые веяния в науке, умением видеть перспективность одних и бесперспективность других начинаний, ей дан подлинный талант, позволяющий быстро и безошибочно вычленять главное в проблеме и в ситуации, в том числе и вненаучной.

Благодаря обширным познаниям, мудрой ироничности и изящной стилистической многообразности она всегда желанный, популярный докладчик и блистательный собеседник, в котором все эти качества помножены на неотразимое женское обаяние.

На всех этапах творческой жизни, при всех разнообразных видах деятельности – при подготовке конференций и публикаций, при поездках на международные конгрессы, руководстве отделом, руководстве журналом – у Татьяны Михайловны всегда были заветные темы, над которыми она работала особенно охотно и вдохновенно. Есть такая тема у нее и сейчас…

Поздравляя дорогую Татьяну Михайловну с юбилеем, редколлегия и сотрудники редакции желают ей неиссякающей энергии и здоровья, продолжения ее многообразной деятельности и, как обычно, блестящего завершения очередной любимой работы!

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

© 2003 г. М.К. САБАНЕЕВА

РОМАНСКИЕ ПРОТОАРТИКЛИ В НЕДРАХ ЛАТЫНИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ГЕНЕЗИСА

В романистике широко распространено мнение, согласно которому определенный артикль возник раньше, чем неопределенный Бóльшей частью это положение постулируется как нечто само собой разумеющееся, общеизвестное и не нуждающееся в аргументации Так, например, Ф Брюно в заслуженно знаменитой Истории французского языка' [Brunot 1905. 194–195, 427–428] в разделах, посвященных артиклю старофранцузского и среднефранцузского периодов, уделяет внимание толь ко формам определенного артикля, в то время как формы неопределенного даже не упоминаются Неопределенный артикль включается в сферу внимания автора лишь в разделе, посвященном языку XVI века [Brunot 1906 392–393]

Г Гийом подчеркивает, что историческая последовательность становления кате гории артикля противоположна последовательности 'психических механизмов в сложившейся системе артикля [Guillaume 1969 161] Поскольку, по Г Гийому, психический механизм в системе артиклей заключается в первичности выделения предмета из класса (функция *un*) и вторичности представления предмета вне класса (функция *le*), ученый принимает как данность традиционное представление об исто рической последовательности появления артиклей 1) *le*, 2) *un*

Представление о генетически более раннем возникновении романского определенного артикля отражено в целом ряде как научных работ, так и учебников [Alonso 1967 126, Скрелина 1971 74, Шигаревская 1974 86]

Показательно в связи с этим высказывание в одной из последних отечественных работ, посвященных теории артикля "Происхождение и история артикля не вызывают особых сомнений" [Боронникова, Левицкий 1999 7–8]

В редких случаях аргументации положения об опережающем развитии определенного артикля приводятся количественные данные, убедительно свидетельствую щие в самом деле о значительно бóльшей употребительности в старофранцузском языке определенного артикля, нежели неопределенного [Ройзенблит 1954 14, 21]

Однако всегда ли бóльшая функциональная нагрузка одного из членов оппозиции должна с неизбежностью свидетельствовать о его исторической первичности? Если обратиться к латинским истокам романских артиклей, то традиционная точка зрения представляется не бесспорной

Прежде чем приступить к анализу фактического материала обследованных латинских памятников надлежит установить критерии, по которым можно было бы фиксировать переход от указательного местоимения к определенному артиклю, а от числительного в значении "один" – к неопределенному артиклю

Трудность состоит в том, что в позднелатинских памятниках усеченные формы указательного местоимения *ille*, как правило, не встречаются, а лексема *unus* во всех своих употреблениях сохраняет формальное тождество с числительным Таким образом, формальные критерии принадлежности *ille* и *unus* к протоартиклям отсутствуют Это означает, что только содержательные признаки могут быть показателя ми зарождения артиклевого значения

Нередко грамматическое значение романских артиклей рассматривается как лишь ослабление исконного значения указательного местоимения *ille*, с одной стороны, и числительного *unus* – с другой [Доза 1956 323, Menendez Pidal 1977 259, Rohlfs 1968 99].

Иную точку зрения отстаивает М А Бородина, утверждая, что речь должна идти не об ослаблении, а о существенном изменении значения соответствующих языковых единиц Автор не уточняет при этом, в чем состоит новое содержательное качество возникшей категории артикля [Бородина 1965 92]

Поскольку формальные критерии появления у *ille* или *unus* протоартиклевых функций практически отсутствуют в латинских текстах, только отличительные содержательные признаки, проявляющиеся в функционировании, могут служить показателем зарождения протоартиклей Отсюда необходимость, прежде всего, принятия критериев, противопоставляющих определенный артикль указательному детерминативу имени, а неопределенный артикль – числительному

Можно говорить о возникновении функции определенного протоартикля у формы *ille* только в таких контекстах, которые исключают использование указательного местоимения По мысли Г Гийома, определенный артикль означает, что представление о предмете создается в сознании раньше, чем сама реальность речи [Guillaume 1919 13] Ф Корблэн и Ж Клайбер показали, что только при отрыве от дейксиса и прямой анафоры реализуется специфическое артиклевое значение определенности [Corblin 1983 118–134, Kleiber 1990 155–176] Подобная ситуация имеет место при ассоциативной анафоре, проявляющейся в примерах следующего типа *Nous arrivâmes dans un village L'(*cette) église était fermée* 'Мы приехали в деревню Церковь была закрыта', *La voiture s'arrêta L'(*cette) aile avant était cabossée* 'Машина остановилась Переднее крыло было помято', *Pierre se coupa du pain, puis rangea le (*ce) couteau* 'Пьер отрезал себе хлеба, потом положил на место нож' Итак, определенный артикль означает, что, по мысли субъекта речи, ситуативно индивидуализированное представление о предмете сформировалось у адресата речи еще до того, как предмет был назван, потому что он включен в круг естественных ассоциаций, вызываемых предшествующим контекстом

Входила ли ассоциативная анафора в функциональный диапазон латинского *ille*? Анализ позднелатинских памятников позволил обнаружить две функции примененного *ille* Первая представляет собой анафору при повторном употреблении имени существительного или при кореферентном употреблении какого либо иного имени Например

1) *Qui audivit verba mea haec et facit ea, similis est viro sapienti, qui aedificavit domum suum supra petram Descendit pluvia advenerunt flumina et offenderunt in domum illam, et non cecidit* (Itala, Matth , 7, 24–25) ' Кто услышал эти слова мои и исполняет их, подобен мудрому мужу, который построил дом свой на камне Низвергся дождь, затопили потоки и повредили этот дом, а он не рухнул'

2) *Gunthchramnus vero dux advenit Avennione Providerat enim Mummolus postquam in tra murus urbis illius est ingressus, ut locus ille totus muneretur* (Gr Tur , VI, 26) 'Военачальник же Гунтхрамн подошел к Авиньону Но Муммол, после того, как он вошел в черту этого города, позаботился, чтобы все это место было укреплено'

Подобное анафорическое употребление приименного указательного местоимения *ille* вовсе не является отличительной чертой позднелатинского периода Оно было вполне обычно еще в архаической латыни Например

3) *Savium speculo dedit Nimis velim lapidem qui ego illi speculo diminuam caput* (Pl , Most , 265–266) 'Она поцеловала зеркало Я очень хотел бы иметь камень, которым раскроил бы голову этому зеркалу'

4) *Erat erus Athenis mihi adulescens optumus Is amabat meretricem Et illa illum Interibi hic miles forte Athenas advenit Insinuat sese ad illam amicam eri* (Pl M glor , 99–105) 'Был у меня в Афинах хозяином прекрасный юноша Он любил куртизанку А

она – его Тем временем приезжает случайно в Афины этот воин Он втирается в доверие к этой подруге хозяина'

Точно так же *ille* могло функционировать и в классической латыни

5) *Cum te Praeneste occupaturum nocturno impetu esse confideres, sensistine illam coloniam meo iussu, meis praesidiis esse munitam?* (Cic In L Cat Or prima, III, 8) 'Когда ты надеялся, что Пренесте будет занят в результате ночного нападения, подумал ли ты, что эта колония укреплена по моему приказу моими гарнизонами? '

Во все периоды истории латинского языка не только *ille*, но и другие указательные местоимения в качестве приименных определений могут употребляться анафорически Например

6) *Plurimum audaciae in periculis capessenda, plurimum consilii inter ipsa pericula* (T L , Ab u c XXI, IV) 'Больше всего смелости перед тем как устремиться навстречу опасности, больше всего благоразумия в самой этой опасности'

7) *Ibi primum insuevit exercitus populi Romani sacra profanaque omnia polluĕre Igitur ii milites nihil reliqui victis fecĕre* (Sall , C C , XI) 'Там впервые приучилось войско римского народа все как священное, так и светское осквернять Итак эти воины ничего не оставили побежденным'

Точно так же в романских языках, как известно, указательные местоимения в приименном употреблении и специализированные указательные детерминативы французского языка весьма широко употребительны в анафорической функции Например

8) *Le prestige de Jacques n'en pâtit pas j'écoutais bouche bée ce petit garçon* (S de B Mémoires , 62) 'Престиж Жака от этого не пострадал я слушала, разинув рот, этого маленького мальчика'

9) *A través de la cortina entreabierta, entraba la divina claridad lunar aquella insignificante luz* (Gisbert, Los espejos 64) 'Сквозь приоткрытую занавеску вливалось божественное лунное сияние этот слабый свет '

10) *Mai un albero mai una goccia d'acqua sole e polverone All'intorno delle vetture, ch iuse appunto per quel sole e quel polverone* (Lampedusa, Il gatt , 37) 'Больше ни дерева, ни капли воды солнце и пыль Вокруг экипажей, закрытых как раз для этого солнца и этой пыли, '

Все приведенные примеры убеждают в том, что анафоричность является неотъемлемой типичной функцией дейктических слов и что, следовательно, частые анафорические употребления указательных приименных местоимений в позднелатинских текстах нельзя рассматривать как артиклевую функцию В памятниках поздней латыни избыточность анафор сопряжена, очевидно, с задачей обеспечения связанности повествования и фиксирования внимания адресата на том или ином лице либо предмете Здесь проявляется некоторая беспомощность недостаточно опытного автора перед задачей создания пространного письменного текста

Второй сферой функционирования приименного *ille* в позднелатинских текстах является определение к антецеденту относительного придаточного предложения Например, в поздней латыни

11) *Beatus ille servus quem veniens dominus eius inveniet sic facientem* (Itala, Matth XXIV, 46) 'Блажен тот раб, которого господин, вернувшись, застанет поступающим таким образом'

12) *Regi suggessit quod illam parentem Francorum quam reginam habuerat non dibuissit umiliare* (Fr Sch IV, 71) ' Королю внушил, что ту родственницу франков, которая была раньше его супругой, он не должен унижать'

В этом употреблении указательного местоимения также нельзя усматривать что-либо от определенного протоартикля, потому что как в классической, так и в архаической латыни антецедент относительного придаточного нередко сопровождается приименным указательным местоимением Например

13) *Et de illo vulnere quod ille in capite ab hostium duce acceperat, multa dixit* (Cic In Verr Act II, V, I, 3) ‘ И о той ране в голову, которую ему нанес вражеский военачальник, много говорил’

14) *Tibicinam illam tuus quam gnatus deperit circumducam* (Pl Pseud , 528–529) ‘Ту флейтистку, по которой томится твой сын, я похищу ’

Аналогичные конструкции с приименными указательными детерминативами тоже широко употребительны и в современных романских языках Например

15) *J'eus l'impression de n'être pas grand–chose face à cet homme qui se demandait comment je pouvais bien tuer mes dimanches* (Daninos Un certain m Bl , 195) ‘У меня создалось впечатление, что я был никчемен перед лицом этого человека, который спрашивал себя, на что я мог тратить время по воскресеньям’

16) *Entraron en esa epoca de la vida, en que el cielo ofrece sonrias* (Valdés, José 48) ‘Они вступили в этот период жизни, в котором небо дарит улыбки ’

17) *Prima di avviarsi giu in cantina con quel suo paso duro che risuona sugli scalini* (Moravia R R , 27) ‘ Прежде чем направиться вниз в погреб тем своим тяжелым шагом, который раздается на ступенях’

Таким образом, есть все основания заключить, что в своих наиболее распространенных функциях позднелатинское *ille* еще ничем принципиально не отличается от приименных употреблений указательных местоимений в архаической латыни или в будущих романских языках Исключение представляет лишь текст пародии на 'Салическую правду", датируемый концом VIII в , в котором Е В Андреева обнаружила 2 примера на ассоциативную анафорическую связь, выраженную с помощью усеченных форм ille, уже подвергнувшихся аферезису *lo cabo* и *los potionis* [Андреева 1999 3–5]

Иначе обстоит в латыни с протоартиклем неопределенности, т е с выражением неиндивидуализированного представления о предмете/лице

Как известно, в сфере местоимений грамматическое значение неопределенности существует в трех ипостасях [Падучева 1985 91–93] Это, во-первых, слабая определенность, при которой предмет (лицо) известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему Подобная грамматическая семантика может быть передана в русском языке числительным "один" Например, *Встретился я вчера с одним приятелем* Во-вторых, это собственно неопределенность, или специфическая неопределенность, при которой предмет (лицо) неизвестен ни адресату, ни субъекту речи Например *Мой приятель был вчера в каком то клубе* В-третьих, это неспецифическая неопределенность, при которой фиксированный референт в реальной ситуации вообще отсутствует Например, *Мой приятель ищет какую-нибудь работу*

Неопределенному артиклю в целом присуще выражение неиндивидуализированного к моменту речи представления о предмете (лице), т е введение названия предмета (лица) в речь в первом предъявлении, при этом реализуемая информативная функция обозначения нового может быть коммуникативной ремой, которая выделяется субъектом речи, поскольку играет важную роль в дальнейшем развитии текста Именно это позволило Г Гийому характеризовать неопределенный артикль как "article de relief" [Guillaume 1919 204], а В Г Гаку представить богатый спектр русских эквивалентов коммуникативно выделительного артикля [Гак 1989 112–117] Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в отличие от неопределенной семантики местоимений, неопределенный артикль обладает в своем грамматическом регистре таким значением, которое не сводимо ни к русским "один", "какой-то", "какой нибудь", ни к каким-либо другим языковым средствам Если рельефное" употребление неопределенного артикля связано с дальнейшим развитием информации в задаваемом ключе в так называемом "правом" контексте, то максимально грамматизированное и стилистически нейтральное содержание неопределенного артикля состоит лишь в обозначении отсутствия связи между представлением о предмете (лице) и левым контекстом, т е отсутствия предупоминания Никакого особого выделения предмета (лица) при этом не происходит Показательно сопоставление неопределенных артиклей в следующих примерах

18) *Seul le docteur Svenson posait parfois sur son gendre un regard incertain – mais c'était son habitude. Une éternelle question planait dans ses yeux pâles. Alors Jo disait: "Tu poses un diagnostic?"* (M.–J., Allegra, 33) «Только доктор Свенсон иногда устремлял на своего зятя какой-то неясный взгляд – но это было его привычкой. В его светлых глазах был своего рода вечный вопрос. Тогда Джо говорила: "Ты ставишь (какой-нибудь) диагноз?"».

Здесь каждое из употреблений неопределенного артикля может быть интерпретировано как выделительное и, соответственно, тем или иным образом отражено в переводе. Это невозможно в следующих примерах:

19) *...Elle enfila sa robe neuve... puis un manteau à collet. Enfin elle noua sous son menton les rubans de la capote* (Duham. Le not., 43) '...Она надела свое новое платье, потом пальто с поднятым воротником. Наконец она завязала под подбородком ленты от шляпки'.

20) *Elle alluma une cigarette et s'accroupit devant le feu* (Mauriac, La fin.., 24) 'Она зажгла сигарету и присела на корточках перед огнем'.

Аналогичны следующие сопоставления на испанском материале:

21) *Se trataba de una carta cuya fecha era de diez días atrás* (Gisbert, Los espejos.., 26) 'Речь шла о каком-то (об одном) письме, написанном десять дней тому назад'.

22) *Estaba sentada en un banco, lejos del mostrador* (Gisbert, Los espejos.., 7) 'Она сидела на скамье, далеко от прилавка';

ср. итальянские примеры:

23) *Gli ritorno in mente un verso che aveva letto per caso in una libreria di Parigi, sfogliando un volume di non sapeva piú chi...* (Lampedusa, Il gatt., 22) 'Ему пришло на ум одно стихотворение, которое он случайно прочел в одном из парижских книжных магазинов, перелистывая какой-то том, он уже не помнил какого автора...'.

24) *...Dopo una breve attesa un servo grattava alla porta e si era ammessi alla Presenza Augusta* (Lampedusa, Il gatt., 14) '...После недолгого ожидания слуга слегка скребся в дверь, и совершался допуск к августейшему лицу'.

Итак, вершиной грамматического абстрагирования неопределенного артикля является указание на отсутствие связи с левым контекстом наряду с отсутствием особой выделительной функции. Иными словами, объективно новая информация не выделяется самостоятельно субъектом речи ни как тема, ни как рема коммуникации[1].

Развитие романского неопределенного артикля из числительного, обозначающего понятие "один", констатируется в огромном количестве языков [Givón 1981: 35]. Естественно поставить вопрос о том, что именно предрасполагает числительное со значением "один" к превращению в неопределенный артикль.

"Один" представляет собой единицу счета, а счет предметов и предметных понятий возможен лишь при отвлечении от индивидуальных признаков. На этом основании можно заключить, что у числительных как класса слов наряду с отчетливым лексическим значением конкретного числа имеется базовая негативная грамматическая сема: отсутствие индивидуализации счисляемых предметных понятий. Особое место в ряду числительных занимает лексема "один", поскольку она в бóльшей мере, чем какое-либо другое число способствует обособлению из класса. Как раз благодаря этому обособлению возникает у первично неиндивидуализированного предметного понятия возможность последующей индивидуализации. Также вследствие подобного обособления появляется у "unus" функция введения в речь нового предметного понятия.

Переход от числительного *unus* к неопределенному артиклю сопряжен с перераспределением сем по степени значимости. На первый план вместо количественной

---

[1] О дифференциации, с одной стороны, данного и нового как единиц объективной информации, с другой – темы и ремы как единиц субъективной фокусировки говорящим см., например [Daneš 1970: 132–146; Firbas 1966: 239–256].

лексической семы выступает качественная грамматическая сема отсутствия индивидуализации представления о предмете в момент речи.

В функции неопределенного протоартикля, служащего рематическому выделению, *unus* изредка встречается уже в архаической латыни, выражая слабую определенность (т.е. неизвестность для адресата речи). При этом вводимое *unus* предметное понятие играет важную роль в последующей ситуации, т.е. существенно для развития правого контекста. Например:

25) *Ego accipiam te hodie lepide, ubi efficeris hoc opus. Lepido victo, vino, unguentis... Ibidem aderit una mulier lepida, tibi savia super savia quae det* (Pl., Pseud., 946–948) 'Я тебя сегодня прекрасно угощу, когда ты это дело сделаешь. Прекрасной пищей, вином, благовониями... Там будет одна прекрасная женщина, которая станет тебе дарить поцелуи за поцелуями'.

26) *Sed est huic unus servus violentissimus qui ubi quemquam videt prope hasce aedeis adgredi, item ut de frumento anseres clamore absterret, abigit* (Pl., Truc., 251–254) 'Но есть у него один очень грубый раб. Едва увидит он, как кто-нибудь из нас подходит к этому дому, прогоняет громкими криками, словно гусей от пшеницы'.

В примерах *una mulier lepida* и *unus servus violentissimus* отображают информативно новые предметные понятия, образующие коммуникативно выделенную рему, которая становится темой придаточного предложения.

Возможно использование *unus* в значении специфической неопределенности. Например:

27) – *Quid agis tu? – A foro incedo domum.*

– *Numquid processit ad forum hic hodie novi?.. – Unum vidi mortuum efferri foras* (Pl. Most., 998–1002)

'Что ты делаешь? – Иду домой с форума. – И что же нового было сегодня на форуме? – Я видел, как выносили какого-то мертвеца'.

Разумеется, в архаической латыни протоартиклевые функции *unus* еще очень редки, далеки от регулярности. Господствует, как известно, употребление имен без каких-либо артиклеобразных сопроводителей. Например:

28) *Emit fidicinam filiam credens senex persuasu servi* (Pl. Ep., 1–2) 'Купил флейтистку старик (= один старик, М.С), считая ее дочерью по внушению раба'.

29) *Leno me peregre militi Macedonio minis viginti vendidit* (Pl. Pseud., 51–52) 'Сводник продал меня на чужбину (одному) македонскому воину за двадцать мин'.

В обследованных для данной работы памятниках классической латыни протоартиклевых употреблений *unus* обнаружить не удалось. Это не означает, однако, что *unus* не продолжало развиваться как протоартикль в народной речи, потому что в позднелатинских текстах протоартиклевые функции *unus* обнаруживаются без труда. Например:

30) *Et accessit ad eum una ancilla dicens: Et tu cum Jesu Nazareno eras* (Itala, 26) «И подошла к нему одна (какая-то) служанка, говоря: "И ты был с Иисусом из Назарета"».

31) *Gundovaldus... legatus dirigit... Ex quibus unus abba Caturcinae urbis litteras quas acciperat cavatam codicis tabulam, sub cera recondidit* (Gr. Tur. VII, 30) 'Гундовальд... отправил послов... Из которых один аббат города Кагора, вырезав в глубину деревянную дощечку, под воском спрятал письмо, которое ему было вручено'.

Как в примере № 30, так и в примере № 31 с помощью *unus* вводится в повествование новое лицо, играющее важную роль в дальнейшем развитии событий[2].

---

[2] А. Эрну и Фр. Тома отмечают у Цицерона такие артиклевые употребления *unus*: *sicut unus paterfamilias his de rebus loquor* 'как глава семейства говорю об этих делах' и *...tamquam unus manipularis* 'словно рядовой воин' [Ernout, Thomas 1953: 193]. Соответствующее значение неопределенного артикля *un* в старофранцузском языке Е.В. Андреева определяет как типизирующее при обобщенном эталоне сравнения [Андреева 1998: 16]. Показательно, что в безартиклевом русском языке эта функция *unus* не имеет точного эквивалента. Развитие сугубо артиклевой семантики в латыни уже зашло далеко.

Новое предметное понятие оказывается существенным для дальнейшего развития информации в правом контексте Поэтому в данном случае можно говорить о рельефности протоартикля *unus*, употребленного в значении слабой определенности и переводимого на русский язык числительным "один"

Встречаются в позднелатинских текстах употребления *unus* при существительных, обозначающих такие предметные понятия, которые не получают развития в правом контексте В подобных случаях *unus* выражает только отсутствие предупоминания в левом контексте и не обладает особой выделительной функцией Например

32) *Hic vero cum dedicisset quae meretrix ista commiserat, succensum vehementer balneum, eam in eodem cum una puella incluдi praecipit Quae nec mora inter arduos vapores ingressa, in pavimento conruens, mortua est* (Gr Tur III, 31) 'Когда же он узнал, что совершила эта блудница, после того как была очень жарко натоплена баня, приказал ее со служанкой туда запереть Когда же она вошла в раскаленные пары, рухнув на пол, умерла'

33) *Charoaldus rex, his mendatiis auditis, credens, Gundobergam in Laumello castro in unam turrem exilio trudit* (Fr Sch , IV, 51) 'Король Хароальд, выслушав эти лживые наветы, поверив, отправил Гундебергу в крепость Лаумелло в башню в заточение'

Рассмотренные примеры из архаической и поздней латыни позволяют утверждать, что неопределенный протоартикль *unus* уже находит отражение в текстах со ответствующих эпох, в то время как *ille*, чрезвычайно часто употребляемое, служит, как правило, когезии либо текста (при анафоре), либо сложноподчиненного предло жения (при антецеденте относительного придаточного) и не выступает еще в артикулевом значении ассоциативной анафоры

Как справедливо указывает Р Г Пиотровский, имея в виду раннероманскую конкуренцию указательных *ipse* и *ille*, "кристаллизация в единой форме новой грамматической категории – артикля – предусматривала борьбу нескольких синонимических вариантов" [Пиотровский 1960 48]

Это положение вполне применимо к развертывающейся в недрах латинского языка конкуренции числительного ⟶ неопределенного протоартикля *unus* и неопределенного местоимения ⟶ неопределенного протоартикля *quidam*. Исследователи отмечают, что местоимение *quidam* в функции определения к имени означало "некий", т е вводило предмет (лицо), которому говорящий не может или не хочет дать более точное определение Тем самым, пользуясь современным метаязыком, можно сказать, что за приименным *quidam* признаются значения специфической неопределенности и слабой определенности В научной литературе указывается также, что местоимению *quidam* в функции приименного определения свойственна наименьшая неопределенность среди всех неопределенных местоимений латинского языка, т е значение "un certain" [Hofmann 1965 194] Иными словами, у *quidam* отмечается значение слабой определенности

Приименное употребление *quidam* широко распространено в комедиях Плавта Вероятно, исконным значением этого местоимения была специфическая неопределенность, отображавшая недостаточную информированность говорящего о том или ином предмете речи Например

34) *Olet homo quidam* (Pl Amph , 321) 'Пахнет каким-то человеком'

35) *Hac nocte in somnis mea soror visa venisse Athenis in Ephesum cum suo amante quodam* (Pl M gl , 383–385) 'Этой ночью во сне приснилось, что моя сестра приехала из Афин в Эфес с каким-то своим возлюбленным'

Приименное *quidam* способствует функциональной субстантивации прилагательных Например

36) – *Qua facie fuit? – Rufus quidam, ventriosus, acutis oculis* (Pl Pseud , 1217–1219) 'Какой он был внешности? – Какой-то рыжий, пузатый, с пронзительным взглядом' (дословно ' с острыми глазами')

В приведенных примерах речь идет о лицах, неопределенных для субъекта и для адресата речи Реализуется специфическая неопределенность

В следующих примерах говорящий хорошо осведомлен о предмете речи Реализуется слабая определенность

37) *Amico dedi cuidam operam dum emit unguenta* (Pl Cas , 241) ‘ Я помог одному другу, в то время как он покупал мази’

38) *Senex est quidam qui illam mandavit mihi ut emerem* (Pl , Merc , 426) ‘Есть один старик, который меня послал, чтобы я ее купил’

39) *Adulescens quidamst qui in hisce habitat aedibus Is rem paternam me adiutrice perdidit* (Pl Trin , 12–13) ‘Есть один юноша, который живет в этом доме Он с моей помощью лишился отцовского имущества’

Во всех примерах *quidam* выделяет новое в повествовании, причем, как правило, лицо, играющее немалую роль в ситуации и дальнейшем развитии сюжета В архаической латыни неопределенный протоартикль *quidam*, как и *unus*, используются преимущественно эмфатически, с целью особого выделения имени Представляется не маловажным и то обстоятельство, что *quidam* и *unus* у Плавта вводят имена лиц, с которыми, естественно, связаны представления об активном начале в мире и которые столь же естественно оказываются в центре внимания зрителей, слушателей читателей

Сосуществование *unus* и *quidam* в архаической латыни в функциях слабой определенности и специфической неопределенности свидетельствует о возникновении новых единиц плана содержания, которые "ищут" для себя адекватные средства выражения

Следует отметить, что в значении неспецифической неопределенности ("какой-нибудь") ни *quidam*, ни *unus* не встретились в латинских текстах Эта семантическая зона, очевидно, была подвластна только неопределенным местоимениям

В позднелатинских текстах неопределенный протоартикль *quidam* чрезвычайно распространен По видимому, будучи по происхождению местоимением, широко употребительным в классической латыни, он не воспринимается как элемент просторечия Неопределенный протоартикль *quidam* по-прежнему может выражать изначально присущее ему значение специфической неопределенности Например

40) *Ponentes ad fenestran absidae cancellum quod super tumulum cuiusdam defuncti erat, ascendentes per eum effracta vitrea sunt ingressi* (Gr Tur , VI, 10) ‘Приставив к окну абсиды решетку, которая была на могиле какого-то покойника, поднявшись по ней разбив стекла, вошли’

41) *Parte fame parte morbo quadam plagis caelestibus finiuntur* (Fr Sch , II, 53) ‘ От части от голода, отчасти от какой-то болезни вследствие небесных кар погибли’

Обращают на себя внимание частые морфологические ошибки при согласовании quidam с определяемым именем (например, *morbo quadam*), характерные для текста Фредегария Это позволяет предположить, что в устной речи для передачи неопределенности использовалась больше иная форма, по всей вероятности, *unus*, а *quidam* сохранялось преимущественно в письменной речи позднелатинского периода

Особенно широко используется *quidam* в значении слабой определенности для введения в повествование нового лица, играющего важную роль в развитии событий Например

42) *Cum sero autem factum esset venit quidam homo ab Arimathia nomine Joseph* (Itala, M , XXVII, 57) ‘Когда же стемнело, пришел из Аримафеи один человек по имени Иосиф’

43) *Infirmatus est quidam senum, et cum non posset sumere cibum multis diebus rogabatur a discipulo suo ut fieret ei aliquid* (V P , I, V, 4, 59) ‘Заболел один старец, и после того как много дней не мог принимать пищу, попросил своего ученика что-нибудь ему приготовить’

44) *Unde factum est ut puella quedam religiosa, quae Deo omnipotenti inreprehensibiliter serviebat, ad hac quaestionem adduceretur* (Gr Tur , II, 3) ‘Затем случилось так, что одна девушка монахиня, которая всемогущему Богу безупречно служила, была приведена на этот допрос’

В функционировании *quidam* в позднелатинских текстах наблюдается та же особенность, что выше была отмечена у протоартикля *unus*, и которая не обнаруживается в архаической латыни Это употребление перед именем, обусловленное только отсутствием какого-либо предупоминания в левом контексте, т е именем, несущим новую информацию, но не выделяемым ни в качестве темы, ни в качестве ремы Наиболее обычны такие употребления *quidam* в начале предложения перед именем в роли обстоятельства места или времени, открывающим новый фон дальнейших событий Например

45) *Quadam die domenica postquam diaconus silentiam populis indixit, rex conversus ad populum dixit* (Gr Tur , VII, 8) ' В один воскресный день, после того как диакон призвал людей (дословно "народы") к молчанию, король, обратившись к народу, сказал'

46) *Quadam nocte homo pauperculus crapulatus a vino, in angulo basilicae beati Petri apostoli obdormivit* (Gr Tur , II, 3) 'Однажды ночью сильно замелевший от вина бедняк заснул в углу базилики блаженного апостола Петра'

47) *Cum meridiae sub quasdam arboris in pomario senior Antonia cum Iustiniano discubuisset* (Fr Sch , II, 62) 'Когда в полдень под деревьями во фруктовом саду старшая Антония возлежала с Юстинианом '

Изложенные наблюдения позволяют заключить, что романский неопределенный протоартикль возник в латинском языке и стал проникать в письменные памятники намного раньше, чем протоартикль определенности Данное положение имеет как фактические, так и теоретические обоснования

1 Спорадическое использование уже в архаической латыни *quidam* и *unus* в функции неопределенного протоартикля свидетельствует о наличии потребности выразить единицу содержательного плана, за которой еще не закрепилась специализированная форма В архаической латыни имеются употребления *unus*, в которых качественная грамматическая сема отсутствия индивидуализации выступила на первый план В отличие как от *ille*, так и от *quidam* в архаической и в поздней латыни *unus* употребляется неизменно в контактной препозиции к имени, при этом реализуется основной будущий романский принцип оформления именной синтагмы

2 Что касается соотносительной частоты употребления определенного и неопределенного артиклей, то количественное преобладание определенного артикля над неопределенным с неизбежностью вытекает из грамматического значения данных единиц, в связи с которым, по мысли С Д Кацнельсона, "при помощи неопределенного артикля совершается первичное знакомство с предметом Всякое дальнейшее упоминание обязательно сопровождается определенным артиклем Он занимает все дистрибутивное пространство, не занятое неопределенным артиклем" [Кацнельсон 1972 38]

3 Этимон неопределенного протоартикля *unus* проходит менее сложный путь семантической эволюции, чем этимон определенного артикля *ille Unus* легко и естественно как бы соскальзывает от числительного к протоартиклю ведь обе семы (количественная и качественная) продолжают сосуществовать, только меняются местами Этот процесс настолько незаметен, что лишь во второй половине XVII в грамматисты Пор-Рояля стали называть *un*, *une* неопределенным артиклем [Власов 1998 55]

4 В отличие от *unus* латинскому указательному местоимению *ille* предстояло пройти значительно более сложный путь семантической эволюции, чтобы стать протоартиклем Исходное значение дейктического *ille* – указание на предмет/лицо, находящиеся за пространственными пределами речевой ситуации Между тем содержание определенного артикля состоит в обозначении индивидуализированного представления о предмете/лице, сформировавшегося до момента речи, иными словами, в ассоциативной анафоре Тем самым определенный артикль выражает временнóе предшествование представления самому акту речи Пространственная отдаленность конкрет

ных предметов переосмыслилась, превратившись во временную последовательность представлений

5 Поскольку грамматическое значение неопределенного артикля сопряжено с первичным предъявлением предмета/лица в речи, т е содержит объективно новую для адресата информацию, вполне естественно, что коммуникативно-прагматический фактор обусловил в первую очередь спорадическое возникновение протоартикля неопределенности Грамматическое абстрагирование протоартикля неопределенности развивалось от нового", значимого для поступательной информации в правом контексте, к 'новому', отсутствовавшему ранее в левом контексте Как коммуникативно отмеченная, так и коммуникативно нейтральная функция неопределенного артикля сохраняются в современных романских языках

6 Сосуществование двух протоартиклей неопределенности (*unus* и *quidam*) в латыни есть проявление закономерного диахронического соотношения содержания и формы в языке Потребность выражения новой мыслительной единицы проявлялась в 'поиске наиболее адекватного языкового средства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева 1998 – *Е В Андреева* К вопросу о функциях артикля un в старофранцузском языке // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов Вып 7 СПб , 1998

Андреева 1999 – *Е В Андреева* Об одном позднелатинском тексте в связи с проблемой романского артикля // Индоевропейское языкознание и классическая филология III Чтения памяти И М Тронского СПб , 1999

Бородина 1965 – *М А Бородина* Историческая морфология французского языка (на французском языке) М , Л 1965

Боронникова, Левицкий 1999 – *Н В Боронникова Ю А Левицкий* Артикль Вопросы теории и типологии Пермь 1999

Власов 1998 – *С В Власов* Проблема неопределенного артикля во французских грамматиках XVI–XVII вв // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов Вып 7 Секция грамматики Секция истории языка СПб , 1998

Гак 1989 – *В Г Гак* Сравнительная типология французского и русского языков М , 1989

Доза 1956 – *А Доза* История французского языка М 1956

Кацнельсон 1972 – *С Д Кацнельсон* Типология языка и речевое мышление Л , 1972

Падучева 1985 – *Е В Падучева* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) М , 1985

Пиотровскии 1960 – *Р Г Пиотровскии* Формирование артикля в романских языках М Л , 1960

Ройзенблит 1954 – *Е О Роизенблит* К вопросу истории развития определенного и неопределенного артиклей во французском языке Автореф дис канд филол наук М , 1954

Скрелина 1971 – *Л М Скрелина* История французского языка (на французском языке) Л 1971

Шигаревская 1974 – *Н А Шигаревская* История французского языка (на французском языке) Л 1974

Alonso 1967 – *A Alonso* Estudios linguisticos Temas españoles Madrid 1967

Brunot 1905 – *F Brunot* Histoire de la langue française des origines a nos jours I Paris, 1905

Brunot 1906 – *F Brunot* Histoire de la langue français des origines a nos jours II Paris, 1906

Corblin 1983 – *Fr Corblin* Defini et demonstratif dans la reprise immediate // Le français moderne 1983 № 2

Daneš 1970 – *Fr Daneš* One instance of Prague School methodology functional analysis of utterance and text // Method and theory in linguistics The Hague, Paris, 1970

Ernout, Thomas 1953 – *A Ernout Fr Thomas* Syntaxe latine Paris, 1953

Firbas 1966 – *J Firbas* Non–thematic subject in contemporary English // Travaux linguistiques de Prague 2 1966

Hofmann 1965 – *J B Hofmann* Lateinische Syntax und Stilistik Munchen 1965

Guillaume 1919 – *G Guillaume* Le probleme de l'article et sa solution dans la langue française Paris, 1919

Guillaume 1969 – *G Guillaume* Langage et science du langage Paris, Quebec, 1969
Givón 1981 – *T Givón* On the development of the numeral "one" as an indefinite marker // Folia linguistica historica Acta societatis linguisticae europaeae II № 1 1981
Kleiber 1990 – *G Kleiber* Sur l'anaphore associative article défini et adjectif démonstratif // Rivista di linguistica 2, № 1 1990
Menendez Pidal 1977 – *R Menendez Pidal* Manual de gramática histórica española Madrid, 1977
Rohlfs 1968 – *G Rohlfs* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti Morfologia Turino, 1968

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Beauvoir S de Mémoires d'une jeune fille rangée Paris, 1958
Cicero M Tullius // L Catilinam Oratio prima M , 1947
Cicero M Tullius // C Verrem Actionis secundae liber V M , 1947
Daninos P Les carnets du major Thompson Paris, 1960
Duhamel G Le notaire du Havre Paris, 1933
Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus // Monumenta Germaniae Historicae Bd 2 Hannover, 1889
Gisbert J M Los espejos venecianos Zaragoza, 1994
Gregorii Turonensis Historiarum libri decem Bd 1–2 Berlin, 1967
Itala Das Neue testament in Altlateinischer Uberlieferung Berlin, 1938
Lampedusa T di Il gattopardo Milano, 1966
Mallet-Joris Fr Allegra Moscou, 1985
Mauriac Fr La fin de la nuit Paris, 1935
Moravia A Racconti romani Mosca, 1969
Plautus Amphitruo // T Macci Plauti Comoediae Bd I Lipsiae, 1893
Plautus Casina Lipsiae, 1893
Plautus Epidicus Lipsiae 1893
Plautus Miles gloriosus Lipsiae, 1893
Plautus Mostellaria // T Macci Plauti Comoediae Bd II Lipsiae, 1896
Plautus Pseudolus Lipsiae, 1896
Plautus Trinummus Lipsiae, 1896
Plautus Truculentus Lipsiae, 1896
Sallustius C Coniuratio Catilinae M , 1947
Titi Livii Ab urbe condita Liber XXI M , 1948
Vitae Patrum sive Historiae Eremiticae libri decem // I Iordan Crestomaţie Romanica T I Bucureşti, 1962
Valdes A P José Madrid, 1982

№ 6 2003

© 2003 г. О.А. ЛАПТЕВА

САМООРГАНИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ЯЗЫКА: ВНУТРЕННИЕ ИСТОЧНИКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
(статья первая)

Время быстрых социально-политических изменений обычно становится и временем ускорения языковой динамики Бурно растет масса новаций, неизбежно меняющих нормативные установления литературного языка путем приобретения ими литературного статуса и возникновения новых соотношений литературных и внелитературных языковых явлений [Нещименко 2001] Новации воспринимаются общественным вкусом по-разному в зависимости от ряда причин и условий степени и сферы распространения, источника возникновения (внешнего по отношению к языку или внутриязыкового), наличия незаполненной ниши для выполнения новой функции, соответствия языковой системе и под Интересно, что не всякая массовая новация замечается и обсуждается обществом Наиболее заметными оказываются иноязычные и прежде внелитературные лексические заимствования (внешние и внутренние). варваризмы, жаргонизмы, вульгаризмы Вводимые в литературные тексты в соответствии с быстро меняющимися вкусовыми предпочтениями, они становятся модными, что усиливает их экспансию, но одновременно и содержит в себе опасность их быстрого устаревания, поскольку мода переменчива [Костомаров 1994] Замечаются также и неизбежные в условиях раскачивания литературной нормы речевые неудачи и разного рода неправильности, снижающие общую культуру речи

В 1939 г Л.В Щерба, говоря о диалогической речи, заметил "Все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи" [Щерба 1957] Сейчас в еще большей мере это можно отнести к речи средств массовой информации, роль которых в жизни общества, а значит и в жизни языка, огромна Во власти журналиста чуть ли не мгновенно распространить языковое средство, сделать его заразительным, а совокупность подобных употреблений многократно увеличивает их массив Журналист сам принадлежит к определенному социально-возрастному и культурному слою общества и тиражирует его речевые особенности, преумножая и приумножая социальное воздействие на языковую систему Так осуществляется причудливое взаимодействие системных и социальных факторов, вызывающее сдвиг в употреблении, способный к масштабным преобразованиям В совокупности употреблений разных способов языкового выражения однородных значений в соответствии с заложенными в языковой системе возможностями создается определенный рисунок соотношений типовых употреблений

Социальные факторы в его облике могут играть как вспомогательную, так и основную роль В первом случае внутрисистемные языковые соотношения сильнее, и их участие в преобразовании средств выражения оказывается лидирующим

Процессы языковых преобразований можно называть по-разному – в зависимости от их деления на три группы Активные процессы – это любые действующие процессы и продолжающие направление старого движения, и возникающие вновь Важно, чтобы те и другие были продуктивными Если активный процесс идет по прежнему руслу, отчасти видоизменяя его и привлекая к участию новые способы

выражения, его можно назвать ж и в ы м. Н о в ы й же процесс (тоже, конечно, живой) формирует свои, ранее не известные, механизмы развития и привлекает вновь складывающиеся языковые средства, которые могут сочетаться со старыми и дополнять их. И при расширении возможностей старых процессов, и при возникновении новых преобразуется система соотношений явлений и структурная сетка на данном участке языковой системы и неизбежно меняется характер языковых норм.

Недавно Е.А. Брызгунова привела очень интересное наблюдение над тем, как активно в современном русском литературном языке развиваются семантические компоненты неопределенности, "кажимости". При общем росте аналитизма во многих случаях не хватает семы ограничения, точности. Возникает две группы изменений – под действием внутриязыковых законов и под преобладающим действием социально-экономических (так у Е.А. Брызгуновой) факторов [Брызгунова 2002].

При любом типе процесса любой сдвиг – и формальный, и семантический – начинается в узусе, в живом употреблении. Основной его механизм – р а с ш и р е н и е с о ч е т а е м о с т и слова или другого языкового средства. Появляясь в соседстве, подкрепленном грамматической связью, с другим словом, ранее для его сочетаемости не характерном, слово впитывает его семантику и тем самым меняет свою прежнюю. Этот тип изменения не новый, он руководил, например, глагольным приставочным словообразованием, где распределение приставок и корней и их взаимное соединение могло идти от совместной семантики корень + приставка. Так можно объяснить совпадения и несовпадения приставок с древними корнями *рук-* и *лук-*: есть *получить* и *поручить*, но *пере-* возможно только со вторым глаголом (*перепоручить*, но не *переполучить*), есть *заполучить*, но нет *запоручить*, есть *вручить*, но нет *влучить*, есть *отлучить*, но нет *отручить*, есть *разлучить*, но нет *разручить*.

Усиление значения вкуса и моды в развитии языка в наше время позволяет выстроить такую цепочку преобразований: вкус → мода → расширение сочетаемости → семантическое изменение → преобразование данного звена системы языка и участка его структуры → замена старых нормативных отношений на новые.

Поскольку свойство гибкой стабильности литературного языка сохраняется на всех этапах его жизни, изменению подвергается не весь язык в целом, но на каждом этапе некие – причем немногие – "к р и з и с н ы е т о ч к и". Тенденция изменения в этих точках охватывает всю группу однородных явлений, но – и это очень важно для сохранности языка – в разной степени. И.А. Бодуэн де Куртенэ говорил о том, что бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, даст, наконец, заметную перемену. Такое малое изменение становится особенно значительным у л и д е р а группы однородных явлений. Он наиболее ярко и четко фокусирует в себе общую тенденцию. Он – как бы вершина треугольника, основанием которого служат все явления группы.

Если лидер – слово, то оно быстро захватывает все поле узуса, вытесняя синонимы и становясь излюбленным в обществе. Степень экспансии такого слова становится столь сильной, что оно захватывает максимум возможных позиций употребления и празднует победу во всех социальных, возрастных, профессиональных слоях, и у интеллигенции, и у широких слоев, легко минуя границу разницы в образовании. Например, в словообразовании таким лидером стали слова на *-ка*, вытесняющие из обихода соответствующие двусловные наименования и проникающие даже в самые официальные и книжные письменные тексты вплоть до законодательных. Подобные лидеры возглавляют пучки явлений, где осуществляются языковые изменения. Такое устройство обеспечивает легкое преодоление затруднений, создаваемых существованием сформулированных И.П. Мучником и М.В. Пановым антиномий в языке (см. [Мучник, Панов 1968: 24–28]). Среди них – антиномия узуса и возможностей языковой системы.

Говоря о соссюровской дихотомии "язык – речь", Т.М. Николаева пишет, что речь в ней понимается как индивидуальная и допускающая случайные характеристики, "ценность которых – в возможном будущем обогащении языковой системы"

[Николаева 1978: 9]. Здесь можно вспомнить о роли процессов самоорганизации в любой природной системе и роли спонтанности, возникающей в точках неустойчивости, например, квантовых точках при выращивании однородного материала. Надо сказать, что способность к системной самоорганизации присуща не только массе, но даже и немногим – вплоть до двух – существующим совместно событиям (явлениям) Но вслед за системой идет норма.

Для нашего сюжета о самоорганизации и преобразованиях важно видеть различия кодифицированной и узуальной норм, опирающиеся в свою очередь на различия объективной и субъективной нормы. Вместе оба типа обеспечивают эластичность нормы, ее стремление к увеличению числа допустимых вариантов. А это, в свою очередь, создает возможность появления слабых звеньев и возникновения в них новаций, несмотря на нормативный запрет и стремление нормы к закреплению синхронной устойчивости.

Если, имея это в виду, вернуться на поприще современной русской литературной речи, литературное качество которой предполагает внимание к "правильности" и соответствию культурно-речевым рекомендациям, то нельзя обойти стороной вопрос о соотношении языкового (а значит – системного) развития и порчи языка. На фоне нынешнего разгула речевой стихии, порой безнадзорного и неуправляемого (и, конечно, вызывающего в обществе массу нареканий и тревогу), необходимо обозначить контур их различий. Здесь большую роль играет фактор массовости явления, хотя нельзя забывать слова Д Н. Ушакова о том, что и ошибка бывает массовой. И все же лишь при широком употреблении формируется и получает свои очертания узуальная норма, без которой невозможно развитие.

Так было и раньше. Что это такое: Ягненка видит он, На *дóбычу* стремится; Отец ее был важный барин, В прошедшем веке *запоздалый*; Служенье *муз* не терпит суеты? Не что иное как узуальная норма, предполагающая возможность изменения. С тех пор прошло много времени, и смена норм естественна. Но вот Леонид Андреев, отстоящий от нас не столь далеко: Аврамов оскорбил меня *названием подлеца, протеснился* сквозь толпу и др.

Развитие имеет свой рисунок, обозначающий контуры будущей системы. Ошибка случайна и бессистемна, даже если она массова. Она не принадлежит узуальной норме (хотя и принадлежит узусу), потому что норма закрепляет лишь системные отношения. Кроме того, нельзя забывать и об ориентации даже и узуальной, даже и устной нормы на письменную литературную речь как образцовую. Узуальная норма и вкус, пристрастие, предпочтение совместимы, ошибка не совместима с ними. Первая дает начало живому процессу языкового изменения, вторая отторгается обществом. Исключения, конечно, возможны.

Остается обозначить признаки слова-лидера (или формы-лидера). Это:

1. Широкое распространение на фоне охвата всех групп общества.
2. Вытеснение из узуса конкурентов или ослабление их путем сужения поля их употребления.
3. Воплощение определенной общей тенденции, свойственной всей группе.
4. Ослабление прежних нормативных установлений для группы, преодоление их обязательности. Грубое их нарушение.
5. Развитие четкой структурной организации во всех своих вариантах и значениях на базе стремления к расширению сочетаемости.
6. Стремление к формированию собственной узуальной нормативности.
7. Тенденция к употреблению в тексте совместно с лидерами других групп явлений.
8. Мимикрия под исходный нормативный вариант.
9. Стремление к литературности нового значения, функции и употребления путем преодоления исходной литературности, пока безуспешное.
10. Безбрежное расширение своего исходного значения, заканчивающееся утратой всякого значения и преодолением границы со словами-паразитами.

Этими признаками в наши дни обладают, в частности, слова *достаточно* и *как бы*, с одной стороны, и формы степеней прилагательного и парное употребление оценочных слов, с другой. Они составляют четко организованную группу с противоположными семами усиления/ослабления степени проявления признака или вообще значения слова. Все четыре лидера, объединенные по парам, воплощают две противоположные тенденции выбора общего плана строения речи, общей манеры выражения: принципа ослабления, смягчения, ограничения, ухода от категоричности – или принципа усиления, подчеркивания, конкретности и точности номинации. Интересно отметить, что оба принципа легко соседствуют в речи и, следовательно, выбор подвижен, лабилен.

Недавно возникшая структура из четырех членов (лидеров и слов их группы) ранее не была свойственна русскому литературному языку. Обозначить точное время ее четкого оформления, конечно, затруднительно, если не невозможно; но это факт нашего времени. В ее основе лежат бинарные контрадикторные противопоставления типа *а* – не *-а*. Вот ее общее представление:

Схема

Соотношения принципов ослабления и усиления утверждения о степени проявления признака в их языковом выражении

принцип ослабления (смягчения, ограничения) ←→ принцип усиления (подчеркивания)

достаточно *как бы* степени сравнения два оценочных слова

Принцип ослабления выражается лексически, принцип усиления – лексико-грамматически и лексически. Слова левой (от читателя) части стремительно расширяют свою сочетаемость, слова правой части семантически ограничены. Слова левой части расширяют свое значение вплоть до исчезновения своих исходных сем и при этом меняют свою функцию, что может привести к ее полному исчезновению и превращению их в слова-паразиты.

Кроме того, у *как бы* развивается прежде ей не свойственная делимитативная функция. Средства правой части служат выражению основного общего принципа, сохраняя свои исходные лексические значения; в этой группе формально-грамматическое различие проходит по линии "лексические – лексико-грамматические" средства, то есть по линии участия/неучастия собственно грамматики. Оба слова левой части объединяет лишь общий принцип семантического процесса, а исходные лексические значения у них остаются полностью различными, взаимозамене они не подлежат. В функции ослабления степени признака качественного прилагательного или наречия используется *достаточно*, в функции ослабления не только признака качества и не только признака, но и любого комплекса сем любого значения любого знаменательного слова используется *как бы*, для которого в отличие от *достаточно* одной из сем его исходного значения является сема ослабления, к нашему времени бурно развившаяся.

Все перечисленные признаки, как и сами принципы, попарно оппозиционны. Преобладающий тип оппозиций – привативный, наиболее сильный по противопоставленности членов. Таким образом, отмеченная Е.А. Брызгуновой семантика "неопределенности", "кажимости" имеет свой противовес. Система (структура) симметрична, она сформирована и завершена.

Каким именно образом слово-лидер проявляет перечисленные 10 признаков, станет ясно из последующих представлений в описании каждого такого слова и средства. Сейчас лишь проиллюстрируем признак 7 – густоту средств выражения, характеризующих современную устную спонтанную речь разных типов (и публичную, и непубличную): Если раньше разница в цене была *существенно*/м-м/*как бы очень существенно* заметна, то сейчас она *не существует* (ТВ-6); На улице *достаточно* тепло и что самое приятное по крайней мере для меня/ветра *практически* нет (ТВ-6.

День за днем, вед.); У него было *достаточно* времени/можно предположить *о том что* (НТВ. Сегодня, интервью; второй лидер принадлежит другой группе явлений); Лес – это *практически* сплошной завал. Теплеет резко, и все начинает таять. Причем двухметровая толща снега тает *как бы* изнутри. (Изв. 25.9.02).

Начнем наш обзор с подгруппы ослабления. Сначала рассмотрим *достаточно*.

Достаточно

В условиях постоянного нарастания массы употреблений этого слова активно размывается сложившаяся система его позиций и семантических реализаций. Оно далеко ушло от зафиксированных 17-томным Академическим словарем трех значений: 1. В значительной степени, значительно, довольно; 2. С род. – довольно, хватит; 3. Обеспеченно, зажиточно. Третье значение полностью исчезло. Первое сохраняется в конструкциях с *чтобы* и в других позициях в сложном предложении, вторая часть которого проясняет это значение, например: Смотреть фильм нужно порциями и не как самостоятельное кинопроизведение (на это он не тянет), а как живые иллюстрации, *достаточно* экзотичные, *чтобы* не соскучиться. (Изв. 10.11.01); Мозг дельфинов *достаточно* развит, *чтобы* распознавать абстрактные понятия. (ТВЦ. Мир дикой природы, вед.). Отмечены и другие союзы. Они могут вводить придаточное или вторую часть сложно-подчиненного предложения, могут оформлять противопоставление, ср.: Он уже был *достаточно* известным лидером, но еще *недостаточно* раскрученным политиком. (ТВС; Владимир Рыжков об Александре Лебеде). Явственное старое значение – у *достаточно* + род. + *чтобы* (у человечества *достаточно* времени, чтобы провести исследования – Изв. 3.11.01) и с *поскольку* (*достаточно* драматическая ситуация, *поскольку* проигравшие в этом матче выходят из игры – Маяк-24, вед.).

Особенно способствует сохранению первого и второго значений (не всегда с родительным) употребление слова в функции сказуемого или при сказуемом. Ср. пример о дельфине, а также: На юге антициклон, но и там облаков *достаточно*. (ТВЦ; о погоде); ...про все это в папирусах, свитках и манускриптах древности понаписано *достаточно*. (Изв. 25.11.02); этого памятника *достаточно* для масштабов края (ТВС. Новости, корр.); *Достаточно* было обклеить стену церкви разъяснительными объявлениями (Нов. Изв. 6.10.01); Минимум высокой политики – ее в последнее время *было достаточно* и она малопонятна большинству. (Изв. 25.12.01).

Значение степени качества, подтверждающее правомерность соотнесения в предложенной схеме способов выражения степеней сравнения и *достаточно* и обозначенное в первом словарном значении, проявляется у *достаточно* в сочетании с качественными и оценочными прилагательными и наречиями. Но в этом же сочетании оно может оказаться лишним или отсутствующим, хотя *достаточно* употреблено. Вот здесь и возникает расхождение исходно заложенного в слове значения и его нового употребления. Если в приведенных случаях с прилагательным или причастием, соответствующих первому словарному значению, *достаточно* своим обозначением степени проявления признака включается в систему степеней сравнения в качестве четвертого члена (положительная степень - *более* + прилагательное – *достаточно* + прилагательное – *самый* + прилагательное), то в синтаксически таких же случаях в тех же сочетаниях включение фактора массовости употребления может привести к ослаблению и затем к полному выхолащиванию значения слова. Если все же ослабленное значение еще не равно нулю, система степеней сравнения предстает в ином виде: *достаточно* + прилагательное – положительная степень – *более* + прилагательное – *самый* + прилагательное. Можно построить и сводную схему, включающую словарное *достаточно*$_1$ и ослабленное *достаточно*$_2$: *достаточно*$_2$ + прилагательное – *менее* + прилагательное – положительная степень – *более* + прилагательное – *достаточно*$_1$ + прилагательное – *самый* + прилагательное. Градуированная схема степени проявления признака из пяти членов (но не включаю-

щая сравнительных форм), основанная на идее Н Л Арутюновой о растягивании точечного значения слова на градуированной линейке" и имеющая собственно семантический характер, построена Ю Д Воротниковым [Воротников 1999 42–43]

Заметим, что *достаточно*$_2$ (ослабляющее значение прилагательного или наречия) не имеет коррелирующего с ним *недостаточно*, поскольку само несет сему ослабления и потому становится в некоторых употреблениях его синонимом Когда оно употреблено, то соответствует *достаточно*$_1$ Можно считать, что семантически *достаточно*$_1$ + сема ослабления = *достаточно*$_2$ Градации значения на пути от его полной представленности до полной непредставленности позволяют слову перейти из зоны определенности и даже усиления признака (словарные значения) в зону ослабления Интересно, что зона определенности имеет прямое соответствие в английском quite, а зона неопределенности, ослабления противоположна ему В наше время пиршества англицизмов на русской почве это кажется странным ведь английское влияние скорее должно было бы усилить исходное значение Но внутреннему процессу не помешало внешнее воздействие

Различить в тексте *достаточно* "да' (подчеркивающее) и *достаточно* нет' (ослабляющее или незначимое) с определенностью удается далеко не всегда Опрос информантов дает противоречивые результаты Сбои дает и языковое чутье исследователя Видимо, это отражает незаконченность процесса 'да → 'нет и отсутствие формальной выраженности результата Однако общее движение, ощущается отчетливо Помочь более ясно трактовать отдельные употребления может замена слова его законным старым предшественником – *довольно*, с которым подобного развития не происходило Но ее пока оставим за скобками и условно выделим 4 группы по абзацам 'да с прилагательным, "нет' с прилагательным, да с наречием, нет с наречием

Да' с прилагательным Их положительное качество – это сегодня *достаточно низкая* цена (МТВ Экспоновости, Рекламное выступление), Россия сделала шаг к нормализации *достаточно напряженных* отношений с Грузией (ТВС Новости, вед Елиз Листова), Если человек будет здесь находиться *достаточно долгое* время, это опасно (ТВС Итоги, интервью), – На страницах газет и в прямом эфире вы не раз высказывали сомнения в том, что будущая пенсионная система будет *достаточно эффективной* В чем ее слабое звено? (Изв 6 11 01), Есть надежда, *достаточно весомая*, что машина будет возвращена (Вести-Москва, интервью), В России сегодня можно гарантированно работать и получать *достаточно высокие* прибыли (В В Путин, в Веймаре), Самыми потенциально опасными являются атомная и нефтехимическая отрасли И там, и там, правда, выделяются *достаточно серьезные* суммы на обеспечение безопасности (Изв 25 12 02), – У вас *достаточно определенная и четкая* позиции, Илья Филиппович – Она продумана и прочувствована (Нов Изв 14 11 01), Они обеспечат нам периодические дожди и *достаточно прохладную* погоду от плюс 9 на севере до плюс 22 в средней полосе (Изв 16 06 01), школьницы бросают учебу, потому что их буквально насильно тащат *достаточно зрелые* мужики под венец (Нов Изв 16 12 00), В рамках компании *достаточно большие* средства инвестируются в научные исследования (Изв 11 10 2000), Новая схема финансирования добычи драгметаллов, основанная на либерализации рынка, может и не дать ожидаемый эффект в этом году, поскольку банки должны будут найти в сжатые сроки *достаточно крупные* финансовые средства, хотя потребность банков в золоте / / не изучена (Коммерсантъ-Daily № 243 17 12 93), Некоторые называли его хроническим пьяницей и *достаточно неумным* человеком (Культура Графоман, Александр Шагалов о Петре III)

Вот список синонимов, которыми можно заменить *достаточно* в этих случаях (приводим по порядку следования примеров) *довольно, довольно слишком, весьма весьма, довольно, совсем немалые, вполне довольно вполне весьма весьма очень* То, что *очень* с определенностью входит в этот ряд, подтверждается таким примером из разговорной речи, где более модное и привычное *достаточно* идет после са-

моперебива и заменяет *очень – У нас очень достаточно простой ужин* Значения слов этого ряда вполне соответствуют словарным значениям quite в разных сочетаниях 'вполне, совершенно, совсем, полностью, порядком Другие синонимы будут рассмотрены позже Разговорное – *Ну ты как? – Достаточно хорошо* заставляет вспомнить quite sure Западный менталитет не признает слишком энергичное усиление А теперь и наш

Любопытно, что само прилагательное *достаточный* – всегда да Уже задержано *достаточное количество* подозреваемых (НТВ Сегодня, корр Алексей Поборцев), Остается *достаточное количество* нерешенных вопросов (Эхо Москвы Новости, вед), В городе нашлось *достаточное число* людей, посчитавших, что музей надо открыть (Радио России Вести, корр из Нижнего Новгорода)

Здесь всюду отмеченное словосочетание означает "много По его словам, достигнута *достаточная стабильность* (Маяк, корр) Здесь прилагательное синонимично *значительная* Доказав, что ни фундаментальное образование, ни *достаточная начитанность*, ни живой ум, ни некоренная' национальность не мешают подняться к карьерным высотам (Изв 16 3 02 = *хорошая*), Однако < > люди, не обладающие *достаточными средствами*, как правило, не имеют доступа к достоверной информации (Изв 20 9 02 = *большими* = *нужными*)

Понятно, что в группу ослабления значения такие употребления входить не могут Ослабление начинается там, где значение 'очень неуместно из-за высокой степени определенности и даже насыщенности качества в значении прилагательного, которое предваряется словом *достаточно*, например К нему были *достаточно острые* вопросы со стороны людей, связанных с проблемой чеченских беженцев (Изв 18 10 01), Литвиненко дал *достаточно ехидный* ответ я поставлю решетки, буду есть пшенку и по часу в день гулять по Гайд-парку (ТВС Новости, вед Елиз Листова), Евгений Киселев, человек твердых либеральных убеждений, *достаточно чуткий* к истории, имеющий к ней вкус (Изв 20 10 01), Атомная энергетика, конверсионные программы наших федеральных научных центров и предприятий прибыльны, мы вносим *достаточно весомый* вклад в государственный бюджет (Изв 4 12 02), По нашим данным, в Октябрьском районе Грозного прогремел *достаточно сильный* взрыв (Маяк Новости, корр) Правда, замена *достаточно* на *очень* здесь, как и в приведенных выше примерах усиления, тоже возможна, но такое *очень* окажется более экспрессивно-усилительным словом, нежели собственно знаменательным

Показательно употребление прилагательного *весомый* в обеих группах Там, где мы усматривали усиление, оно неудачно сочеталось с *надежда*, где ослабление – с *вклад* Разница в степени конкретности или отвлеченности существительного Она и определяет усилительный или ограничительный характер значения *достаточно* Конечно, эта трактовка не абсолютна и не бесспорна Но она показывает, сколь зыбкой и слабо формализованной оказывается языковая материя в самом начале процесса изменения

Для характеристики этой переходной зоны движения от уместности к избыточности, когда присутствие *достаточно* определяется лишь автоматизированной речевой привычкой к модному слову, но не характером семантических отношений в высказывании, интересны случаи с двумя *достаточно*, одно из которых можно считать правомерным, а другое ненужным Например, такие Шел *достаточно длительный* бой < > В общем, ситуация *достаточно напряженная* (ТВС Новости, корр), К тому же гадалки используют *достаточно обтекаемые* фразы, подходящие практически всем < > гадалка составила *достаточно точный* мой психологический портрет и определила тип профессии (Изв 18 01 02) В обоих примерах считаем первое *достаточно* избыточным и этим ослабляющим значение прилагательного, второе – уместным, усиливающим качественность, легко допускающим синонимические замены (*довольно*) Как и в первом употреблении первого примера, считаем неправомерным *достаточно* в случае Большинство полнокров-

ных животных после "трудового дня" вынуждено *достаточно продолжительное* время отдыхать. (Изв. 11.01.02). В этих случаях прилагательные синонимичны и не качественны.

Но и яркая качественность не спасает *достаточно* от избыточности, отсутствия функции: Экипажу пришлось работать в *достаточно сложных* условиях. (ТВС. Грани; корр. о подъеме первого отсека "Курска" с глубины 100 м); Мы живем в этой стране в *достаточно сложное* время. (НТВ. Сегодня, вед.). Замена его на *очень* изменила бы смысл и не создала бы его идентичности приведенным случаям. То же и с *довольно*. Видимо, этому способствует значение прилагательного, включенного в данные контекстные условия.

Объяснить широчайшее распространение такого *достаточно*, превращение его в сугубо модное слово со способностью ослабления эффекта от употребления прилагательного в высказывании удастся, видимо, лишь при обращении к условиям формирования самого принципа ослабления. Он возник (или очень усилился) в постсоветское время, когда стало необходимо отказаться от тоталитарной категоричности оценок, уйти от них к "амбивалентности". Это стремление вызвало нерегулируемое и очень быстрое распространение слов-ограничителей. Сложилась речевая манера врадчивости, неутверждения, условности, по иронии судьбы напоминающая слащавые речевые ужимки послереволюционной мещанской среды. Слова-ограничители снижают экспрессию речи, создавая нарочито нейтральную тональность, они призваны снизить "пафос".

"Нет" с прилагательным: Очень-очень быстро начали развиваться *достаточно серьезные* отношения. (Радио России; мужчина о любви к девушке); Прошло *достаточно серьезное* совещание по вопросам военной реформы (Радио России; Открытая студия, корр. Андрей Цветенко из Читы; совещание было с Путиным; получился нежелательный отрицательный эффект от ввода ограничительно-ослабляющего, а по сути незначащего, элемента); Компания обширная, *достаточно серьезная* (ТВС. Итоги; интервью с бизнесменом); Начиная с четвертого века на каждом соборе шли *достаточно серьезные* бои. (НТВ, Александр Гордон). Здесь следует отметить, что само сочетание *достаточно с серьезный*, словом, которое в модном политическом и журналистском жаргоне полностью ушло от своего исходного номинативного значения и развило оценочность, ставшую его основным или даже единственным денотатом, заставляет *достаточно* опустошиться до предела – ему оказалось нечего определять.

Надо сказать, что *серьезно*, как и другие модные слова, например, *проблемный, симпатичный, шоковый* и др. [Лаптева 2000], сильно размыло свои очертания. Оно, подобно *достаточно*, далеко ушло от исходного номинативного значения и само стало синонимом большой группы слов. Когда таким синонимом оказывается *большой*, (см. выше *достаточно серьезные суммы*), можно отнести *достаточно* к группе "да".

Продолжим обзор материала.

Сюда народ не идет несмотря на *достаточно активную* агитацию властей. (ТВЦ. Главная тема, корр.); Сейчас вот период отпусков/*активный*/*достаточно* (Эхо Москвы; врач канд. наук Белла Лурье); Он оказался человеком *достаточно ветреным*, человеком влюбляющимся. (НТВ. Принцип домино, Ю. Бордовских); Прежде всего нам нужна провизия, а потом отдых в *достаточно безопасном* месте. (Эхо Москвы; детская передача).

Любопытно сочетание *достаточно большое количество*. Отнесенность его к "да" или "нет" зависит от оттенков смысла, создаваемого всей совокупностью членов высказывания. Выше мы отнесли пример "В рамках компании *достаточно большие средства* инвестируются в научные исследования" к группе "да". К ней же отнесем и такие: Прошло *достаточно большое количество* независимых депутатов (Маяк-24, комментатор); Он в сознании, получил *достаточно большое количество* сквозных ранений. (ТВС. Новости, интервью).

Такое решение основано на пояснительно-ограничительном обстоятельственном члене *в рамках компании* в первом случае и выражением позиции и оценки комментатора во втором. И то и другое позволяет *достаточно* быть членом корреляции, то есть значимым. Но вот в случае "Весной *достаточно большое количество* воды было отведено по каналу. Таким образом, бобрам пришлось строить плотину" (ТВС. 100 чудес света; голос за кадром) таких или каких-либо других значимых отношений не просматривается, потому относим его к группе "нет".

Подобная нечеткость в различении групп лишь усиливает вкус к слову и моду на него, что ведет к его неограниченной употребляемости и предельной (беспредельной!) массовизации. И автору речи, и ее получателю уже не ощутить, в каком случае *достаточно* функционально нагружено, а в каком это ненужное слово-паразит и чему соответствует намерение. Как, например, здесь: Португальцы верят, что, окунув своего отпрыска в *достаточно холодные* океанские *волны*, они избавят его от всех страхов. (Нов. Изв. 26.08.2000). Это создает идеальные условия для мимикрии паразита или *достаточно*$_2$ под функционально значимый член *достаточно*$_1$ и для формирования его собственной узуальной нормативности – конечно, не литературной (хотя узуальная нормативность многих явлений разговорной речи литературна и при этом не кодифицирована; здесь же другой случай: эта норма не отвечает членению литературного языка на разновидности, ее можно считать просто обиходной), но стремящейся к литературному качеству. Расширение исходного усилительного значения слова привело к развитию не просто более широкого нового значения, а значения противоположного, и оба уживаются в узусе. Такая противоестественность на фоне массовости способствует полной дисфункциональности.

"Да" с наречием: Они, кстати, будут присутствовать в нашей студии если не всегда, то *достаточно часто*. (Изв. 1.12.01); Впрочем, <...> обыск был проведен *достаточно корректно*. (Изв. 22.04.02); Театр существует, и *достаточно весомо*. (Эхо Москвы, вед.); Если Лариса не первый раз слушает мое выступление/я выступаю *достаточно часто*/то я каждый раз говорю: <...> (Эхо Москвы; чиновница Гордумы Галина Хованская); переговоры по реструктуризации долга ведутся *достаточно давно*. (Маяк-24, А.Н. Шохин); Если тепло продержится *достаточно долго*, медвежата будут здоровы. (Вести; корр. Алексей Самолетов из зоопарка); Сюда идет циклон и потому будет *достаточно тепло* (Столица; о погоде); Этот фильм *достаточно редко* появляется теперь на экранах. Но в начале 60-х годов он произвел сдвиг в сознании советского кинозрителя (Изв. 27.11.02); он бил по воротам *достаточно сильно, достаточно уверенно*. (Маяк; о спорте); С чего бы московскому градоначальнику вздумалось именно сейчас начать править устав города, остается лишь догадываться. Многие месяцы он *достаточно грамотно* отбивался от прокуроров разных уровней (Нов. Изв. 31.03.01); Если отбросить чисто протокольные нюансы, то Путина в американских СМИ по-прежнему и *достаточно стабильно* рисуют и как нового Андропова, и как "скрытого особиста" (Нов. Изв. 16.12.2000); Солдаты давно проклинают реку, которую не смогли взять *достаточно быстро*. (фильм "Сталинград", перевод: *достаточно* сохраняет исходное значение "в необходимой степени"); Я его знаю *достаточно хорошо*, чтобы иметь представление о его характере. (разг.); Иностранный ученый *достаточно глубоко* изучил положения нашей науки (на Ученом совете); Личность можно установить, так как *достаточно точно* передаются индивидуальные данные: имя-отчество и фамилия, номер части, номер военного билета. (Маяк. Новости, интервью); – Вы не знаете, сколько заложников освобождено? – Вы знаете, все происходит *достаточно быстро*. (ОРТ. Новости; репортаж); Казалось бы, все это *достаточно далеко* от Норильского комбината и забот его руководителей. Нет, здесь, на Таймыре, все это сплетено *достаточно плотно* (Изв. 23.05.01); Закон *достаточно хорошо* конституционно очерчен (Радио России. Персона Грата, депутат); И *достаточно хорошо* все это складывалось, можно было работать. (ТВ-6. Сейчас; интервью с чиновником); Их отпустили под залог в 50 тысяч рублей, сумму, которую этим молодым людям, недавно вернув-

шимся из армии, собрать было *достаточно сложно* Почему суд не мог просто отпустить их под расписку о невыезде, а применил к этим малообеспеченным людям норму закона, которую используют в российских судах *достаточно редко*? (Нов Изв 12 10 01), – Покажите мне пиарщика, способного *достаточно долго* противостоять всей мощи государства при том, что последнее не стесняется использовать далеко не правовые методы (Изв 14 05 01), – В России не каждому доступны дорогие швейцарские часы, поэтому существует огромное количество дешевых малоизвестных марок, ну и пусть будут. Но, слава Богу, у вас уже есть *достаточно много* состоятельных людей, и поэтому мы здесь (Изв 29 11 01), Вы знаете, госпиталь там стоял *достаточно долго*, много месяцев (НТВ Сегодня, профессор Александр Гаркави), Птица эта очень пуглива Увидеть ее в природе *достаточно сложно* (ОРТ, фильм "Охотники третьего тысячелетия", голос за кадром), – Реактор будет охлаждаться в течение суток? – Ну нет, он будет охлаждаться *достаточно долго* (НТВ Сегодня, корр Владимир Кондратьев и начальник цеха Чернобыльской АЭС), Чеченские боевики чувствуют себя в арабских странах *достаточно уверенно* Например, Залимхан Яндарбиев уверен, что власти Катара его не выдадут (ТВС Новости, корр Виктор Дятликович)

В этих случаях, как и при прилагательных в группе 'да', синонимы разнообразны и имеют значение усиления (приводим их по порядку следования примеров) *довольно* (*все-таки*), *вполне, очень даже* (*весьма*), *очень, уже, действительно* (*на самом деле*), *вполне совсем, очень, очень, весьма, совершенно, весьма, настолько, весьма, совершенно, так, так* (*совсем*), *очень, слишком* (*вполне*), *действительно*, = *совсем непросто*, = *нечасто*, *столь*, = *совсем немало*, *очень*, = *совсем непросто*, *еще*, *совершенно* В каждом случае есть и структурно-смысловые (и лексико-семантические) показатели в пользу трактовки усиления

Как и в случае сочетания *достаточно* с прилагательным, формирование ослабления, смягчения утверждающего значения начинается у него в сочетаниях с наречиями яркого оценочного и четко определенного в своем значении качества Такие наречия не испытывают семантической нужды в подчеркивании, упрочении своего значения, и *достаточно* возникает при них скорее автоматизированно и по привычке, не проявляя в полной мере своего значения, но и не утрачивая его полностью Кроме того, *достаточно*, видимо, оказалось удобным для некоторого ритмического разбега, без которого речь оказывается излишне категоричной и чеканной, то есть оно взяло на себя своеобразную эстетическую функцию Это отход от группы 'да", но еще не группа "нет" Переходный характер делает наше трехчастное деление лишенным четких критериев именно в этой промежуточной части, где критерием оказывается само отсутствие критерия И все же снова приходится заметить, что и разнесение случаев по трем группам не всегда бесспорно Приведем случаи начала сдвига значения *достаточно* от полюса усиления к полюсу ослабления

Ну то что я был в шоке – это мягко сказано Она была в легком платье, хотя было *достаточно прохладно* (ТВС Любовные истории, артист Александр Маршал = *довольно*), В Москве уже *достаточно поздно*, моросит мелкий дождь (ТВС Новости, начало репортажа, время – 21 30 = *более-менее*), Мы опираемся на все, что было наработано предшествующими президентами, и движемся вверх *достаточно быстро и интенсивно* (В В Путин, на пресс-конф), Сегодня работодатель *достаточно легко* увольняет работника (Маяк, директор комбината = *довольно*), Министр подчеркнул, что точные цифры назвать '*достаточно трудно*' (Нов Изв 6 10 01), Об успехах тайваньской экономической модели *достаточно широко* известно (Изв 8 10 01, врезка), эта реформа планируется *достаточно гибко* (Время, интервью чиновника), Глинка умер в 52 года Сочинять он начал *достаточно рано* – в 18 лет (Эхо Москвы, вед О Ларина = *довольно*), Захват самолета застал Путина в Хакассии, куда он улетел *достаточно неожиданно* в начале недели (ТВС Итоги, вед Евг Киселев), не могли не коснуться проблемы Чечни Лидеры ЕС обсуждали эту тему *достаточно формально* (НТВ Сегодня, корр Вадим Глускер = *скорее, не-*

сколько), Впрочем, и "За стеклом", и сериалы скорее всего *достаточно легко* найдут место в телеэфире В отличие от других программ и сотрудников канала (Изв 23 01 02 = *довольно*), Ответить на этот вопрос было *достаточно легко* (НТВ Герой дня = *довольно*), травы как общеизвестные, так и *достаточно редко* встречающиеся (Радио России, рекламный текст о геле "Алтай"), В то же время вокруг киностудии образовался *достаточно тесный* круг частных фирм, среди учредителей которых фигурирует и Владимир Грамматиков < > Тогда эта история *достаточно сильно* взволновала кинематографическую общественность (Нов Изв 10 00, сочетание с прилагательным здесь относим к "нет", с наречием – к "да" с ослаблением), Мы подали протест в Городскую думу И депутаты *достаточно долго* его рассматривали (Изв 8 10 01 = *довольно*), Отрезвление наступило *достаточно быстро* (Изв 21 12 02 Павел Когоут), Сейчас *достаточно бессмысленно* говорить о том, что же происходило на прошедшей сессии (Маяк, обозреватель), детали их строения порой просматриваются под микроскопом *достаточно хорошо* (Изв 21 12 01), Это предприятие *достаточно успешно* работает и у себя дома, а оказывает помощь другим (Радио России Этот день, корр), Тем не менее сегодняшнее выступление Касьянова было *достаточно сдержанно* (НТВ Сегодня, корр Владимир Кондратьев), – А как реагируют финансовые рынки на эти события? – Рынки реагируют *достаточно остро* (НТВ Сегодня, диалог Татьяны Митковой и корр Владимира Ленского), Заказные убийства раскрываются *достаточно редко* (ТВЦ Петровка 38, вед), Большинство жителей страны восприняли случившееся *достаточно спокойно* (НТВ Сегодня, корр о землетрясении в Японии), Можайск от Москвы *достаточно далеко* (ТВ-6, адвокат Анатолий Кучерена), Суд мужественно поступил, несмотря на то, что по этому делу *достаточно много* сомнений было (он же, там же), Все было *достаточно спокойно* < > Люди настроены *достаточно миролюбиво* (НТВ Сегодня, корр), И действительно, последние месяцы мы готовились к этому *достаточно энергично* (НТВ Сегодня, интервью специалиста по космосу) В этой серии примеров *достаточно* = *довольно* со значением приблизительности

Переходная к ослаблению группа плавно, без четких границ перетекает в группу 'нет"

"Нет" с наречием Мир детства, особенно игрушки, окрашен *достаточно произвольно*, если не сказать – хаотично здесь легко встретить зеленую собаку, оранжевую лягушку или красного носорога (Изв 17 05 02), В этом году растения цвели *достаточно рано* (Радио России Самосад, вед Александр Хабургаев), Переговоры по достижению соглашения идут *достаточно туго* (Маяк-24 Новости, вед), Там *достаточно темно* (ТВ-6 За стеклом, вед о комнате ночь, шесть человек спят День за днем), Премьера проходит в 28 ми кинотеатрах, и все билеты были проданы *достаточно давно* (НТВ, Сегодня, вед Петр Марченко), Работа по подготовке реформы ведется *достаточно давно* Поэтому в целом она *достаточно хорошо* проработана (Радио России, директор Института проблем глобализации М Г Делягин), Этот приют функционирует *достаточно давно* и он известен (Эхо Москвы, беседа), <похитили отца вице-президента "Лукойла" Вагипа Шарипова Садыка Шарипова> Это пожилой человек, ветеран войны, *достаточно уважаемый* человек < > говорить о безопасности всех родственников *достаточно сложно* (ТВС Новости, корр), Я, слава богу, никогда не оказывалась в таких ситуациях, когда вопрос "простить или нет" стоял *достаточно серьезно* (Изв 28 01 02, Инна Чурикова), – Чем было вызвано решение о смене менеджмента СТС? – Этот вопрос обсуждался *достаточно долго*, и принятое решение стало одним из элементов общей концепции канала (Изв 27 05 02), Понять, почему было совершено это нападение, поверить в это сотрудникам радиостанции *достаточно сложно* (ТВС Новости, вед Михаил Осокин), Мы с вашим коллегой встречались и *достаточно долго* обсуждали этот вопрос (В В Путин, пресс конф), в тех районах, где *достаточно сложно* выдавить боевиков (НТВ Герой дня, Дмитрий Рогозин), Дом легендарного Боба Денара расположен в пригороде Парижа Старенький, *достаточно давно* не ремонти-

ровался; комнатки небольшие, кое-где облезла краска. (Изв. 3.11.01); Расправиться с законом о рекламе пива собирались *достаточно быстро*. (Ren TV. Новости, корр.); Однако вчера́ уже/*достаточно поздно вечером* стало известно (НТВ. Сегодня, корр. Константин Точилин); Сейчас уже мнений о возможном скандале *достаточно много*. (Сегодня, корр. Вадим Такменев); Богатый итальянский Север, откуда и происходит Савойская династия, *достаточно регулярно* заговаривает о нежелании делиться с бедным Югом. (Нов. Изв. 30.01.01); так что предугадать результаты *достаточно трудно*. (ТВС. Итоги, корр. Алим Юсупов); Но работа идет, снег убирается *достаточно хорошо*, снега убрано уже *достаточно много*. (ОРТ. Время; корр. молодая Олеся Трухина); Их орбиты рассчитаны *достаточно точно*. (ОРТ. Время; ст.н.с. института; этот случай, как и некоторые другие из приведенных, вплотную примыкает к группе "да", но может представлять и группу "нет"); Приговор был *достаточно суров*: 3 года каторжных работ. (ТВС. Сонька-Золотая ручка, вед.; голос за кадром); – Свет, а ты алгебру сделала? – *Достаточно халявно*. (разговор двух школьниц).

Можно отметить немало случаев сгущения *достаточно* в устной речи одного говорящего. Корреспондент Вадим Глускер: Эти автомобили были запаркованы на стоянке *достаточно давно*. Их отгоняли на *достаточно большое* расстояние. Министерство юстиции Франции распространило *достаточно уникальное* заявление. Корреспондент Борис Кольцов: *достаточно подробно* осветил; *достаточно оживленная* дискуссия; *достаточно много* времени; *достаточно подробно* остановился на этой теме; Говоря о теневом правительстве/ну это звучит *достаточно громко*/теневое правительство и мн. др. Складывается агрессивная речевая манера, которая усиливается частым соседством *достаточно* с *как бы*, *ровно*, *на самом деле*, *практически* и проч. Это поветрие охватило даже митрополита Смоленского и Калининградского владыку Кирилла с его чеканной, отточенной речью. Но и на фоне подобных сгущений можно отметить чрезвычайную частотность сочетания *достаточно много* в речи самых разных лиц, авторов, корреспондентов, порой без боязни тавтологических повторов: Ему кажется, что если Миранда проведет с ним *достаточно много* времени, она его полюбит. Миранда, спешу заметить, проведет с ним *достаточно много* времени, после чего умрет. В конце фильма. (Изв. 26.11.02). Это, конечно, ирония, но все же не пародия. А вот и без иронии с нулем значения в первом употреблении: – Я уже *достаточно много* лет живу за пределами города, в собственном доме. Но, естественно, столицу я посещаю, причем *достаточно часто*. Могу с уверенностью сказать, что Москва буквально засияла! (Изв.; приложение "Город", март-апрель, 2003; Ирина Аллегрова отвечает на вопрос: что случилось с Москвой за 15 лет? Если перевести на обычный русский, получится: – Я уже давно живу за городом <...>. Но, конечно, часто езжу в Москву).

Но и это не предел. Идет речевая атака на форму сравнительной степени, чей морфологический облик уже кажется недостаточно выразительным: желающих было *больше чем предостаточно* (ТВ, Хабаровск); Но при 90 градусах от него ждали *достаточно более высоких* результатов. (Радио России; эксперт товара); Подобные мероприятия позволяют нам *достаточно лучше* узнать, что происходит на местах. (Маяк. Новости; интервью Мих. Лесина, министра печати). Максимальная степень ненормативности подобного рода вплотную соприкасается с просторечием типа – и у меня *столько много* вопросов, сколько ответов. (Радио России; Александр Хабургаев, у которого вообще прекрасная речь). Соблюдение же нормы вполне может сочетаться с лишним *достаточно*: люди находятся в *достаточно высокой степени* истощения. (ТВС. Новости, вед. Михаил Осокин; об авиадиспетчерах, и это цитата из медицинского заключения). *Достаточно* добралось даже до превосходной формы: Машина *очень достаточно надежная*. (Маяк).

И до значения "мало": На собрании было *достаточно мало* народа. (Ren TV, репортаж); Сегодня состоялся митинг. На Пушкинской площади собралась *достаточно малочисленная* группа митингующих. (НТВ. Сегодня, вед. Ольга Белова); Мани-

фестантов *достаточно немного*. (Маяк-24, корр.); Дело в том, что карликовые шимпанзе имеют *достаточно небольшой* ареал обитания. (Маяк-24. Новый день, вед. Дмитрий Чернов); В России это имеет влияние *достаточно небольшое*. (Маяк-24, журналист; беседа); Она *достаточно невелика*. (там же). Другие прилагательные с *не-*: Она выступала *достаточно неплохо*. (Эхо Москвы; спортобозреватель о Ларисе Лагутиной, лыжнице); Наши футболисты *достаточно неплохо* выступили на чемпионате. (Радио России. Этот день, обозреватель Сергей Колотилинский); *Достаточно неплохо* развиваются наши отношения. (интервью Михаила Касьянова); – А что говорит Ахмед Кадыров? – Вы знаете, он *достаточно недавно* прилетел. (Маяк, корр.; Радио России. Новости, вед.). Ненормативность здесь возникает при двух возможных способах вклинивания *не-* в сочетание *достаточно много*: У меня состоялось *достаточно немного* разговоров (Радио России, обозреватель); Мест на трибуне *недостаточно много*. (Маяк-24, спорткомментатор). И наконец: В это верится *достаточно с трудом*. (Маяк, вед.).

Можно подвести итог. Проанализированное слово *достаточно*$_2$ – лидер группы слов со значением неполноты проявления признака – уверенно захватило всю сферу употребления слов этой группы, вытесняя остальные слова из актива. Пожалуй, на общем фоне неяркой употребительности несколько выделяется *практически*, которое тянется за лидером, но неизбежно отстает, как теперь говорят, "на порядок". Исходное усилительное значение *достаточно*$_1$ в словах-синонимах сохраняется без изменений, в слове же *достаточно*$_2$ оно утрачивает четкость очертаний, что и позволяет ему завоевать не только всю территорию группы, но и более широкую область употребления.

Эта группа весьма широка и разнородна. При этом ее члены далеко не всегда и вовсе не обязательно синонимичны друг другу. Это объясняется предельно (и беспредельно) широким диапазоном семантики *достаточно*. Этот диапазон простирается от исходной словарной семантики до нуля значения. В столь безбрежных пределах в качестве синонима могут оказаться разные слова с разными значениями. В группу синонимов входят даже *еще* и *уже*. Расширяется и отнесенность синонима: у него появляется возможность коррелировать не только с самим *достаточно*, но и с определяемым прилагательным или наречием и даже со всем словосочетанием в целом. Столь широкая ориентация синонима бывает свойственна и другим модным и распространенным сейчас словам, входящим в разные подгруппы общей группы субъективной оценки степени качества. Например, в ответ на реплику – *Твоя доброта перевешивает твою замкнутость* можно услышать: – *Это проблематично*, синонимами которого окажутся: *это как сказать*; *это как посмотреть*; *и то и другое* (перевешивает); *еще не известно, что перевешивает*; *и так и так*; *может быть да, а может быть нет*; *это бабушка надвое сказала* и под. Это – свидетельство большой емкости исходного для построения ряда слова и слабости, неконкретности его прямого номинативного значения.

В нашем материале подбор синонима имеет разную степень и шкалу успешности: от полного семантического совпадения до большой натяжки и затем – полной невозможности синонима. Часто и по смыслу высказывания, и по его структуре усилительное или ограничительное слово не требуется, без него фраза более понятна, внятна, эстетична. Когда *достаточно* представляет высшую степень ослабления, равную нулю значения, оно становится паразитом и наносит ущерб высказыванию своей ненужностью и нарушением нормативных установлений. При этом не улучшает положения даже его ритмическая структура, нужная фразе.

Синонимы *достаточно* группы "да": *очень, крайне, чрезвычайно, сильно, вполне, совсем, совершенно, абсолютно, действительно, значительно, буквально, на самом деле, столь, настолько, так, в полной мере, чересчур* и нек. др. Синонимы *достаточно* группы "нет" переходного типа с ослабляющим значением: *более или менее* (*более-менее*), *уже, еще, немного, в чем-то, где-то, вроде* (*бы, как*), *типа, почти*

(*что*), *все-таки, вообще-то, скорее, все же* и нек др Характерно, что *более или менее* и главный синоним *довольно* возможны применительно к обеим группам. Это лишнее свидетельство расплывчатости значения *достаточно* Ею же по его стопам охватывается менее частотное *довольно*

Широта границ групп синонимов свидетельствует о том, что изначальное богатство слов всей группы субъективной оценки степени качества оказалось охваченным общей унифицирующей, глобализирующей тенденцией в семантике И это – явление самого последнего времени Слишком большое количество синонимов показывает большую зависимость и их значения, и значения *достаточно* от контекста

Не мотивированное равновесным состоянием языковой системы расширение сочетаемости, ведущее к массовым неточностям в выборе слова и к формированию тесного круга узуальных предпочтений, создает возможность мимикрии группы "нет" под группу "да" Видимо, в какой-то степени – скорее в минимальной – расплывчатость значений *достаточно* и *довольно* существовала изначально Об этом свидетельствуют недостаточно точные и несогласованные словарные определения этих слов В словаре Ожегова *достаточно* представлено лишь в исходном предикативном значении ("довольно! хватит! перестань!"), *довольно* тоже ("будет, хватит, пора прекратить"), а значение меры степени возведено к прилагательному *достаточный* "удовлетворяющий потребностям" В словаре Ушакова *достаточно* определено так же, а *довольно* – "столько, сколько надо", "в значительной мере" *Достаточно* в Академическом 17-ти томном "1 в достаточной степени, значительно, довольно, в нужном количестве, в полной мере", "в необходимой мере или степени, порядочно, в значительной степени" Кроме того, они определяются и друг через друга *Довольно* "достаточно, в необходимой мере или степени", "порядочно, в значительной степени (в сочетании с прилагательным или наречием, употребленными для выражения качества)" (это и есть наш случай, но никакого ослабления степени проявления признака нигде не отмечено) У Даля *достаточно* – "довольно, немало, сколько нужно, досыта" *Довольно* – "сколько хочешь, сколько нужно, достаточно, избыточно, немало, много" *Доволить* – "снабжать припасами, харчами, содержать" Сема "много" отмечена не везде, сема ' нужно" тоже Но нигде нет и намека на ограничительную или ослабляющую функцию Этимологически *довольно* связано с *довълѣти*, *довлѣти*, *довьлѣти*, *доволѣти*, то есть включает сему долженствования и достаточности *Достаточно* как форма, видимо, возникло несколько позже и восходит к *достаток* (сема достаточности) Затем появление семы ослабления привело к расширению значения и его противоречивому характеру

Общая тенденция к соединению в одном слове противоречивых значений затрудняет классификацию употреблений, что усугубляется незавершенным характером процесса Возможность двояких толкований и зыбкость границ выделяемых групп значений, являющиеся следствием расширения сочетаемости и значения слова, тем не менее не могут воспрепятствовать системности в соотношении этих групп, складывающейся в самое последнее время на глазах нашего поколения Она сопровождается формированием узуальной нормативности, в свою очередь ведущей к массовой употребляемости слова, еще большему ее росту

Растет и круг слов, способных сочетаться с *достаточно* Наблюдения показывают, что входящие в него прилагательные и наречия обычно не влияют на отнесение сочетания к группе "да", "нет" или переходной У прилагательных в группе "да" отмечены *низкая* (цена), *напряженные* (отношения), *долгое* (время), *эффективная* (система), *весомая* (надежда), *высокие* (прибыли), *серьезные* (суммы), *определенная и четкая* (позиция), *зрелые* (люди), *большие*, *крупные* (финансовые средства) Ослабление степени качества прилагательного отмечено в *острые* (вопросы), *ехидный* (ответ), *чуткий* (к истории), *сильный* (взрыв), *весомый* (вклад) Исчезновение функции и значения отмечено в *сложные* (условия, время), *серьезные* (бои), *активная* (агитация), *безопасное* (место), *большое* (количество, средства), *холодные* (океанские волны)

У наречий в группе "да" *точно, глубоко, сложно, много, хорошо, неожиданно важно, формально, долго, агрессивно, быстро, гибко, давно, трудно широко, редко, сильно, плотно, стабильно, грамотно, уверенно, подробно, тепло, терпимо часто, весомо, корректно, хватает* С ослабленным *достаточно мирно, организованно, редко, быстро, успешно, остро, темно, миролюбиво, спокойно, трудно энергично, сдержанно, много, далеко, скромно, конкретно, долго, легко, успешно давно, холодно, хорошо, прохладно, рано, активно, поздно* *Достаточно* равно нулю при *быстро давно, хорошо, поздно, халявно, много, регулярно, сложно, точно долго трудно, серьезно туго, произвольно, рано*

В разных группах отмечено *серьезный, большой, весомый, сложный сложно много, хорошо, долго, быстро, давно, трудно, редко, рано, поздно*

Конечно, эти списки не претендуют на полноту Это лишь замеченное И все же тенденция к усиленной качественности прилагательного или наречия при нулевом *достаточно* просматривается Перекрещивания по группам затрудняют, но не отменяют возможность классификации, хотя много употреблений, не поддающихся точной семантической квалификации *достаточно* и тем самым его классификации Тем не менее системность с определенностью проявляется в "да" и "нет", составляющих полярные группы, в переходной же группе ослабления *достаточно* тяготеет к полюсам, и потому установить разницу между "да" и ослаблением, с одной стороны, и ослаблением и "нет" – с другой, и точно расклассифицировать употребления удается далеко не всегда Это одновременно активный, живой и продуктивный процесс формирования новой системы

Появление новых значений и употреблений *достаточно* не могло не создать прежде не существовавшие оппозиции Появилась пара различительных признаков семантического характера на месте прежнего единого нерасчлененного значения усиления (достаточности), и возникла оппозиция семантических различительных признаков 1 много, достаточно, 2 мало, недостаточно. Это контрадикторная привативная оппозиция В соответствии с системой способов преобразования в языке [Лаптева 2002] обозначаем произошедшее изменение как 1 → 2.

Сказанное о *достаточно* можно применить и к *довольно*, хотя оно далеко не столь употребительно *Достаточно* при отсутствии функции и значения отличается от приевшихся слов-паразитов менее эпатажным и менее просторечным обликом и даже не лишено некоторой респектабельности Но это – сейчас А дальше видно будет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брызгунова 2002 – *Е А Брызгунова* (Выступление на “круглом столе”) // Журналистика и культура русской речи 2002 № 4

Воротников 1999 – *Ю Л Воротников* Степени качества в современном русском языке М , 1999

Костомаров 1994 – *В Г Костомаров* Языковой вкус эпохи М , 1994

Лаптева 2000 – *О А Лаптева* Хотели как лучше, а получилось как всегда // Слово и текст в диалоге культур Юбилейный сборник М , 2000

Лаптева 2002 – *О А Лаптева* Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста М , 2002

Мучник, Панов 1968 – *И П Мучник, М В Панов* Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи // Русский язык и советское общество Социолого-лингвистическое исследование Лексика современного русского литературного языка М , 1968

Нещименко 2001 – *Г П Нещименко* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации Поблемы Тенденции развития // ВЯ 2001 № 1

Николаева 1978 – *Т М Николаева* Лингвистика текста Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике Вып VIII М , 1978

Щерба 1957 – *Л В Щерба* О нормах образцового русского произношения // Академик Л В Щерба Избранные работы по русскому языку М , 1957

№ 6 2003

© 2003 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ГЛАГОЛЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ*

1. ПРОИЗВОДНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И МОДЕЛИ ДЕРИВАЦИИ

Современная лингвистика исходит из предположения, что поверхностное поведение слова (сочетаемость с другими словами в рамках той или иной конструкции, наличие таких-то грамматических форм; таких-то значений у таких-то форм, просодия, т.е. возможность/невозможность фразового ударения и т.д.) в существенной степени предопределено его значением. Это предположение лежит в основе семантического подхода к грамматике, провозглашенного в работах Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1987; 1988]. Оно вытекает также и из общей предсказательной ориентации современной семантики – ориентации на построение объясняющих моделей, см. [Апресян 1999].

Почему, скажем, *запомнить* сочетается с обстоятельством срока (*надолго, навсегда, на полчаса*) – при том, что такие сочетания невозможны для близкого по значению *припомнить*? Можно думать, что ответ на этот и массу подобных вопросов можно получить, апеллируя не к отдельным словам, а к более или менее крупным классам слов. Слова как люди: нет и не может быть двух в точности одинаковых. Тем не менее, все люди дышат, говорят, принимают решения – и эти их общие свойства заслуживают внимания.

Семантика словаря неисчерпаема: слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преображенным. Так что даже в отношении одного отдельного слова не всегда можно быть уверенным, что, описав его, мы исчерпали его смысл. А что уж говорить обо всем словарном составе языка! Можно поэтому считать правомерным такой подход к семантике лексики, при котором целью является не столько полнота описания каждого данного слова, сколько структура лексикона в целом. Имея в виду лексику как систему, мы выявляем в слове прежде всего те аспекты семантики, которые связывают его с другими (подчеркнем значимое отличие от структуралистского подхода, который сосредотачивал внимание на о т л и ч и и данной единицы от других).

В рамках такого представления о системности лексики обнаруживается целый ряд важных п а р а м е т р о в лексического значения, т.е. признаков, по которым слова объединяются в большие классы с нетривиальными сходствами в языковом поведении. Одно слово из класса проливает свет на другое, позволяя увидеть в нем свойства, которые раньше не привлекали внимания.

Для глагола такими параметрами являются:

– таксономическая (иначе – онтологическая) категория (Т-категория); например, *видеть* – состояние, *смотреть* – деятельность, *высматривать – высмотреть* – действие, *выглядеть* – свойство. Категория проявляет себя в сочетаемости глагола; в

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ (проект № 02-04-00294а) и фонда РФФИ (проект № 01-06-80419).

актантной структуре. Одно из самых очевидных проявлений – аспектуальное: Т-категория – наследница аспектуального класса по Вендлеру;

– тематический класс, иначе – семантическое поле (*резать* – глагол физического действия; *просить* – глагол речи, *думать* – ментальный);

– актантная (иначе – ролевая) структура и диатеза; например, у *выбрать* есть прямая диатеза (*выбрал преемником Абдуллу*) и косвенная (*выбрал преемника*), когда результат выбора не назван; а у *предпочесть* – только прямая: *предпочел Абдуллу*;

– таксономический класс (Т-класс) участника, т.е., пользуясь логическим языком, категориальная предпосылка глагола; так, *литься* – это о жидкостях, *сыпаться* – о сыпучем. См. о параметрах лексического значения в [Падучева 2000].

Выявив эти параметры, мы столкнулись с парадоксальной на первый взгляд ситуацией: параметры, при том, что они характеризуют слово и делят слова на классы, одновременно являются теми аспектами значения, которые наиболее очевидным образом подвержены изменению, т.е. являются для слова переменной характеристикой: именно параметры служат основными мишенями семантической деривации. Так, *интересоваться* – свойство; но *Пойди поинтересуйся* (т.е. 'спроси') – действие. Действие, в свою очередь, легко переходит в состояние: *Она требовала повышения зарплаты* – действие; *Обувь требовала ремонта* – состояние; или: *обнадежить* – (речевое) действие, а в контексте *Это обнадеживает* тот же глагол обозначает диспозицию (т.е. свойство вызывать состояние). В обоих случаях глагол под влиянием контекста меняет категорию. Другая серия примеров: *открыл дверь* – действие физическое; *открыл закон* – действие ментальное; *страдать* – эмоция, *пострадать* в значении 'потерпеть ущерб' (*Замок пострадал от наводнения*) – изменение состояния; глагол меняет тематический класс. И так со всеми параметрами.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что эта двойственная функция основных параметров слова не случайна. Дело в том, что изменение значения тоже происходит системно: деривационные процессы затрагивают не отдельные слова, а классы. Параметры отражают те аспекты смысла, которые роднят данное слово с множеством других, и неудивительно, что классы слов с одинаковым значением того или иного параметра подвержены одинаковым моделям деривации, воздействующим на значение этого параметра. Так, одна из мощных моделей деривации, деагентивация, переводит действие в неагентивный процесс: *Ваня /ветка стучит в окно*. Другая модель, спецификация таксономического класса участника, может перевести глагол движения в ментальный, ср. *столкнуться с грузовиком /с непонятным явлением*.

В результате получается, что параметры различают, с одной стороны, разные слова, а с другой – разные значения одного и того же слова. И этот факт не должен вызывать удивления – так же как не вызывает удивления сходство между лексической деривацией (словообразованием), которая дает новые слова, и семантической деривацией, которая приводит к появлению нового значения у того же слова. Закономерно и то, что одни и те же смысловые модификации оказываются в одном языке производными значениями слов, а в другом – новыми словами. Так, англ. *bake* 'печь' может иметь и каузативное и медиальное значение, а в русском это различие маркируется возвратной частицей, ср. *печь <пироги>* и *печься* [о пироге].

Проблеме системности лексики посвящен цикл работ Ю.Д. Апресяна, см., в частности [Апресян 2001]. Можно думать, что лексические параметры выявляют в проблеме системности новый аспект, поскольку ставят системность в прямую связь с многозначностью.

Итак, два положения будут в центре внимания в данной работе: системное устройство лексики и многозначность, принципиальная изменчивость, внутренне присущая словам – как, впрочем, и всем другим языковым единицам.

Из параметров остановимся более подробно на актантной структуре и диатезе. Актантная структура (иначе – ролевая структура) – это набор семантических ролей участников. Мы пользуемся такими ролями, которые имеют семантическое

обоснование роль участника – это сокращенное обозначение для относящегося к нему компонента или компонентов толкования глагола (см [Апресян 1974 125, Jackendoff 1991 60, Dowty 1991]) Так, Агенс – тот, кто делает нечто с целью, "потому, что хочет , как говорит Анна Вежбицка, Пациенс – то, что подвергается воздействию, Тема – то, что перемещается, или меняет состояние, или является предметом внимания, как у глаголов *похвалить, выбрать, описать, увидеть*, и т д

При таком понимании роль является добротным понятием, которым можно пользоваться при сравнении разных значений слова и разных (но близких по значению) слов[1] Актантная структура позволяет многое сказать о слове, и прежде всего, она определяет принадлежность глагола к тематическому классу – глаголы знания, мнения, движения, бытия, создания, обладания и проч различаются актантными структурами

Диатеза [Мельчук, Холодович 1970] – это актантная структура с указанием синтаксической позиции и, соответственно, коммуникативного ранга для каждого участника (т е для каждой роли), см о рангах [Падучева 2001], о топикализации в [Fillmore 1968] и об иерархии тематичности в [Croft 1991 151] Ранги, которые нам понадобятся, прямо выражаются синтаксисом, т е могут быть в равной мере названы синтаксическими это Субъект (сокращенно – *Сб*), Объект, т е прямое дополнение (*Об*), прочие дополнения и обстоятельства (их ранг периферия, сокращенно – *Периф* они занимают периферийную позицию) Субъект и Объект вместе составляют Центр Участник, для которого нет синтаксической позиции при глаголе при одной из диатез (как, скажем, для участника *мусор* в контексте *вымести пол*), имеет ранг *За кадром*, сокращенно *З/кдр*

Слову естественно иметь более чем одно значение регулярная многозначность – полисемия – в природе языка Но значения слова связаны между собой и обусловлены контекстом Поэтому плодотворным направлением в лексической семантике является изучение моделей семантической деривации, которые связывают слова друг с другом и с контекстом их употребления

Регулярную многозначность мы представляем как результат действия той или иной модели семантической деривации одни значения многозначного слова преобразуются в другие по определенным правилам (это то, что в американской терминологии, называется lexical rules, лексические правила, см , например [Pinker 1989])

Есть прямые свидетельства, что для носителя языка модели деривации обладают большей психологической реальностью, чем те производные значения, которые ими порождаются Приведем в качестве аргумента следующее наблюдение над речью ребенка двух с половиной лет род /вин падеж от слова *лев* [леф] вначале звучит как [ле́фа] (как *тигр – тигра*), потом осваивается модель чередования беглой гласной с нулем и возникает – несмотря на всю свою неудобопроизносимость – форма [л'фа], окончательное – нормативное – [л'ва] появляется только после того, как освоена модель оглушения звонкой согласной в конечной позиции Очевидно, что ребенок с самого начала оперирует не с отдельной формой, а с системой в целом

Можно думать, такую же – системообразующую – роль играют семантические сдвиги в структуре лексики Задача – выявить общие модели таких сдвигов Семантический сдвиг снабжает слово новым значением и выявляет семантическое соотношение между исходным словом и производным, ге же семантические соотношения мы потом с легкостью обнаруживаем и между разными словами

Мы исходим из допущения о том, что неомонимичное слово имеет одно исходное значение Производные значения связаны с исходным деривационными моделя-

---

[1] При этом легко дать ответ на известный каверзный вопрос о количестве и общем списке ролей ролей не хватает для тех классов глаголов, значение которых мы еще не истолковали

ми (Понятие исходного – базового – значения и иерархия степеней производности подробно обсуждается в [Keenan 1976])

В основе моделей деривации лежат два самых общих механизма – категориальный сдвиг (≈ метафора) и сдвиг фокуса внимания (≈ метонимический перенос) У глагола имеются предпосылки относительно категории (таксономического класса) участников – актантов Категориальный сдвиг – это изменение исходной категориальной предпосылки глагола относительно его актантов (с соответствующим изменением толкования) Например, в контексте *Горные вершины спят во тьме ночной* у глагола *спать* отменена (или по крайней мере скорректирована) исходная предпосылка глагола *спать*, состоящая в том, что спят только живые существа

Предметом рассмотрения в данной работе является совокупность тематических классов глаголов с определенной общностью актантных структур В работе [Levin 1993 169] был рассмотрен класс глаголов создания изображения, image creation verbs (куда входят слова типа *надписать, иллюстрировать*), с двумя характерными ролями – Изображение и Место – и выразительным диатетическим сдвигом, ср *надписал посвящение на книге* и *надписал книгу* Представляют интерес классы глаголов, семантически "родственные" классу создание изображения Связи между классами я буду представлять как связи между актантными структурами глаголов, а также между их диатезами

З а м е ч а н и е Хотя толкования, войдя в широкий обиход, сняли возражение, касающееся необоснованности семантических ролей, номенклатуру ролей нельзя считать устоявшейся Существенное затруднение состоит в том, что применяемые обозначения могут иметь разную степень общности Так, Образ и Изображение – это разновидности Результата (возникающие в контексте глаголов восприятия и изображения), Перцепт – разновидность Стимула (возни кающая в контексте восприятия, но не в контексте эмоции), Концепт – частный случай Со держания участник Прием есть далеко не у всех глаголов способа и т д

Ниже в разделе 2 речь идет о преобразованиях актантных структур В разделе 3 представлены диатезы, допустимые для одной и той же актантной структуры В обоих случаях рассматриваются, на равных основаниях, соотношения между разными значениями одного и того же слова и между разными словами семантические пере ходы, связывающие разные значения одного слова, используются для выявления семантических соотношений между разными словами Например, наличие семантического перехода, связывающего исходное значение *видеть <что то>* с производным *видеть <в чем-то что-то>*, дает основание для сопоставления *видеть* и *считать <что-то чем-то>*, у которого исходная актантная структура та же, что производная у *видеть*, деривационную связь между *слышать* и *слышаться* и подобие актантных структур у *слышаться* и *звучать* (ср *слышится музыка* и *звучит музыка*) можно использовать для обоснования актантной структуры глагола *зву чать* Так возникает прямая связь между меной диатезы и конверсией

2. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АКТАНТНЫХ СТРУКТУРАХ

Итак, наше исходное положение состоит в том, что тематический класс глагола отражается в актантной структуре Речь будет идти об актантных структурах, включающих роли Изображение или Образ

I. Участник Образ входит в актантную структуру г л а г о л о в в о с п р и я т и я – таких как *видеть, слышать, ощущать* (о глаголах восприятия см [Wierzbicka 1980 115], о глаголе *видеть* см [Апресян 1996], о том, как участник Образ позволяет различить смысл глаголов *увидеть* и *заметить* см [Падучева 2001]) Синтаксический объект глагола *видеть* в (1) выражает сразу двух участников – Образ (в сознании) и Стимул (в реальном мире)

(1) Я [Эксперимент] в и ж у *Машу* [Стимул/Образ]

Актантная структура у *видеть* в (1) – {Эксперимент, Стимул, Образ}, диатеза – <Эксперимент-*Сб*, Стимул/Образ-*Об*>

Только в контекстах, где объект принадлежит к таксономическому классу ВИДИМЫЙ ОБРАЗ, роль участника объекта идентифицируется однозначно – как Образ

(2) Я увидел вдали очертания гор

В самом деле, *очертания* возникают только в сознании, их нет в реальности В Т-класс ВИДИМЫЙ ОБРАЗ входят такие слова, как *контур, пейзаж, образ, силуэт, профиль, зрелище, панорама, вид, фигура, картина (Я увидел такую картину)* и др В толковании этих слов участвует Наблюдатель

Есть, однако, подкласс глаголов восприятия, у которых для каждого из этих двух участников – Стимул и Образ – есть своя синтаксическая позиция

I' – глаголы идентификации, такие как *узнать <в ком-то кого-то>, принять <кого то за кого-то>, идентифицировать, распознать*

(3) Он узнал *в бродяге* [Стимул] *родного брата* [Образ],

(4) Я принял *его* [Стимул] *за продавца* [Образ]

Актантная структура у глаголов в классе I' та же, что в классе I Диатеза – <Эксперимент-*Сб*, Образ-*Об*, Стимул-*Периф*>, как в (3), или наоборот, <Эксперимент-*Сб*, Стимул-*Об*, Образ-*Периф*>, как в (4)

Впрочем, участники Стимул и Образ глагола *узнать* все-таки могут быть совмещены в одном синтаксическом актанте

(5) Он *меня* [Стимул/Образ] не узнал = 'он не узнал *во мне* [Стимул] *меня* [Образ]'

В одном из производных употреблений глагола *видеть*, когда *видеть* имеет ментальное значение, Стимул и Образ тоже расходятся – для каждого есть своя синтаксическая позиция

I'' – глаголы восприятия в значении мнения Различив в актантной структуре глагола *видеть* участников Стимул и Образ, мы можем проследить связь исходного значения глагола *видеть* с производными В исходном значении *видеть* прямое дополнение выражает сразу и Стимул и Образ, см *Машу* в (1) В производном значении, когда *видеть* употребляется в значении мнения, для каждого из этих двух участников есть своя синтаксическая позиция Существенно, однако, что у глагола мнения пара ролей хоть и похожая, но другая – не Стимул и Образ, а Тема и Концепт, что вытекает из семантики глагола мнения

(6) а Они всегда *видели* во мне [Тема] соперника [Концепт]

б Он *увидел* оскорбление [Концепт] в моей шутке [Тема],

в В эту минуту она в нем [Тема] *видела* героя [Концепт]

Итак, актантная структура в классе I'' – {Эксперимент, Тема, Концепт}, диатеза – <Эксперимент *Сб*, Концепт *Об*, Тема-*Периф*>

В контексте примеров из (6) Образ – это обязательно вербальный образ Но вербальный образ – это и есть концепт, т е речь идет об осмыслении, а не просто отображении стимула в сознании Граница между ролью Образ, как у глагола восприятия, и ролью Концепт, как у глагола мнения, нечеткая [Wierzbicka 1980 115]

(7) вижу светящуюся точку вижу огонек вижу маяк вижу злоупотребление

Для концепта важно, что он принципиально не единствен одному предмету как теме соответствует обычно множество концептов, как хорошо известно из примеров про *Вальтера Скотта* и *автора Веверлея*

Обратим внимание на то, что участники Стимул – Образ (и Тема – Концепт) связаны не только с глаголом, но и друг с другом Так, в примере (3) их связывает отношение идентификации, в (4) – предикация

Следующий класс

I''' – глаголы воображаемого восприятия В ситуации нет участника Стимул, так что образ возникает в сознании, не будучи, как это естественно для восприятия, отражением синхронного стимула извне (в [Апресян 1997а] *воображать, представлять* толкуются как 'иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается')

вообразить – воображать показаться – казаться, померещиться – мерещиться послышаться – слышаться, почудиться – чудиться, представить – представлять представиться – представляться привидеться – видеться присниться – сниться

Примеры[2]

(8) Из своей чистой пустыни я *воображал* кишащую, суетную, тщеславную столицу – и сов сем меня туда не тянуло (С), Я *представил*, как стучат там, за стеклом, ее каблучки и как тихо позванивают пустые фужеры на ее подносе (В Аксенов)

В семантическом представлении таких глаголов, как *показаться послышаться* имеется компонент, фиксирующий необязательное совпадение Образа с каким-либо Стимулом *мне показалось* – значит я не уверен, что для образа, возникшего в моем сознании, был стимул извне А при определенном фразовом акценте возникает даже контрфактическая презумпция – 'образ был создан, но стимула не было'

(9) – Звонят! – Нет, это [= 'что звонят', Образ] тебе *показалось* \

(10) Извини, мне *послышалось*

Итак, в актантной структуре глаголов воображаемого восприятия отсутствует участник Стимул актантная структура у глагола восприятия – {Экспериент, Стимул, Образ}, у глаголов воображаемого восприятия – {Экспериент, Образ} Для воображаемых восприятий характерна диатеза с Экспериентом в дативе, как *мне* в (10), хотя возможна и диатеза <Эксперимент-*Сб*, Образ-*Об*>, как в (8)

К глаголам воображаемого восприятия относится *предвкушать* = 'представлять в воображении, получая удовольствие, как от еды'

(11) Несмотря на усталость, он сладостно *предвкушал* встречу с Верой Павловной,
Люди в море уже *предвкушали* приют и отдых на острове (Ч Аитматов)

Глаголы *воображать, представлять* могут иметь актантную структуру {Эксперимент, Тема, Концепт} При этом *вообразить* в (12) имеет значение мнения – 'не правильно считать', а *представлять* в (13) – это воображаемое восприятие

(12) Он *вообразил* себя великим полководцем

(13) Иногда он *представлял* себя воздушной мельницей, в которую широким потоком сыплются ассигнации и звонкая монета (Б Акунин)

Перейдем теперь от глаголов восприятия к глаголам создания образа на материальных носителях

II – глаголы создания изображения, такие как *нарисовать изобразить, набросать, воспроизвести, показать, представить, отобразить, отразить, запечатлеть*, а также *переписать скопировать, сфотографировать затранскрибировать, застенографировать, запротоколировать выгравировать* и др

(14) Художник *нарисовал* макет обложки – условный городской пейзаж в серо коричневых тонах (С Довлатов)

Участник Образ выявляет семантическое родство глаголов создания изображения с глаголами восприятия Изображение – частный случай Образа (образ может быть в сознании) Если Образ переходит в Изображение, Стимул переходит в Тему

Замечание Изображение не обязательно визуальное, есть более общий класс – глаголы воспроизведения *исполнить <песню> сыграть <мелодию> воплотить передать* (в значении изобразить *Как вы верно передали чувства матери – МАС) спеть сплясать* ср также *цитировать передразнивать*

Самый многочисленный класс – визуальные изображения на поверхностях разного рода Ограничимся для начала именно такими изображениями

Изображение – это образ, допускающий или даже предполагающий восприятие третьими лицами (так что у глаголов этого класса не исключен участник Адресат *Татьяна Есенина < > изобразила н а м 'невинную" фигуру Веньки Бубнового Валета* – С) Изображение само может быть объектом восприятия В этом отличие глаголов создания изображения от глаголов восприятия, которые описывают ситуацию возникновения образа в сознании Общее же то, что изображение, как и образ, пред-

---

[2] При подборе примеров использовалась программа Searcher А В Санникова и тексты из архива Национального фонда русского языка , см [Сичинава 2002] В указаниях на источник использованы следующие сокращения П – А С Пушкин, С – А И Солженицын При отсылке на пример из МАС (Словарь русского языка в 4 х томах под ред А П Евгеньевой) указание прямого источника опускается

полагает прообраз – оригинал И эта общность дает о себе знать у глаголов создания изображения та же неоднозначная интерпретация синтаксического объекта, что у глаголов восприятия – синтаксический объект может обозначать и Изображение, и Тему (см об этом совмещении ролей [Fillmore 1977, Апресян 1991]) Например

(15) Я [Агенс] *нарисовал* Машу [Тема/Изображение-*Об*]

Актантная структура у *нарисовал* – {Агенс, Тема, Изображение}, диатеза – <Агенс-*Сб*, Тема/Изображение-*Об*>

Слова типа *картина, рисунок, акварель, иллюстрация, портрет, карикатура, натюрморт, пейзаж, этюд, эскиз, гравюра* относятся к таксономическому классу ИЗОБРАЖЕНИЕ Если у *нарисовать, написать* объект относится к этому классу, роль участника-Объекта идентифицируется однозначно – как Изображение[3]

(16) *написал* портрет [Изображение] Маши

Изображаемый предмет (Тема) выражен в (16) генитивом (*Маши*), который не подчинен глаголу Так что языковое выражение, соответствующее участнику Тема, в число подчиненных глагола в (16) не входит, Тема за кадром Таким образом, в примере (16) тот же эффект влияния Т-класса объекта на интерпретацию, что в (2)

Есть контексты, в которых синтаксический объект у глаголов создания изображения, напротив, однозначно интерпретируется как Тема Например, так обстоит дело в том случае, если в ситуации есть также участник Концепт, актантная структура *нарисовать* в (17) включает участников Тема и Концепт

(17) Художник *нарисовал* Ивана [Тема] этаким дурачком [Концепт]

Она такая же, как у глагола восприятия в значении мнения

(18) Он *видел* во мне [Тема-*Периф*] прежде всего конкурента [Концепт *Об*]

В (17) диатеза < , Тема-*Об*, Концепт-*Периф*, в (18) < , Концепт-*Об*, Тема-*Периф*> Примеры этого рода обсуждаются в [Jackendoff 1975]

(18) The artist *depicted* himself [Тема] as a young man [Концепт]

Указанной двойственности в интерпретации синтаксического объекта не возникает у глагола *нарисовать* в контексте слов типа *звездочка стрелка знак квадрат, кружочек, линия, кривая*, которые имеют Т-класс ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ[4] Эти слова не имеют генитива Темы (ср *портрет Маши* и *звездочка* – чего?), для них противопоставление Тема – Изображение снимается Некоторые графические объекты являются знаками Основное свойство знака – возможность воспроизводиться, ср type-token distinction по Рейхенбаху Глаголы *подписать, проштамповать* отличаются от глаголов изображения тем, что воспроизводится не объект "реального мира', а некий образец (*поставил галочку*)

В актантную структуру глагола создания изображения, помимо участников Тема и Изображение, может входить Место (изображения), например

(18) Я [Агенс] нарисовал машин *профиль* [Изображение] *на асфальте* [Место],
Боб [Агенс] написал ее *портрет* [Изображение] *на входной двери* [Место]

Многие имена Т-класса ИЗОБРАЖЕНИЕ относятся, кроме того, к классу МЕСТО, таково, например, слово *карикатура*, которое допустимо и в контексте (19а) и в (19б)

(19) а Он нарисовал *карикатуру* [Изображение] на Чубайса
б *На карикатуре* [Место] его *изобразили* лежащим под колесами мотоцикла (А Азольский)

Однако не все

а Он нарисовал *картину* морского боя, б *Он нарисовал *на картине* морской бой

---

[3] Роль Изображение – разновидность роли Результат (ср традиционный термин внутренний объект), которая реализуется в контексте глаголов создания образа

[4] В [Апресян 1991] графические объекты не отличаются от изображений Конечно, графические объекты могут быть знаками Но связь между изображением и вещью иной природы, чем между знаком и денотатом – например, кружочком на карте и городом

Участник Место роднит глаголы изображения с глаголами восприятия (о роли Места в семантике глаголов восприятия см [Wierzbicka 1980 115)], ср (19б) и (20)

(20) *На карикатурах* [Место] и в фильмах они *выглядели* оборванными бродягами и бандитами (А Кузнецов)

Слова *панорама, вид, пейзаж* тоже таксономически неоднозначны, но по-другому Так, *вид* в (21а) – ИЗОБРАЖЕНИЕ, в (21б) – ВИДИМЫЙ ОБРАЗ

(21) а На гравюре *изображен* вид [Изображение] на Малую Неву,

б Отсюда *открывается* прекрасный вид [Образ]

Не все глаголы создания изображения допускают двойную ролевую интерпретацию объекта Так, у глагола *вышить* объект не может обозначать Тему (т е оригинал)

(21) Она *вышила* на ковре вождя [метонимический перенос *вождя* = 'портрет вождя']

Отметим сочетаемостные различия между *изобразить* (в его исходном значении 'создать визуальный образ на поверхности') и *нарисовать* (тоже в исходном значении)[5] Оба они являются а) глаголами создания, отсюда участник Изображение (он же – Результат), и б) глаголами изображения, отсюда участник Тема Однако

Они различаются диатезами У *нарисовать* имя типа *портрет*, из класса ИЗОБ РАЖЕНИЕ, обозначающее вещный результат действия рисующего (*портрет кар тина, рисунок* и т п), может находиться в позиции объекта, см (22а), а у *изобразить* – нет, (22б)

(22) а нарисовал портрет, акварель, этюд,

б * изобразил портрет, акварель, этюд

Зато у *изобразить* вещный результат может выступать как Место изображения и иметь позицию при глаголе – периферийную (см также *на карикатуре* в (19б))

изобразил *на гравюре* набережную Мойки,

* нарисовал *на портрете* генерала

Участник Место есть у обоих глаголов, запрет накладывается на Т-класс ИЗОБ РАЖЕНИЕ

(23) *нарисовал/изобразил* Машин профиль *на скале*

Далее, *изобразить* – значит создать подобие чего-то, а *нарисовать* можно, в том числе, графический объект, который отображает только самого себя (*нарисовал кружочек, прямую*), поэтому в (24) *изобразил* ≈ 'плохо нарисовал'

(24) Макеев *изобразил* на стене барака – ромашку (С Довлатов)

Сравним диатезы глаголов *изобразить* и *нарисовать* в их исходных значениях создания видимого образа на поверхности Для каждого участника указывается Т-класс, роль и синтаксическая позиция Напомним, что роль Изображение – это разновидность Результата, возникающая в контексте глаголов изображения, т е Т-класса ИЗОБРАЖЕНИЕ, в контексте, где указан Т-класс, мы пользуемся более общей ролью – Результат

Диатезы глагола *нарисовать*

а. < , ИЗОБРАЖЕНИЕ-Результат-*Об*>

нарисовал портрет (пейзаж, картину)

Участник Тема остается за кадром и может отсутствовать, участник Место (изоб ражения) не может быть выражен он занимает позицию объекта, ср диатезу (б) у *изобразить*

б. < , ВИДИМЫЙ ОБРАЗ-Результат-*Об* (, Место-*Периф*)>

Лебедева *нарисовала* вид на Мойку,

Я *нарисовал* Машин профиль (на салфетке, на стене),

Он *нарисовал* меня вверх ногами

В роли участника Место не может выступать имя из класса ИЗОБРАЖЕНИЕ

*нарисовал на акварели *на картине

---

[5] Глагол *зарисовать*, описанный в [Апресян 1991] во многих отношениях близок к *изобра зить*

в. < , ВЕЩЬ-Тема-*Об* (,) >
нарисовал *Машу* на входной двери,
г. < , ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ-Результат-*Об* (,) >
нарисовал *кружочек*

Диатезы глагола *изобразить*

а. –
Диатеза с участником Результат и Т-классом ИЗОБРАЖЕНИЕ в роли объекта отсутствует
изобразил *портрет / *этюд / *картину
Диатезы с объектом Т-класса ИЗОБРАЖЕНИЕ и ВЕЩЬ те же, что у *нарисовать*
б. < , ВИДИМЫЙ ОБРАЗ-Результат-*Об* (, Место-*Периф*)>
В роли участника Место при *изобразить* может выступать имя из класса ИЗОБРАЖЕНИЕ
изобразил на акварели Машин профиль *изобразил* на гравюре вид на Мойку,
в. < , ВЕЩЬ-Тема-*Об* (,) >
(25) Так *изобразил* художник Алмаатинку (Ю Домбровский) Они *изобразили* меня в каком-то рыбьем виде (Е Замятин), < > художник *изобразил* не свою местную самодеятельность, а приезжую культбригаду (С)
Отличить участника Результат от участника Тема (Т-класса ВЕЩЬ) часто позволяют эпитеты и обстоятельства, так, в (25) прямой объект обозначает Тему, а в (25') – изображение
(25) Возвратившись к круглому столу, я *изобразил* с и н е г о зайца (Л Толстой) Каптенармус Трофимович подрабатывавший фотографированием, *изобразил* Чонкина при помощи специальной рамки н а ф о н е идущих внизу танков и летящих поверху самолетов (В Войнович)
То, что речь идет об участнике ВЕЩЬ, хорошо видно в контексте предикатива, когда в ситуации присутствует не только Тема, но и ее Концепт
Не хочу чтобы вы считали меня бездушным монстром, к а к о в ы м изобразил меня < > мсье Фандории (Б Акунин) Он их всех поголовно *изобразил* мелкими карманными в о р а м и (С)
г*. <ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ-Результат-*Об* >, см (24)
Эта диатеза требует переосмысления *изобразил* как 'плохо нарисовал'

Упомянем другие виды изображения Они могут маркироваться участником Способ
Наконец, Плечевой сжалился и сделав вид, будто держится за ручки станкового пулемета, неслышными деду з в у к а м и *изобразил* длинную очередь – Ды-ды-ды ды! (В Войнович)
Лейтенант, к а к м о г, *изобразил* сначала бой (паф-паф) (В Войнович)
Различия между *изобразить* и *нарисовать* идут по всем параметрам лексического значения
1) Категория глагол *изобразить* абстрактный, а *рисовать* – глагол способа, [Апресян 1980 72] (глаголы способа – verbs of manner – обсуждаются, например, в [Pinker 1989]), отсюда *рисует карандашом*, но **изображает карандашом* Важное аспектуальное следствие *рисует* употребляется как перфектное состояние только в неисходных значениях – *воображение рисует роман рисует*, но **картина рисует*, а для *изображать* это употребление нормально *картина изображает*
2) Диатеза *рисовать* – глагол создания, и у него в центре Результат, участник Тема занимает, в исходных употреблениях, периферийную позицию, ср *рисовать с натуры* А у *изобразить* диатеза с участником Результат в центральной позиции вообще отсутствует Показательны также предикатные имена *рисунок* – сам по себе вещь, а *изображение* – это образ ч е г о - т о
То, что у *нарисовать* в фокусе Результат, Изображение, а у *изобразить* – Тема, следующим образом проявляется в сочетаемости Компонент 'соответствие изображения натуре' у *нарисовать* отсутствует, поэтому
а хорошо / верно / живо изобразил,
б *верно / *живо нарисовал

Антиподом к *изобразить* – в смысле свойства, раскрываемого примером (22), – является глагол *набросать* можно *изобразить* ВЕЩЬ (зайца) и *набросать* ИЗОБРА ЖЕНИЕ, например, *портрет, рисунок, акварель* (а также *схему, мемуары, куплет* т е словесные изображения, см о них ниже) Дело в том, что эти имена обозначают результат, и в семантике *набросать* есть отсылка к типу результата результат соответствующего действия – *набросок*

3) Тематический класс для *рисовать* значение изображения на плоскости исходное, а значение воображаемого восприятия и создания вербального образа (*рисует образ Татьяны*), близкое к ментальному, явно производные Для *изображать* значение воображаемого восприятия отсутствует, а способ несуществен, так что ментальное значение у него не производное, а как бы то же самое

На фоне выявленной близости глаголов создания изображения к глаголам восприятия, отметим различие Глаголы создания изображения – это глаголы действия, т е каузативы А глаголы восприятия чаще всего стативны – что проявляется, опять-таки, в актантной структуре их субъект имеет роль Эксперимент, а не Агенс Соответственно различны роли и у объекта, объект глагола восприятия имеет роль Стимул он является, вообще говоря, каузатором возникшего состояния А у глаго лов изображения объект – это либо Тема, либо Результат

Вернемся к примеру (14) с неоднозначной ролевой интерпретацией синтаксического объекта Бросается в глаза то, что неоднозначность тут какая-то несущественная она не отражается на понимании Дело в том, что две ролевых интерпретации Объекта – 'рисую Машу' и 'рисую портрет Маши' – метонимически связаны Есть общий семантический закон, состоящий в том, что в обычном языке слово не может быть употреблено так, чтобы его нужно было понимать в одном его вхождении в разных зна чениях неоднозначность – это свойство сообщения, направленного на самого себя [Якобсон 1975], неоднозначность свойственна поэзии, где, по выражению Р Якобсона [Якобсон 1985 367] "царит каламбур" Известно, однако, что в случае метонимической связи между значениями этот закон может нарушаться (см примеры в [Перцова 1988, Падучева 1998]) Рассмотрим отрывок из стихотворения Н А Некрасова 'Дедушка" В (26) *на портрете* – Место, *молодой генерал* – Тема/Изображение

(26) Раз у отца в кабинете Саша портрет увидал
Изображен *на портрете* был *молодой генерал*
Кто это? – спрашивал Саша

На портрете находится изображение Между тем вопрос "Кто это?" не про изображение, а про человека Предмет и его изображение связаны метонимически Дру гие примеры совмещения метонимически связанных интерпретаций

(27) Я видел *Якобсона* только на фотографии/не только на фотографии ≠Я видел фотогра фию/не только фотографию Якобсона,

(28) Она посмотрела на *молодого царя*, во весь рост написанного среди какой то блиста тельной залы < > (И Бунин)

Примеры (27), (28) показывают, что именная группа может иметь, в одном своем употреблении, две разных интерпретации, связанных метонимией ВЕЩЬ – ИЗОБРА ЖЕНИЕ

Следующий класс – глаголы создания с л о в е с н о г о образа

II' – *описать, пересказать, истолковать*, участник Место имеет в этом классе Т-категорию ТЕКСТ

(29) Одессу [Тема] звучными стихами [ТЕКСТ-Место] наш друг Таманский *описал* (П)

Глагол *нарисовать* имеет переносное значение 'описать', 'изобразить в словесной форме' (см [Апресян 1991]) То же для *изобразить показать*[6] глагол создания

---

[6] У глагола *обрисовать* это значение единственное *коротко обрисовал положение мало имущих*, имя *положение* параметрическое, что возможно только в контексте глаголов с ментальным компонентом невозможно **Он нарисовал их положение*

изображения меняет тематический класс и переходит в глагол создания словесного образа

(30) Писатель [Агенс] *изобразил* в своем романе [ТЕКСТ-Место] быт и нравы дворянства [Тема]

Ролевой неоднозначности объекта у *описать* нет актантная структура у глаголов создания словесного образа – {Агенс, Тема, Место} Участник Изображение в обычную диатезу глагола *описать* (и *нарисовать, изобразить* в значении 'описать') не входит В примере (31) слово *картина* употребляется с метонимическим переносом – от изображения к реальной ситуации (ср *И тут такая же картина* = 'такая же ситуация')

(31) Журналист рисует безрадостную *картину* разрухи = 'описывает разруху которая без радостна'

Итак, участник Образ/Изображение позволил сопоставить семантические поля, близость которых ранее не осознавалась, – восприятие и создание изображения Общей у этих классов глаголов оказалась, прежде всего, неоднозначная ролевая интерпретация прямого дополнения, ср примеры (1) и (14) Далее, как показывает пример (28), класс создания изображения объединяется с классом восприятия наличием обстоятельства ракурса, ср *написан во весь рост* и *виден во весь рост* Пример (32) показывает наличие у восприятий и изображений общего обстоятельства Место Наблюдателя, *с крыльца запечатлел* – это как *вижу из прекрасного далека*

(32) Фотограф успел выскочить и *запечатлеть* эту картину *с крыльца*

Еще одно свойство, которое роднит глаголы восприятия и изображения – допустимость подчиненного предикатива *вижу /нарисовал его сидящим в кресле* Отметим глагол *вырисовываться* он произведен от *рисовать*, глагол изображения, но по своей семантике это глагол восприятия

Заслуживает внимания участник Место Образа (до сих пор речь шла о Месте Изображения) На первый взгляд, этот участник у глаголов восприятия отсутствует Однако при сравнении с глаголами изображения оказывается, что в ролевой структуре глагола (воображаемого) восприятия участник Место есть – инкорпорированный при восприятии Образ возникает в сознании, например *вижу в мыслях, рисую в воображении, в воспоминаниях* Так что изображение – это образ, закрепленный на материальных носителях, в противоположность образу в сознании у глаголов восприятия (В разделе 3 мы увидим, что участник СОЗНАНИЕ ведет себя как Место и при диатетических сдвигах)

Интересно, что глагол *запечатлеть* принадлежит, в разных своих значениях, к обоим классам возможно *запечатлел на фотографии* (глагол изображения), действие, и *запечатлел в памяти* (глагол восприятия), т е 'запомнил', происшествие Ниже сопоставляются системы значений глаголов *изобразить* и *запечатлеть* (нумерация значений призвана показать сходство системы дериватов)

изобразить

1 [исходное значение] 'создать видимый образ на поверхности' Крупными мазками белил охры и берлинской лазури Калмыков *изобразил* то место где по мановению директора на берегу Алмаатинкн должен был возникнуть волшебный павильон Наука и религия (Ю Домбровский), на последней [карикатуре] его *изобразили* лежащим под колесами мотоцикла (А Азольский)

1 [метонимический сдвиг] Он недоволен Историей Карамзина он желал бы чтобы пламенное перо *изобразило* переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу (П)

1д [производная диатеза – Место-*Сб*] Картина *изображает* зимний лес

2 [изменение категориальной предпосылки] 'показать, имитируя манеру поведения' Встав на четвереньки, он *изобразил* медведя, Ты здорово закладывал? Достойным кивком Звягин *изобразил*, что да, закладывал он здорово (М Веллер) [появляется участник Прием *кивком*]

3 [изменение категориальной предпосылки] 'описать в тексте В прежних письмах я еще не *изобразил* Вам во всех красках сей триумф британской инженерной мысли (Б Акунин), мое сомнение в абсолютном и безусловном благе Прогресса он *изобразил* как тягу к реставрации старины (С) [= 'представил']

4 'выразить внутреннее состояние' Зиночка *изобразила* [на лице] крайнее удивление (Б Васильев) Ванда не то удивилась, не то *изобразила* удивление (Б Акунин)

4 [метонимический сдвиг] *Лицо* несчастного *изобразило* беспокойство (П), *Черты ее изобразили* сильное движение души, но она скоро впала в прежнюю бесчувственность (П) *Ее взгляд изобразил* смятение

4д Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение *изобразилось* на лице его (П) В глазах ее *изобразилось* недоумение

Употребления 1' и 4' – результат метонимических замен, которые не являются диаттетическим сдвигом в позиции субъекта Т-класс ЧЕЛОВЕК заменяется на Т-класс ЧАСТЬ ТЕЛА *(лицо, черты, глаза* и под) Значение 4' примечательно тем, что только от него образуется возвратный глагол – декаузатив, значения 1, 2 и 3 у *изобразить* чисто агентивные (о принципиальной связи декаузативов с необязательной агентивностью глагола см в [Падучева 2001])

В (33) *изобразить* имеет значение 'сделать вид', которое получается переносом акцента на несоответствие между изображением и реальностью

(33) Тот < > приставил палец к своему виску и *изобразил*, что спускает курок (Б Акунин)

На примере глагола *изобразить* легко показать возможность совмещения значений, так, в (34) *изобразить* – это одновременно 'показать' и 'описать словами'

(34) Талантливый фонолектор слишком живо *изобразил* нам эту дикую эпоху – вот и все (Е Замятин)

запечатлеть

1 [исходное значение] 'передать, воплотить, отразить' Живописцы давних лет *запечатлели* когда-то образы солдат наполеоновской армии (МАС), Мудрая этимология в самом слове *запечатлела* преходящность и нереальность понятия (С),

1д [производная диатеза – Место-*Сб*] Чукоккала *запечатлела* свое время, Может, действительно *запечатлели* алмазы и изумруды, как уверял меня один гаврик, взгляды Творца при Сотворении им Мира и сияние первого света? (Ю Алешковский),

2 –

3 [изменение категориальной предпосылки, Место – фотография, инкорпорированный участник] 'сделать фотографию' Вот тут-то и вспыхнул блиц фоторепортера, который навсегда *запечатлел* физиономии Арона и Васи для мировой прессы (В Кунин),

3 [метонимический сдвиг] Эти аляповатые <u>олеографии</u> *запечатлели* лица грубые и извращенные, усталые, лошадиные (А Битов), <u>Они</u> [фотографии] *запечатлели* профессора Тарасюка читающего лекцию студентам < > и профессора Тарасюка, размышляющего на фоне невских волн (М Веллер),

4 [изменение категориальнои предпосылки, Место – *сознание*] 'сохранить в памяти' понять это мог только тот кто изучил пометки наизусть, много думал над ними и *запечатлел* их <u>в памяти</u> своего сердца (Б Акунин),

4д [производная диатеза] хотел, чтобы это*т пейзаж навсегда запечатлелся <u>в моем сердце</u> (Б Акунин) <u>На лице ее</u>* запечатлелось выражение глубокой и окончательной скорби (С Довлатов), Эта сцена *запечатлелась* <u>во мне</u> навсегда, <u>на лице</u> дяди Сандро может быть, в первый и последний раз в жизни *запечатлелось* выражение гамлетизма (Ф Искандер) < > и зеленоватые стволы деревьев, которые <u>в моей осыпающейся памяти</u> *запечатлелись* как платаны со стволами, пятнистыми как легавые собаки (В Катаев) Потом я перешел к воспоминаниям, которые, как мне казалось, тоже достаточно четко *запечатлелись* <u>в его сознании</u> (В Кунин), слишком *запечатлелось* <u>в его душе</u> как черными вечерами после работы < > останавливалась перед ним колонна лагерников (Г Владимов)

У *запечатлеть* (внутренняя форма включает идею 'печать', которая требует поверхности) отсутствует значение 2 Сдвиг категориальной предпосылки в значении 4 происходит по-разному у *изобразить* Т класс участника Место – ЧАСТЬ ТЕЛА, а у *запечатлеть* это инкорпорированный участник *сознание*

Интересно, что нынешняя система значений глагола *запечатлеть* является результатом недавнего развития Старые значения исчезли – например, 'ознаменовать', как в *И Бога браней благодатью Наш каждый шаг запечатлен* (П)

Глаголы *изобразить* и *запечатлеть* различаются категорией исходное значение *запечатлеть* не агентивное – что проявляется в наличии декаузатива 1д (и, конечно, в том, что несов вид *запечатлевать* не имеет акт значения) Но и в значении 'вос принять' *запечатлеть* не имеет диатезы с субъектом-Экспериентом, в (36) *запечатлел* могло бы быть, с натяжкой, понято в значении восприятия, но из предшествующего контекста, см (35), следует, что речь идет о фотографировании

(35) Мне дороже была эта улыбка ее кругловатого лица, которую, заработав наконец на *фотоаппарат*, я тщетно пытался уловить (С),

(36) Раз только *запечатлел* я, как она улыбалась чему-то, глядя в окошко на улицу (С)

Как уже неоднократно говорилось, создание изображения – частный случай создания и Изображение – это разновидность Результата Исследование вытекающих отсюда импликаций безусловно интересно Парадоксальные диатезы глагола несов вида, в которых позицию объекта, вместо ожидаемого Пациенса, занимает участник Результат (*рубить дрова, косить сено*, см [Падучева 1999]), сродни тем антиномиям, которые рассматривались выше на примерах (15) и (26)

III. Следующий тематический класс глаголов, в семантике которых можно выявить участника Образ или его наследников, – это глаголы мнения мнение можно рассматривать как возникший в сознании м е н т а л ь н ы й образ (т е концепт) какого-то фрагмента действительности (о мнении как созданном его носителем образе реальности см [Щеглов 1964]) Выше мы работали с актантной структурой {Агенс, Тема, Концепт} глагола восприятия в значении мнения, естественно, чтобы глагол, у которого значение мнения исходное, имел ту же актантную структуру, в самом деле

(37) а Я [Агенс] *считаю* его [Тема] хорошим специалистом [Концепт],

б Я *не нахожу* в этом [Тема] ничего смешного [Концепт]

Участники Тема и Концепт особенно ясно видны в каузативах – таких, как, например, *представить* в значении 'попытаться каузировать считать'

представил *своего брата* [Тема] *жертвой* [Концепт] несправедливости

Знание отличается от мнения отсутствием этой раздвоенности Правда, различие между знанием или мнением не во всех контекстах очевидно Так, в (38) неясно, должен ли я знать или считать, что это так?

(38) Это *показало* преимущества демократической формы правления

Близкое соотношение – между мнением и его основанием

вижу *по его выражению лица* [основание] что я прав [мнение],

догадался *по его смущенной улыбке* [основание], что он ошибся [мнение]

3 ДИАТЕТИЧЕСКИЕ СДВИГИ

Итак, мы зафиксировали связи между классами глаголов, основанные на дериваци онных отношениях между их актантными структурами Теперь обратимся к диатетическим сдвигам – в пределах тех актантных структур, о которых шла речь Это позволит ввести в рассмотрение новые употребления глаголов, а также новые глаголы, связанные с прежними отношением конверсии Соотношение по конверсии [Апресян 1974 188] – это, с семантической точки зрения, то же, что диатетический сдвиг и там и там происходит перенос фокуса внимания с одного участника на другой

Диатетический сдвиг, в результате которого участник Место переходит из периферийной позиции, естественной для участника Место, в позицию объекта, описан в [Levin 1993] Участник Изображение при этом инкорпорируется и переходит в позицию За кадром Например

(1) а вышил узор [Изображение-*Об*] *на подушке* [Место-*Периф*] ⇒

б вышил *подушку* [Место-*Об*]

(2) а разметил незнакомые слова в *тексте*, б разметил *текст*

Этот сдвиг широко представлен в английском *inscribe* (*inscribe the dedication/in scribe the book*), *embroider imprint mark sign stamp* и др Русские глаголы *надписать, подписать вышить отметить пометить, татуировать, проштамповать* могли бы быть охвачены этой деривационной моделью, но русский язык, из-за продуктивности приставочного словообразования, обладает меньшим диатетическим потенциалом

З а м е ч а н и е В [Levin 1993] рассматриваются еще два класса английских глаголов создания Изображения – с неподвижной диатезой

1 Глаголы типа *scribble* 'нацарапать' Прямое дополнение может обозначать только созданное Изображение (*написать напечатать нарисовать вырезать выгравировать*), а Место выражается Предложной группой

нацарапать имя на стене – **нацарапать* стену

2 Глаголы типа *illustrate* 'иллюстрировать' (сюда могли бы быть отнесены русские глаголы *подписать иллюстрировать декорировать датировать монограммировать*) Объект может обозначать только Место, куда нанесено Изображение, художник иллюстрирует книгу хотя реально он создает иллюстрации (иллюстрации остаются За кадром в качестве инкорпорированного участника) *Подпишите свою статью на последнеи странице* [обстоятельство указывает место, где должна быть поставлена подпись, *подпись* – это с точки зрения Т-класса не ИЗОБРАЖЕНИЕ а ГРАФИЧЕСКИИ ОБЪЕКТ]

3.1. Диатетические сдвиги в классе глаголов создания изображения

Более радикальная перестройка происходит тогда, когда из актантной структуры удаляется (уходит за кадр) прежний Субъект, т е Эксперент или Агенс, а позицию Субъекта занимает участник Место, Тема/Изображение остается в объектной позиции Мена диатезы у глаголов создания изображения

(1) а Художник [Агенс] *изобразил* на своей картине [Место] зимний лес [Тема/Изображение] ⇒ б Картина [Место] *изображает* зимний лес [Изображение]

Диатетический сдвиг <Агенс *Сб*, Тема/Изображение *Об*, Место *Периф*> ⇒ Место *Сб*, Тема/Изображение-*Периф*, Агенс-З/*кдр*> Тот же сдвиг при другом значении *изобразить*

(2) Грушницкий [Агенс] *изобразил* на своем лице [Место] удовольствие [Изображение] ⇒ Лицо Грушницкого [Место] *изобразило* удовольствие [Изображение]

(3) Ювелир *украсил* ложку [Место] инициалами владельца [Изображение] ⇒ Ложку [Место] *украсили* инициалы владельца [Изображение]

Переход участника Место в позицию Субъекта возможен и у глаголов, обозначающих словесные изображения (когда участник Место относится к категории ТЕКСТ)

(4) Автор [Агенс] *рисует* в своем романе [Изображение ТЕКСТ] жизнь современной молодежи [Тема] ⇒ Роман [Изображение ТЕКСТ] *рисует* жизнь современнои молодежи [Тема]

Другие примеры

а Он *показывает* в своей повести нравы бандитов ⇒
Повесть *показывает* нравы бандитов

б Он в своем отчете хорошо *передал* атмосферу этой встречи ⇒
Его отчет хорошо *передает* атмосферу этой встречи

в Я *описал* в письме свое положение ⇒ Письмо *описывает* мое положение,

г NN *отразил* в очерках впечатления от поездки в Грецию ⇒
Очерки *отражают* впечатления NN от поездки в Грецию

Тому же диатетическому сдвигу подвергается инкорпорированный участник Место глаголов воображаемого восприятия, когда он экскорпорируется в словах типа *сознание воображение воспоминание память*

(5) Я рисую *в воображении* картины будущего блаженства ⇒
Мое воображение рисует картины будущего блаженства

(6) *В воспоминаниях* я рисую места где я живу душой ⇒
Воспоминания рисуют места где я живу душои

Поскольку *сознание* имеет таксономический класс ОРГАН [Падучева 2002], этот участник, переходя в позицию Субъекта, приобретает отчасти роль Каузатора

Модель перехода участника Место в позицию субъекта работает и на глаголах воспроизведения

Актриса *в своем исполнении* верно п е р е д а е т чувства матери ⇒

Исполнение верно п е р е д а е т чувства матери

Роль участника-субъекта в семантике глаголов восприятия и изображения сво дится к тому, что он – вольно или невольно – устанавливает связь между знаком (или концептом) и денотатом После того, как этот участник, в результате диатетических сдвигов, удаляется из актантной структуры, глагол создания изображения приобретает вторичное значение "семиотического" глагола, с участниками Означающее (Изображение/Место) и Означаемое (Тема) два участника связываются друг с дру гом напрямую Ход обратный тому, который был проделан создателем семиотики Чарльзом Моррисом, который как бы нехотя добавил в знаковую ситуацию третьего участника – говорящего (а в науку о знаках – прагматику) В языке непосредственное отношение между знаком и означающим производно от более естественного – трехчленного, когда говорящий занимает в знаковой ситуации центральное место.

3.2. Диатетические сдвиги в классе глаголов восприятия

В классе глаголов восприятия этот диатетический сдвиг применим, естественно, только к тем исходным диатезам, где Тема и Концепт – разные участники, ср *слышу* в (7) У возвратного *слышится* в (7) Концепт продвигается из объектной позиции в субъектную, а субъект уходит за кадр, оставшиеся два участника оказываются связаны друг с другом как означаемое и означающее

(7) Я отчетливо *слышу* <u>в голосе Марты досаду</u>

я – Экспериент *Сб*,

досаду – Концепт-*Об*,

в голосе Марты – Тема-*Периф*

(7) В голосе Марты отчетливо *слышится* досада

Эксперимент-*Сб* ⇒ Наблюдатель-*З/кдр*,

Концепт-*Об* ⇒ Означаемое *Сб*,

Тема-*Периф* ⇒ Означающее *Периф*

В результате, глагол восприятия получает диатезу, в которой нет синтаксической позиции для Эксперимента – это диатеза с Экспериентом за кадром

У предложения (7') та же актантная структура и диатеза, что у (8) с глаголом *звучать*

(8) В голосе Марты [Означающее-*Периф*] *звучит* досада [Означаемое *Сб*] ⇒ Наблюдатель *слышит* в голосе Марты [Означающее-*Периф*] досаду [Означаемое *Об*] Ср Он *видит* во мне соперника

Кроме того, *звучать*, как многие глаголы звука, например, *звенеть*, допускают диатезу, где Означающее занимает позицию субъекта, а Означаемое уходит на периферию

(9) Голос Марты *звенит* досадой

Так что (8) и (9) имеют одну и ту же актантную структуру, но инверсные диатезы

Употребления глагола *звенеть* для выражения связи между означаемым и означающим широко распространены Возможны обе диатезы Означающее-*Сб*, Концепт-*Периф*, как в (10а), и наоборот, (10б)

(10) а *Звенела* музыка в саду / Таким невыразимым горем (А Ахматова)

б В рокоте материнского [голоса] была просьба, в укорачивающихся ответах дочери *звенела* злость (В Набоков)

Таким образом, в рассмотрение включается еще один тематический класс – 'семиотические ' глаголы, выражающие отношение между знаком и денотатом

IV. Семиотическое значение в исходной диатезе имеют очень небольшое число глаголов Среди них – *гласить* Для остальных эта диатеза производная Таковы глаголы *выразить передать* В их исходной диатезе есть участник Агенс, занимающий позицию субъекта, он осуществляет связь между Означающим и Означаемым

В производных диатезах Агенс уходит за кадр (есть и участник Эксперимент, но он всегда за кадром, как Наблюдатель)

(11) Слово [Означающее] *выражает* значение [Означаемое]

В (11) диатеза <Означающее-*Сб*, Означаемое *Об*, Эксперимент-*За кадром*>, при которой у глагола нет синтаксической позиции ни для Создателя сообщения, ни для Эксперимента

У соответствующего возвратного глагола меняются рангами Означающее и Означаемое, Эксперимент сохраняет свою закадровую позицию

(12) В слове выражается значение

По справедливому наблюдению в [Lakoff, Johnson 1980], язык трактует слова и другие выражения языка как ' контейнеры" для значений И хотя, как однажды заметил Ю М Лотман, смыслы не завернуты в тексты как конфета в обертку, это представление имеет широкое хождение Примеры (7)–(12) показывают, что это неверное ходячее представление навязано говорящим языковой моделью мира Роль Место в контексте глаголов создания образа с самого начала является метафорой Эта метафора становится тем более сложной, когда она лишается синтаксической поддержки Все происходит, однако, по самым общим законам, ср знаменитое *В саду кишат змеи* и *Сад кишит змеями*

Итак, наша цель была продемонстрировать – на нескольких семантических клас сах глаголов – возможности деривационного подхода к семантике лексики Главным инструментом этого исследования было понятие семантической роли Была предъявлена серия тематических классов глаголов с "близнечными" ролями У глаголов восприятия это Стимул (Перцепт) и Образ, у глаголов создания изображения – Тема (Оригинал) и Изображение, у глаголов мнения – Тема и Концепт, у семиотических глаголов – Означающее и Означаемое Близкое семантическое поле образуют отражения и отпечатки, но они требуют отдельного исследования Понятие роли позволило выявить нетривиальную общность в семантических свойствах и поверхностном поведении у глаголов этих тематических классов и продемонстрировало новые возможности использования понятия диатезы в семантическом анализе лексики**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1974 – *Ю Д Апресян* Лексическая семантика М , 1974

Апресян 1980 – *Ю Д Апресян* К формальной модели семантики Правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания Новосибирск 1980

Апресян 1991 – *Ю Д Апресян* Словарная статья глагола РИСОВАТЬ Семиотика и информа тика Вып 32 М 1991

Апресян 1996 – *Ю Д Апресян* О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь, грамматика, текст/Сб в честь Н Ю Шведовой М , 1996

Апресян 1997а – *Ю Д Апресян* Словарная статья *воображать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Вып 1 М , 1997

Апресян 1997б – *Ю Д Апресян* Словарная статья *рисовать* // Новый объяснительный сло варь синонимов русского языка Вып 1 М , 1997

Апресян 1999 – *Ю Д Апресян* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // ИАН СЛЯ № 4 1999

Апресян 2001 – *Ю Д Апресян* Системообразующие смыслы знать и считать в русском языке // Русский язык в научном освещении 2001 № 1

Мельчук, Холодович 1970 – *И А Мельчук А А Холодович* К теории грамматического зало га // Народы Азии и Африки 1970 № 4

** Автор благодарен Ю Д Апресяну за замечания, многие из которых, как кажется, удалось учесть в окончательном варианте статьи

Падучева 1998 – *Е В Падучева* Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ 1998 № 5
Падучева 1999 – *Е В Падучева* Аспектуальные свойства глаголов с семантическим актантом Результат // ВФ 1999 № 3
Падучева 2000 – *Е В Падучева* О семантической деривации слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня Сб памяти Д Н Шмелева М , 2000
Падучева 2001 – *Е В Падучева* К структуре семантического поля "восприятие' (на материале глаголов восприятия в русском языке) // ВЯ 2001 № 4
Падучева 2002 – *Е В Падучева* О параметрах лексического значения глагола таксономический класс участника // Русский язык в научном освещении 2002 № 1(3)
Перцова 1988 – *Н Н Перцова* Формализация толкования слова М , 1988
Сичинава 2002 – *Д Сичинава* К задаче создания корпусов русского языка в Интернете // Научно-техническая информация Сер 2 2002 № 8
Щеглов 1964 – *Ю К Щеглов* Две группы слов русского языка Машинный перевод и прикладная лингвистика Вып 8 1964
Якобсон 1975 – *Р Якобсон* Лингвистика и поэтика // Структурализм "за' и 'против" М , 1975
Якобсон 1985 – *Р Якобсон* Избранные работы М , 1985
Croft 1991 – *W A Croft* Syntactic categories and grammatical relations the cognitive organization of information Chicago, 1991
Dowty 1991 – *D R Dowty* Thematic proto roles and argument selection // Language V 67 № 3 1991
Fillmore 1968 – *Ch Fillmore* The case for case // E Bach, H Harms (eds) Universals in linguistic theory New York, 1968
Fillmore 1977 – *Ch Fillmore* The case for case reopened // Syntax and semantics V 8 New York, 1977
Jackendoff 1975 – *R Jackendoff* On belief-contexts // Linguistic Inquiry V 6 1975
Jackendoff 1991 – *R Jackendoff* Semantic structures Cambridge, 1991
Keenan 1976 – *E Keenan* Towards a universal definition of 'Subject // Li, Ch N (ed) Subject and topic New York, 1976
Lakoff, Johnson 1980 – *G Lakoff M Johnson* Metaphors we live by Chicago, 1980
Levin 1993 – *B Levin* English verb classes and alternations A preliminary investigation Chicago, 1993
Pinker 1989 – *S Pinker* Learnability and cognition The acquisition of argument structure Cambridge, Mass , 1989
Wierzbicka 1980 – *A Wierzbicka* Lingua mentalis Sydney, 1980
Wierzbicka 1987 – *A Wierzbicka* English speech act verbs A semantic dictionary Sydney 1987
Wierzbicka 1988 – *A Wierzbicka* The semantics of grammar Amsterdam, Philadelphia, 1988

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

© 2003 г. Е.И. ШУТОВА

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЕВЕДЕНИИ

ВВЕДЕНИЕ

Части речи – базовая категория грамматической системы, непременная составляющая грамматического анализа Само зарождение и развитие лингвистики как научной дисциплины – от античности и до наших дней – связано с этим понятием Между тем, сущность категории частей речи как общелингвистического понятия, их назначение и роль в грамматическом механизме языка, остается открытой проблемой языкознания

Наиболее распространенным, нашедшим свое приложение в практике описания языков мира, является представление об универсальном характере лексико-семантической основы частей речи, в качестве которой принимаются категории типа "предмет', "действие", "качество" и др , так или иначе связываемые с формально-грамматическими средствами определенных языков В свое время В М Жирмунский формулировал эту идею следующим образом " в зависимости от грамматического строя данного языка оформление части речи как грамматической категории будет представлять существенные различия с сохранением универсальности ее значения в аспекте лексико-семантическом" (выделено нами – *Е Ш*) [Жирмунский 1966 19][1] Вместе с тем ученым подчеркивалось и следующее· "Вообще четкая дифференциация частей речи связана с их морфологизацией" [Там же 25]

Расширение типологической перспективы рассмотрения проблемы, осознание факта отсутствия необходимой связи между универсальными лексико-семантическими категориями и морфологическими способами их грамматического представления приводит ряд ученых к идее функционально-синтаксических критериев как универсальных формальных оснований выделения частей речи [Живов 1990 578, Серебренников 1990 579]

В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" мы находим следующую оценку эффективности функционально-синтаксического фактора как основания выделения частей речи в языках со слабо развитой морфологией "Слова, выполняющие функции существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, числительных, наречий и т д , имеются во всех языках мира Наличие категориальных значений и определ функций вполне обеспечивает существование функционально-семантич разрядов в языке " "Существующее мнение, что слово в языках со слабо развитой системой морфологич средств потенциально способно выступать в роли любой Ч р , по-видимому, ошибочно Функционально-семантич разряды слов не обладают мобильностью , каждый элемент языка имеет собств , строго очерченную и строго определенную сферу действия " [Серебренников 1990 579]

Китаеведение дает весьма поучительный пример предметного обсуждения проблемы выделения частей речи на основании функционально-синтаксических крите-

---

[1] Отметим высокую оценку указанной точки зрения, данной А В Десницкой [Десницкая 1991 17]

риев Оценка результатов этого обсуждения представляет не только собственно китаеведческий, но и общелингвистический научный интерес

* * *

0.1. Категория ' части речи" находится в центре внимания лингвистов китаеведов в различные периоды развития науки о грамматике китайского языка

В 30–40-е годы прошлого века узко-морфологический подход к проблеме приводит западноевропейских синологов [Maspero 1934, Karlgren 1949] не только к выводу об отсутствии в китайском языке частей речи, но и к заключению о неразвитости, аморфности его грамматики Примерно в эти же годы ориентация на морфологические критерии установления частей речи выступает определяющим началом и в работах отечественных ученых, развивающих концепцию поступательного исторического развития грамматики китайского языка [Ошанин 1947, 1948] или формализации "понятийных категорий ' [Коротков 1946]

Перелом в подходе к проблеме приходится на 40–50 е гг , когда научные устремления исследователей обращаются к критериям синтаксического порядка

В китайском языкознании эти годы отмечены зарождением движения за обновление грамматического учения (*yufa gexin yundong*) [Чжан Чжигун 1982 304], всплеском интереса к специфике грамматического устройства грамматики китайского языка Выходит в свет ряд серьезных трудов по китайскому языку, в значительной степени определивших дальнейшее развитие китайского языкознания [Проблемы 1940, Лу Чживэй 1937, Ван Ли 1943, 1944, 1946, Люй Шусян 1949, Гао Минкай 1948, Чжан Чжигун 1953] и ряд других работ китайских лингвистов[2]

На эти же годы приходится расцвет научной деятельности А А Драгунова, увенчавшийся выходом в свет его получивших мировую известность "Исследований по грамматике современного китайского языка" [Драгунов 1952]

Центром научных интересов в пятидесятые годы становится проблема частей речи в китайском языке, что нашло свое проявление в широкой дискуссии, осуществленной в 1953–1954 гг на страницах журналов "Чжунго юйвэнь" (Китайский язык) и частично "Вопросы языкознания"[3]

Дискуссия развивалась в направлении преодоления двух основных научных представлений, сложившихся к тому времени в китайском языкознании Согласно первому из них, части речи трактовались не как категории деления словарного состава китайского языка на определенные классы, а как категории словоупотребления Второе представление приписывало китайскому языку отсутствие частей речи

Представление о китайских частях речи как о категориях собственно словоупотребления восходит к Ма Цзяньжуну – ученому, с именем которого связано в Китае становление лингвистики как самостоятельной научной дисциплины и начало систематического описания китайского языка в терминах европейской грамматической теории Объектом грамматического описания в книге Ма Цзяньжуна [Ма Цзяньжун 1898] выступает древнекитайский язык

Представление о частях речи как о категориях словоупотребления носит у Ма Цзяньжуна сугубо общий характер, речь идет о широком контексте как определяющем факторе выявления частеречной принадлежности слова в китайском языке

---

[2] Некоторые из указанных работ были переведены на русский язык например *Ван Ляо и* Основы китайской грамматики М , 1954 (Zhongguo yufa gangyao), *Люи Шусян* Очерк грамматики китайского языка в трех томах, М 1961, 1965 (Zhongguo wenfa yaolue)

[3] В дискуссии приняли участие ведущие китайские и советские ученые того времени Из советских ученых в ней участвовали тогда начинающие ученые В М Солнцев [Солнцев 1955 1956], Б Г Мудров [Мудров 1955] А А Драгунов ушел из жизни в 1952 г

Утверждается следующее ' Слово (*ci*) не имеет в китайском языке определенного значения, поэтому, если мы хотим знать его категориальную принадлежность (*cilei*), мы прежде всего должны знать, в чем заключается смысловой контекст его употребления (*shangxia zhi wenyi*)' (цит по [Люй Шусян 1955 135])

Линию Ма Цзяньжуна в принципиальной оценке сущности категории частей речи, уже на материале современного китайского языка, продолжил Ли Цзиньси, автор широко известной в китаеведении книги "Xin zhu guoyu wenfa" (Новая грамматика китайского национального языка), вышедшей в свет в 1924 г и выдержавшей в Китае до двадцати пяти изданий Именно Ли Цзиньси принадлежит тезис *Yi ju bian pin, wu ju wu pin* 'На базе предложения определяем части речи, нет предложения – нет частей речи', кратко, но точно формулирующий сущность определенного научного представления

Однако, если у Ма Цзяньжуна представление о частях речи как о категориях словоупотребления носит сугубо общий характер (апелляция к смысловому контексту употребления слова), то Ли Цзиньси апеллирует уже к определенной языковой единице – к предложению и к его членам Впервые в китаеведении Ли Цзиньси вводит функционально- синтаксический критерий в качестве основания выделения частей речи В предисловии к четырнадцатому изданию своей книги он пишет "Взятое само по себе, слово в китайском языке не имеет никаких признаков частеречной отнесенности, лишь учитывая его позицию (*weizhi*) и функцию (*zhiwu*) в предложении, можно определить, к какой оно принадлежит части речи (цит по [Люй Шусян 1955 133])

Другое из отмеченных выше научных представлений – отсутствие в китайском языке частей речи, – на фоне которого развивалась дискуссия, принадлежит Гао Минкаю – лингвисту-теоретику, автору капитального труда "Zhongguo yufa lilun" (Теория грамматики китайского языка) [Гао Минкай 1957, первое издание – 1949] и ряда серьезных статей [Гао Минкай 1953, 1955, 1956, 1957], в которых обосновывается видение ученым принципиальных оснований грамматики Именно статья Гао Минкая, опубликованная в 1953 г в журнале "Чжунго юйвэнь", в которой он полемизирует с положениями статьи советского ученого Н И Конрада "О китайском языке", опубликованной в "Вопросах языкознания" [Конрад 1952] и переведенной на китайский язык, стимулировала начало дискуссии по проблеме частей речи в китайском языкознании

Приведем несколько тезисов, характеризующих сущность научных взглядов Гао Минкая

1 Части речи – это фактор деления на определенные классы словарного состава (*cihui*) языка

2 Основанием разделения словарного состава языка на классы, именуемые частями речи, не может являться чисто семантический фактор Части речи – это лексико грамматические классы слов

3 Грамматический аспект лексико-семантического содержания слова должен получить свое подтверждение и проявление в структуре слова как такового (*ci-de benshen xingtai*), в выделимости в нем корня, не способного к самостоятельному употреблению, и формальной части – суффикса или префикса, придающих корневой семантеме лексическую и грамматическую определенность и законченность

4 Изолированное слово китайского языка, т е слово как таковое, взятое вне его употребления в речи, не имеет морфологической структуры Те немногие формальные элементы (типа показателя множественности *men*, видовременных показателей *le, guo, zhe* и др), которым многие ученые склонны приписывать морфологическую значимость, таковой не имеют, эти элементы относятся не к корню, а к самостоятельному слову, находясь тем самым не внутри слова, а вне слова, что влечет за собой возможность отнесенности этих формальных элементов не только к слову, но к словосочетанию (например, *Ta dao Beijing le,* 'Он прибыл в Пекин'), а также возможность и даже необходимость их неупотребления, несмотря на присутствие соот-

ветствующего значения (Например, *sange gongren* 'трое рабочих', *wuge nongmin* пятеро крестьян', но ***sange gongrenmen, *wuge nongminmen***)

5 Фактор синтаксической функции не может явиться непосредственным грамматическим основанием выделения частей речи Части речи и функция слова в предложении – это два различных понятия" "Лишь опираясь на функцию выделить части речи невозможно' "Одна и та же функция предложения в различных языках может быть выражена различными частями речи, однако, если слово не имеет при себе специальных формальных показателей, то как мы можем определить, к какой части речи оно принадлежит ' [Гао Минкай 1955 89]

6 Критерий синтаксической сочетаемости слов также, по мнению Гао Минкая, не может явиться основанием различения частей речи Отмечается в этой связи, например, возможность сочетания отрицания не только со словами вербальных, но и именных значений *Ta jianzhi huade shan* ***bu shan***, *shui* ***bu shui***, *yu* ***bu yu***, *ren* ***bu ren*** 'Он рисует так, что прямо-таки не поймешь, гора это – не гора, вода – не вода, рыба – не рыба, человек – не человек' [Гао Минкай 1955 94]

0.2. Судя по материалам дискуссии и другим публикациям, развитие китайского языкознания пошло в направлении утверждения концепции существования в китайском языке частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий И теория отсутствия в китайском языке частей речи (Гао Минкай) и представление о частях речи как о категориях собственно словоупотребления (Ли Цзиньси) не были приняты

Главный огонь критики был направлен против концепции Гао Минкая Что же касается Ли Цзиньси, то в ходе многочисленных переизданий его книги ученый существенно уточнил суть своего понимания проблемы, сняв тем самым остроту неприятия развиваемой точки зрения Так, в предисловии к 14-му изданию книги Ли Цзиньси пишет То, что слово относится к определенной части речи в структуре предложения – это верно, но неверно то, что вне предложения нет частеи речи' (цит по [Люй Шусян 1955 161]) "Слово проявляет свою частеречную принадлежность по соотношению с формой предложения (*juxing*)", – утверждается в предисловии к 19-му изданию (цит по [Чжан Чжигун 1982 296])

В статье, опубликованной в 1953 г в журнале "Чжунго юйвэнь ', Ли Цзиньси формулирует тезис о «единстве лексического значения и функции, составляющем сущность содержания понятия "часть речи '» – своего рода кредо ученого в понимании проблемы И уточняет "Части речи – это выделенные из лексического состава языка (*cihui*) существительные, местоимения, глаголы, прилагательные и др категории слов Существуя в принципе самостоятельно, вне предложения, они проявляют свою сущность, выступая в функции шести основных членов предложения [Ли Цзиньси 1955 22, 24]

Итак, какие доводы выдвигались в ходе дискуссии в пользу существования в китайском языке частей речи?

Прежде всего – доводы общелингвистического порядка, защищающие идею необходимости существования частей речи в грамматической системе языка

'Коль скоро мы признаем наличие в китайском языке грамматики, то независимо от того, имеется или не имеется в нем морфологическая форма (*xingtai*), мы должны признать существование в нем частей речи", – такие категорические утверждения мы находим в материалах дискуссии [Чэнь Найфань 1955 108] В этом же русле лежит и присутствующая в этих материалах апелляция к тезису А А Драгунова о частях речи как центральном звене грамматического механизма [Драгунов 1952 9] Или же – весьма острые замечания Люй Шусяна в адрес Гао Минкая согласно автору, никакими способами нельзя выделить в китайском языке части речи, в таком случае остается ждать, как ученый объяснит нам грамматику китаиского языка, ибо для всех, кто говорит о грамматике, части речи являются обязательным, неотъемлемым инструментом грамматического анализа [Люй Шусян 1955 133]

Другой аргумент общелингвистического порядка, выдвигавшийся в защиту тезиса о необходимости существования в языке частей речи, состоял в идее отсутствия у категорий членов предложения грамматической самодостаточности члены предложения включают в себя тот или иной лексико-семантический, или частеречный, аспект, составляющий основу их грамматической семантики [Цао Бохань 1955б 124] Ху Фу и Вэнь Лянь подчеркивали " между анализом предложения по членам предложения и выделением частей речи существует тесная связь, члены предложения нуждаются в определенном строительном материале (лексико-семантических категориях, или частях речи – *Е Ш*) как основе своего существования" [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955 74]

Уже значительно позже концепцию зависимости синтаксиса и его категорий от частей речи развивали в своих работах В М Солнцев и Н В Солнцева Понятие частеречный синтаксис" – лейтмотив этой концепции [Солнцев, Солнцева 1986]

0.3. Существенно следующее Не принимая точки зрения Гао Минкая об отсутствии в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов, участники дискуссии вместе с тем поддерживали тезис ученого о неправомерности выделения частей речи на чисто семантических началах, усматривая в этом "выделение ради выделения" (*fen guan fen*)

Отсюда во главу угла проблемы был поставлен вопрос о характере грамматической формы в китайском языке, о соотношении лексической семантики и грамматики В русле этих поисков получает поддержку идея грамматической формы в широком смысле (*guangyı-de xıngtaı*), обнаруживающей себя в синтаксической сочетаемости слов, в противоположность грамматической форме в узком смысле (*xıayı-de xıngtaı*), выявляемой в структуре слова как такового

Как отмечают Ху Фу и Вэнь Лянь, термин *guangyı-de xıngtaı* в указанном смысле был введен Фан Гуантао – одним из авторов сборника "Проблемы обновления грамматического учения" [Проблемы 1940] – в статье "Система и метод" (*Tıxı yu fangfa*)

Наиболее убежденные сторонники идеи грамматической формы в широком смысле Ху Фу и Вэнь Лянь писали "На основе одинаковой сочетаемости слова могут быть включены в одну категорию и определены как принадлежащие к одной и той же части речи Допустим, мы назовем эту часть речи существительным, в таком случае перед ним мы можем поставить элементы типа *yıge* 'один', *zhege* 'этот', *zhezhong* 'такого рода' и др , наличие последних является формой (выделено нами – *Е Ш*) последующего существительного [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955 69] Аналогичные рассуждения мы находим и при выделении глагола, прилагательного Общий вывод ученых "Сколько форм в китайской грамматике? На сколько частей речи могут быть разделены китайские слова? Сейчас мы не можем ответить на этот вопрос Если выдвинутый научный принцип верен, то исследователи китайского языка выявят формы и базирующиеся на них категории В этом случае выделение частей речи получит рациональное обоснование" [Там же 73]

Можно ли считать типичную для определенных категорий слов сочетаемость с другими словами грамматической формой соответствующих категорий слов – вопрос весьма непростой, и однозначно положительный ответ на него далеко не очевиден Однако бесспорно то, что свойственная определенным категориям слов сочетаемость с другими словами или формальными элементами является существенным грамматическим признаком слов этих категорий В китаеведении эти свойства всегда изучались, обретя статус д и а г н о с т и ч е с к и х признаков частей речи Другое дело, что и здесь не все просто и однозначно, см [Люй Шусян 1955 144] Большое внимание фактору грамматической сочетаемости слов как основанию выделения частей речи в китайском языке уделяется в ' Исследованиях" А А Драгунова, основывающего свое понимание формы на теоретических постулатах Л В Щербы

0.4. Выше речь шла о синтаксической сочетаемости слов как предмете исследования в качестве формального основания выделения в китайском языке частей речи

Другим важным предметом рассмотрения в связи с проблемой формального обоснования факта существования в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов явился характер употребления тех или иных лексико семантических категорий слов в функции различных членов предложения

Как отмечалось выше, основателем этого направления исследования явился Ли Цзиньси, представивший в своем сочинении концепцию китайской грамматики, последовательно воплотившей наиболее существенные черты европейской грамматической теории определенное понимание соотношения между центральными грамматическими понятиями – частями речи и членами предложения[4]

Основная проблемная коллизия, возникающая в связи с применением членопредложенческого критерия в качестве формального основания выделения частей речи, состоит в существовании в китайском языке широко распространенного явления асимметрии[5] между языковыми значениями лексико-семантического и функционально синтаксического планов, например – употребления слов со значением действия или качества в функционально-синтаксическом значении предметности, и напротив, слов в значении предметности в функционально-синтаксическом значении действия или качества, и ряд других проявлений означенной асимметрии (далее Асимметрия-ЛФ)

Ср , например ***weida-de*** *Zhongguo* 'великий Китай' и *Zhongguo-de* ***weida*** величие Китая', ***jiejue*** *wenti* 'решить вопрос' и *wenti-de* ***jiejue*** 'решение вопроса', ***hong*** *hua* 'красные цветы' и ***hong*** *shi yizhong yanse* 'красное – это разновидность цвета', *ba* ***ju*** *nalai* 'принести пилу' и ***ju*** *mutou* 'распилить дерево', ***piaoliang*** *nuhaizi* 'красивая девочка' и *ai* ***piaoling*** 'любить красивое'

Известное в китаеведении со времен Г Габеленца (см [Драгунов 1952 19–20]), явление Асимметрия-ЛФ в современном китаеведении получило достаточно полное описание (см в этой связи раздел "Функциональные классы слов [Коротков 1968], основанный на обобщении разысканий китайских ученых по указанной проблеме)

Однако объяснение этого явления остается своего рода камнем преткновения на пути решения задачи формального обоснования существования в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов

Ли Цзиньси объясняет явление Асимметрии-ЛФ, исходя из четко осознанной им европейской грамматической теории, устанавливающей фундаментальное соответствие между частями речи и членами предложения члены предложения базируются на реляционных значениях определенных частей речи, части речи употребляются в функции определенных членов предложения

Исходным пунктом грамматического построения Ли Цзиньси явилось деление лексического корпуса китайского языка на три основные лексико-семантические категории, каждой из которых придается статус определенной части речи 1) слова,

---

[4] Характер этого соотношения весьма четко эксплицирует следующее утверждение В Г Гака Между частями речи и членами предложения существует фундаментальное соответствие каждая часть речи в качестве первичной функции играет роль определенного члена предложения и, наоборот каждый член предложения выражается прежде всего определенной частью речи Существительное, таким образом, играет в первую очередь роль подлежащего, субстантивного обстоятельства, личная форма глагола – сказуемого, прилагательное – определения наречие – обстоятельства образа действия [Гак 1983 79] Эта же основная идея – в формулировке Ли Цзиньси структурные части предложения (т е члены предложения) находятся в фундаментальном соответствии с частями речи (*shi gen ge lei de cir jiben-de fuing de*)([Ли Цзиньси 1955 28]

[5] В работах китайских авторов данное явление характеризуется как противоречие между значением слова и значением члена предложения' (*ciyi he juzi chengfen de maodun*), или как различие типов значений (*yilei*) и типов употреблений (*yonglei*) Термин асимметрия" представляется предпочтительным, поскольку имплицитно в нем заложена реально оправданная идея возможной симметрии значений обоих планов

обозначающие предметы (*shiici*) – существительные (*mingci*), местоимения (*daici*), 2) слова, обозначающие действия (*zuoyong*) – глаголы, или предикативы (*shushuoci*), 3) слова, обозначающие признаки (*qubiеci*) – прилагательные или наречия

Явление А с и м м е т р и я - Л Ф, сопутствующее употреблению в речи установленных на той или иной лексико-семантической основе частей речи, Ли Цзиньси объясняет посредством процедуры м е ж ч а с т е р е ч н о й т р а н с п о з и ц и и, или п е р е х о д а о д н о й ч а с т и р е ч и в д р у г у ю – в целях установления требуемого исходной теорией равновесия между частями речи и членами предложения и нахождения на этой основе того единства лексического значения и функции, которое, по Ли Цзиньси, составляет сущность содержания частей речи как грамматических категорий (см выше – 'кредо Ли Цзиньси ', с 50)

Так, например, адъективное (приименное) определение, по Ли Цзиньси, грамматически восходит к значению прилагательного как части речи Отсюда такие части речи, как существительное (местоимение), глагол, функционируя в качестве определения, преобразуются (*zhuan*) в прилагательные Исключение составляют притяжательные определения Адвербиальное определение, по Ли Цзиньси, имеет своей лексико-семантической базой наречие Отсюда глагол в функции приглагольного определения преобразуется в наречие, существительное для реализации этой функции требует обязательного соединения с предлогом отглагольной этимологии Подлежащее, согласно Ли Цзиньси, имеет своей грамматической основой субстантив, а сказуемое – глагол Тем самым глагол, реализуя функцию подлежащего, играет роль заместителя субстантива (*dang shiici*), прилагательное в функции сказуемого уподобляется глаголу, связочный элемент *shi* рассматривается как глагол В русле того же понимания соотношения частей речи и членов предложения трактуется и грамматическая роль служебных элементов Так, по Ли Цзиньси, основная грамматическая роль служебного элемента *de* – это роль суффикса прилагательного, будь то исконного или образованного от других частей речи При притяжательном определении *de* рассматривается как предлог Грамматическая роль предлогов отглагольного характера состоит в формировании адвербиального значения существительного Особым считается предлог *ba*, назначение которого состоит в том, чтобы служить средством вынесения дополнения (*binyu tiqian*), а также формант *de* в позиции после глагола

С методикой межчастеречной транспозиции (перехода одной части речи в другую) как способа объяснения явления А с и м м е т р и я Л Ф у Ли Цзиньси тесно свя зано разграничение понятий *benxing* 'основная, исконная природа' и *bianxing* 'измененная природа' слова

В русле подобной логики грамматического анализа получают широкое распрост ранение в литературе термины типа "основная" и "неосновная", "постоянная" и "временная" функции слова, "обычное" и "необычное" употребление, используемые в китаеведении в качестве инструмента объяснения механизма частеречного употреб ления слов

А А Драгунов писал в этой связи следующее "Лексико-грамматические категории, как общие, так и частные, не изолированы друг от друга Как и в других языках, действие или качество в китайском языке могут быть опредмечены и, наоборот, слова с предметным значением представлены как действие или качество Достигается это, как известно, в основном, синтаксическим путем Однако в отличие от многих других языков, в китайском языке мы в этих случаях, как правило, имеем дело не с различными, лишь материально друг с другом совпадающими словами, а с различной функцией – о с н о в н о й и н е о с н о в н о й (выделено нами – *Е Ш*) одного и того же слова, смысловое единство которого прекрасно осознается говорящим" [Драгунов 1952 13, 14]

Приводятся примеры, иллюстрирующие данное положение вещей

(1а) *во дала та* 'я побил его',

(1б) *гейла та идунь хао да* 'задал ему хорошую трепку'

Утверждается, что в примере (1а) слово *да* выступает в своей основной, глагольной, функции, а в (1б) – в неосновной, предметной.

(2а) *бан цяо* 'досчатый мост'; *го цяо*'перейти мост',

(2б) *дибан цяола* 'пол покоробился'; букв. 'смостился'

В примере (2а) *цяо* 'мост' является существительным, выступая в своей основной функции; в (2б) "это же слово оглаголено, выступая не в основном, а в производном значении".

(3а) *мутоу го син ла* 'дерево уже сгнило';

(3б) *мутоу чжоцзы* 'деревянный стол'.

В примере (3а) *мутоу* 'дерево' "по своим лексико-грамматическим свойствам представляет собой существительное", в (3б) "это же слово употреблено в роли прилагательного".

Ван Ли различает постоянную и временную функцию слова Например, *лаі* 'приходить' в функции сказуемого предложения реализует, по его мнению, свою постоянную функцию, в предложении же *Tade laı shı daıa hen gaoxıng* 'Его приход всех обрадовал' реализуется временная функция этого слова, позволяющая говорить о его субстантивации в этом предложении, о временно приобретенном им значении предметности. Поэтому в словаре *laı* 'приходить' может быть помечено как глагол, а не как глагол и существительное Если одно слово имеет две и более постоянные функции, то следует признать, что оно относится к двум и более частям речи [Ван Ли 1955. 77–89].

0.5. Экстраполяция результатов синтаксического анализа, основанного на методике межчастеречной транспозиции, в сферу деления словарного состава китайского языка на части речи привела к представлению о принципиальной возможности вхождения китайского слова в различные части речи. *Yı cı duo leı* (одно слово – много категорий), *jıanleı* (совмещение категорий) – формулы китайских ученых, в концентрированном виде выражающие суть указанного научного представления.

Однако концепция *jıanleı* как способ решения проблемы частей речи в китайском языке не получила в китайском языкознании в 50–60-е гг безусловной поддержки. Ряд ученых увидел в таком решении своего рода свидетельство отсутствия в китайском языке частей речи.

Ведущие китайские ученые Люй Шусян и Чжу Дэси, авторы книги "Yufa xıucı jıanghua" (Лекции по грамматике и стилистике), написанной в период обостренного внимания к проблеме, предостерегали: "Если допустить, что с изменением синтаксической позиции слова в предложении меняется его частеречная принадлежность, то окажется, что почти каждое слово должно относиться к двум, трем частям речи, многие слова – к четырем, пяти категориям; в таком случае деление слов на части речи утратит свое значение и мы естественным образом придем к теории, отказывающей китайскому слову в определенной частеречной принадлежности' {Люй Шусян, Чжу Дэси 1952 14].

При выделении частей речи следует стремиться к тому, чтобы "слова принадлежали к определенному классу, а класс включал бы в себя определенные слова (*cı you dıng leı, leı you dıng cı*). Не должно быть большого количества слов, переходящих из класса в класс (*kua leı*). Большое число слов, входящих в различные классы, может обернуться отсутствием классов" [Люй Шусян 1955. 171].

0.6. На фоне критического отношения к приемам грамматического анализа, восходящим к традиционной теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения, получают развитие иные способы грамматического анализа – исключающие абсолютизацию методики межчастеречной транспозиции.

Так, согласно данным Н.Н. Короткова {Коротков 1968.139–144] по мнению ряда авторов сборника "Грамматика и преподавание грамматики" [Грамматика 1956], слова вербальных или качественных значений, употребляясь в именных синтаксических позициях (в функции подлежащего или дополнения) остаются глаголами или

прилагательными, не субстантивируясь и не переходя тем самым в разряд существительных, как, например, в следующих случаях·

(1А) ***Fenxi*** *shı bıyao-de* (букв 'анализировать есть важный-*de*') 'Анализ необходим'

(1Б) *Women zhongshi* ***fenxi*** (букв 'мы придаем значение анализировать') 'Мы придаем значение анализу'.

(2А) ***Piaoliang*** *shı yınggaı-de* (букв 'красивый есть нужно-*de*') 'Красивое нужно'

(2Б) *Nuhaızi dou xıhuan* ***piaoliang*** (букв. 'девочки все любить красивый') 'Все девочки любят красивое'

В качестве грамматического подтверждения такого рода анализа рассматривается наличие или возможность наличия при словах вербальных или качественных значений диагностических признаков глагола или прилагательного, таких как а) возможность удвоения слова (***Fenxi-fenxi*** *shi bıyao-de* 'Подзаняться анализом необходимо'), б) соединимость с наречием степени, отрицанием (***Quanmian fenxi*** *shı bıyao-de* 'Всесторонне проанализировать необходимо'), в) возможность наличия дополнения (***Fenxi wenti*** *shı bıyao-de* 'Проанализировать вопрос необходимо').

В некоторых статьях указанного сборника функция безусловного субстантиватора приписывается приименному определению (без *de* или с *de*):

Zuopin *fenxı* (букв. 'Произведение анализировать') 'Анализ произведения';

Tade *laı shı daıa gaoxıng* (букв. 'Его приходить заставлять все радоваться') 'Его приход всех обрадовал'.

Руководствуясь указанным критерием, Чжан Шоукан (один из авторов сборника) утверждает, что слово *xınfu* 'счастье, счастливый' в *qıqıu xınfu* 'Молить о счастье' является прилагательным и субстантивируется только при наличии к нему определения в *qıqıuzhe* ***tade*** *xınfu* 'Молиться о его счастье' [Чжан Шоукан 1956. 141]

С приписываемой атрибутивной морфеме *de* грамматической роли субстантиватора не согласен Люй Шусян. Показателен в этом отношении данный им анализ употребления слова *chuban* 'издавать' Ученый пишет· "Если мы возьмем предложение *Zheben shu-de* ***chuban*** *shı you zhongyao yıyı-de* 'Издание этой книги имеет важное значение', мы, конечно, можем сказать, что слово *chuban* здесь обозначает уже не действие, а какое-то дело и поэтому является существительным. Однако если мы всесторонне учтем синтаксические связи слова *chuban*, вывод будет иной. Например, возьмем предложение *Zheben shu-de* ***chichi bu chuban*** *shı you yuanyın-de* 'То, что с изданием этой книги не торопятся (букв. 'медлят и не издают'), имеет свои причины' В этом предложении *chuban* по-прежнему стоит после *Zheben shu-de* 'этой книги', добавилось лишь *chıchı* 'медлить', и *bu* 'не'. Однако, как мне кажется, людей, которые согласятся признать его существительным, будет меньше, чем в первом случае. Но можем ли мы сказать, что эти два *chuban* принадлежат к двум разным частям речи?" [Люй Шусян 1955: 166].

Наличие при словах вербальных или качественных значений тех или иных поясняющих элементов (диагностических признаков глагола и прилагательного) является основанием для отрицания субстантивации этих слов – вопреки употреблению последних в именных синтаксических позициях – и для ряда других ученых, на что было указано выше, см. также [Чжу Дэси 1985: 193–214; Ли Фугань 1985: 37–38]

Категорическое отрицание методики межчастеречной транспозиции и, в частности, идеи субстантивации, независимо от того, имеются или не имеются при словах вербальных или качественных значений диагностические признаки глагола или прилагательного, мы находим у Чжу Дэси. Ученый считает методику грамматического анализа в терминах межчастеречной транспозиции неэффективной как с теоретической, так и с практической точек зрения Справедливо полагая, что теоретически эта методика восходит к теории однозначного соответствия частей речи и членов предложения, Чжу Дэси утверждает· ". .что касается теории выделения частей речи на основании членопредложенческого критерия и теории отсутствия в китайском

языке частей речи, то на первый взгляд эти теории исключают друг друга, на самом же деле – это одно и то же' [Чжу Дэси 1985 221]

И далее 'По моему мнению, анализ в терминах субстантивации (*mingwuhua-de shuofa*) не только теоретически несостоятелен Он не имеет смысла и в практике преподавания грамматики Вместо того, чтобы сначала сказав ученикам, что одни слова являются глаголами, а другие прилагательными, а потом, когда эти слова оказываются в позиции подлежащего или дополнения, говорить, что они превращаются в существительные, не проще ли и понятнее прямо сказать ученикам, что глаголы и прилагательные могут употребляться в функции подлежащего и дополнения" [Чжу Дэси 1985 222–223]

Претворение в жизнь защищаемой Чжу Дэси логики описания материала имеет место, например, у Ван Ли, когда он выделяет три структурных типа предложений в китайском языке (*panduanju* 'предложение-утверждение', *tiaoxieju* 'предложение-описание', *xushuju* 'предложение-сообщение'), в зависимости от того, какой частью речи выражается сказуемое предложения – существительным, прилагательным или глаголом [Ван Ли 1943] Чжан Чжигун дает положительную оценку такого рода описанию, считая что «в этом разделении состоит специфика китайского языка, и нет необходимости говорить о том, что, став сказуемым, прилагательное превратилось в глагол (*tongdongci*), изменив тем самым свою "природу" (*cixing*» [Чжан Чжигун 1982 298]

Тенденция грамматического анализа, исключающая абсолютизацию идеи частеречной транспозиции, представленная Люй Шусяном, Чжу Дэси и другими китайскими учеными, созвучна идеям Лу Чживэя – автора 'Словаря односложных слов пекинского диалекта' [Лу Чживэй 1937] Как отмечает Н Н Коротков, Лу Чживэй полагал, что "во всех случаях, когда какое-либо слово уже доказало в наиболее существенной для него позиции свою принадлежность к определенному классу, оно затем признается принадлежащим к нему и в других позициях, если только изменение позиции не влечет за собой отчетливого изменения его значения Так, например, слова ***цюань*** 'уговаривать' и ***да*** 'бить' в предложениях *Бу тин тады* ***цюань*** 'Не слушайте его **уговоров**' и *Айла идунь* ***да*** 'Получил **взбучку**' представляют пример обычного употребления слов класса 2 (глагола) в функции класса 1 (существительного) и по-прежнему остаются в классе 2 (глагол) [Коротков 1968 161] (выделено нами – *Е Ш*)

Как можно видеть, Лу Чживэй, анализируя употребление слов вербальных значений в именной позиции (в качестве определяемого атрибутивной конструкции), с одной стороны, отказывает ему в переходе в класс существительных, однако, с другой стороны, отмечает функциональное уподобление глагола существительному, что демонстрирует еще один способ грамматического анализа случаев непрототипического употребления определенных категорий слов

В увидевшей свет в 1979 г теоретической работе "Hanyu yufa fenxi wenti" (Проблемы грамматического анализа китайского языка) Люй Шусян продолжает и развивает линию грамматического анализа, исключающую абсолютизацию идеи перехода одной части речи в другую как способа объяснения механизма частеречного употребления слов [Люй Шусян 1979 45–47] Ученый подчеркивает несостоятельность теоретической базы такого рода анализа, ведущего к отождествлению категорий частей речи и членов предложения, и тем самым – к упрощению проблемы

В работе формулируется следующий общий принцип 'если в аналогичных условиях все слова данной категории могут употребляться соответствующим образом, то не следует считать, что имеет место переход (*zhuanbian*) одной части речи в другую Если же не все слова данной категории могут так употребляться, определяясь традицией, то в таких случаях имеет место переход одной части речи в другую"

Отсюда

Допускается употребление той или иной части речи в атипических синтаксических позициях, не приводящее к ее переходу в другую часть речи – при условии, если

такое употребление является обычным для всех слов данной категории, такое употребление может быть включено в число возможных функций слов данной категории

Так, например, главная функция существительного – быть подлежащим предложения и дополнением глагола, однако оно может быть определением существительного, не превращаясь тем самым в прилагательное Точно так же прилагательное, определяя глагол, не превращается в наречие

Аналогичным образом, по мнению Люй Шусяна, обстоит дело в случаях типа *xiu **jiu** li **fei** jiao **jiu** lin **xin*** (букв 'привести в порядок старый, утилизировать ненужный, отдать старый, получить новый') 'Привести в порядок старое, утилизировать не нужное – (это значит) отдать старое, получить новое', где Люй Шусян видит употребление прилагательного в функции объектного дополнения, что, по мнению ученого, является обычным для прилагательного, в следствие чего здесь не следует говорить о переходе прилагательного в существительное

Допускается временное, живое (*linshi huoyong*) употребление отдельных слов данной категории в атипической позиции Приводится в этой связи следующий пример *Wo **wu hao** dou **haole** si **hao** le jiu zhe **yi hao** wo jiu **haobushang** le* (букв 'я пять хороший четыре успешный *le*, так разве этот один хороший я не получить результат') 'Из пяти хороших (дел) я уже добился успеха в четырех, так неужели с этим одним я не справлюсь?'

Интересно, что временное, живое употребление прилагательного *hao* 'хороший' (в качестве глагола) Люй Шусян видит во входящих в данное предложение конструкциях ***haole*** 'иметь успех, добиться результата', *haobushang* 'не добиться успеха, результата', что же касается конструкции *wu **hao*** 'пять хороших (дел)', *si **hao*** 'четыре хороших (дела)', *yi **hao*** 'одно хорошее (дело)', то здесь, по его мнению, имеет место обычное употребление прилагательного в функции определяемого атрибутивной конструкции, т е – употребление по первой из отмеченных моделей, не предполагающих переход слова из класса в класс

Подчеркивается различие между случаями употребления одной части речи в функции другой части речи, при которых а) исходная часть речи переходит в иную часть речи или же б) сохраняет свою категориальную принадлежность Считается, например, что в сочетании *ai **piping*** 'подвергаться критике' глагол ***piping*** 'критиковать' лишь употребляется в функции существительного (*dongci mingyong*), оставаясь по существу глаголом, в сочетании же *wenyi **piping*** 'литературная критика' *piping* является настоящим существительным (*zhengshi-de mingci*)

Итак, направление грамматического анализа синтаксического материала, развиваемое в работах Люй Шусяна, Чжу Дэси, Лу Чживэя по ряду существенных параметров представляет альтернативу направлению Ли Цзиньси Суть этой альтернативы – в попытке выйти за рамки традиционной трактовки соотношения частей речи и членов предложения как теоретического фундамента грамматического анализа

Так, если направление Ли Цзиньси, следуя, за небольшими исключениями, этой теории безусловно и последовательно (отсюда методика межчастеречной транспозиции как способ объяснения явления А с и м м е т р и и - Л Ф), экстраполирует возможность отнесения одного и того же слова к различным частям речи (принцип *j i a n l e i* 'совмещение категорий'), то направление Люй Шусяна, Чжу Дэси, стремясь развести категории частей речи и членов предложения, отрицает безусловную эффективность методики межчастеречной транспозиции (соотв принципа *j i a n l e i*) как способа решения проблемы, допуская возможность употребления одной и той же части речи в функции различных членов предложения безотносительно к процессу перехода одной части речи в другую Представляет ли этот подход четкие критерии для разделения лексического корпуса китайского языка на лексико-грамматические классы, или части речи? Вопрос остается открытым

0.7. Вернемся к поставленной в ходе дискуссии о частях речи задаче ф о р м а л ь н о г о о б о с н о в а н и я факта существования в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов

Оценивая эффективность предложенных решений, нужно сказать, что при всех различиях в способах анализа языкового материала, представленных в альтернативных направлениях, объективно их результаты в плане экстраполяции данных анализа в сферу деления лексического состава китайского языка на части речи остаются общими достоверных формальных оснований для разграничения частей речи они не предоставляют Фактически те или иные лексико-семантические понятия как исходные категории грамматического анализа остаются в сфере лексической семантики, не обретая статуса инвариантных грамматических категорий

Так, Ли Цзиньси, представитель первого из отмеченных направлений грамматического анализа, в качестве исходной точки анализа принимает, как мы видели выше, определенные лексико-семантические категории (предмет, действие, качество), которым априори, уже на досинтаксическом уровне придается статус грамматических классов, или частей речи, хотя сами по себе эти категории слов не снабжены какой-либо формально-грамматической информацией Вся конструкция дальнейших умозаключений о взаимопереходах одних частей речи в другие в зависимости от характера выполняемой синтаксической функции не выходит за рамки этого первоначального чисто семантического определения частей речи, не приводя к их единому формальному обоснованию, напротив – к формальному распаду, разведению по различным структурно-семантическим позициям исходных семантически единых сущностей По существу, этот факт (факт формального распада исходных лексико семантических категорий) признает и сам Ли Цзиньси, апеллируя к понятиям *benxing* (исконная природа), и *bianxing* (измененная природа), в целях объяснения механизма частеречного употребления слова в китайском языке Иными словами категории лексико-семантического порядка, априори рассматриваемые как фактор деления лексического корпуса китайского языка на классы, именуемые частями речи, не есть те лексические инварианты, которые сохраняют свою сущность в различных структурно функциональных позициях и что могло бы явиться основанием оценки этих категорий как категорий лексико-грамматических Именно формальный распад исходных лексико-семантических категорий (предмета, действия, качества), сопровождающий их функционирование в речи, является основанием категорического отрицания методики межчастеречной транспозиции и в частности – субстантивации в работах Чжу Дэси, наиболее убежденного сторонника альтернативного подхода [Чжу Дэси 1985]

Однако в альтернативном направлении обнаруживает себя другое препятствие на пути формального обоснования факта существования в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов В самом деле, допуская возможность выражения функционально-синтаксических значений именного типа (подлежащие, дополнение) словами глагольных или адъективных значений и, наоборот, функционально синтаксических значений вербального или качественного типа (сказуемое, определение) – словами именных значений, не прибегая при этом к процедуре межчастеречной транспозиции, сторонники альтернативного направления снимают тем самым главный вопрос проблемы, касающийся механизма связи частеречных (лексико семантических) и функционально-синтаксических значений С другой стороны, категории, которым в альтернативном анализе придается статус частей речи, остаются в сфере лексической семантики, не формализуясь и не обретая тем самым статус лексико-г р а м м а т и ч е с к и х категорий (частей речи) – в силу отсутствия определенных формальных показателей, дифференцирующих употребление различных лексико-семантических категорий слов в тех или иных функционально-синтаксических позициях

Что же касается апелляции авторами обоих направлений к критериям типа обычное (соотв необычное) употребление", "временное, или живое употребление' в целях объяснения характера частеречного употребления слов, то очевиден неструктурный характер этих критериев, не говоря уже о неизбежной субъективности оценок, сопутствующих их использованию Не вполне ясно, почему, например, в

примерах *si hao* 'четыре хороших (дела)', *wu hao* 'пять хороших (дел)' Люй Шусян видит обычное употребление прилагательного в именной позиции (определяемого атрибутивной конструкции), а в примерах типа *haole* 'иметь успех, добиться результата', *haobushang* 'не добиться успеха, результата' – временное, живое употребление прилагательного (в функции глагола) Недостаточно убедителен также критерий функционального замещения одних категорий слов другими. Почему, например, в *ai piping* 'подвергаться критике' *piping* остается глаголом, лишь употребляясь в функции существительного, а в *wenyi piping* 'литературная критика' *piping* является настоящим существительным?

0.8. Выше речь шла о двух альтернативных подходах к грамматическому анализу языкового материала как основания выделения частей речи китайского языка в качестве лексико-грамматических классов слов

Какое место в ряду указанных подходов к проблеме занимает концепция Гао Минкая – ученого, отрицающего, как отмечалось выше (см с 49–50) наличие в китайском языке частей речи

Главное, что характеризует подход к проблеме частей речи Гао Минкая – это прямая апелляция к свойственному китайскому языку явлению асимметрии между лексико-семантическими и функционально-синтаксическими категориями Сам факт присутствия в языке этого феномена является для Гао Минкая основанием для утверждения об отсутствии в китайском языке частей речи Ученый пишет "Если мы говорим, что некоторое слово имеет или не имеет частеречную принадлежность, то тем самым мы отвечаем на вопрос, имеет или не имеет это слово в предложении о п р е д е л е н н у ю (выделено нами – *Е Ш*) сферу обозначения – обозначает ли оно только предмет, только качество или только действие Если это так, тогда мы говорим, что это слово является или существительным, или прилагательным, или глаголом, если же какое-либо слово в зависимости от условий может обозначать и предмет, и действие, и качество, то оно не имеет определенной частеречной принадлежности" [Гао Минкай 1957 81]

Однако, отрицая существование в китайском языке частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий, Гао Минкай вместе с тем оперирует понятием "функция части речи" (*cilei gongneng*), основанным на представлении об обязательном выражении в предложении понимаемых в универсально-логическом смысле категорий типа "предмет", "действие ', "качество" Соответственно в своем грамматическом анализе Гао Минкай говорит о той или иной 'функции части речи", не прибегая к методике межчастеречной транспозиции [Гао Минкай 1957 81–84] Например, анализируя предложения *Hua shi* ***hong-de*** 'Цветы красные', *Zhe duo hua jianjian* ***hongle*** 'Этот цветок постепенно покраснел', ***Hong*** *shi yizhong yanse* 'Красный – это определенный цвет', Гао Минкай утверждает, что здесь мы имеем употребление одного и того же слова *hong* 'красный', не имеющего определенной частеречной принадлежности, в функции различных частей речи – прилагательного, глагола, существительного соответственно

Однако сама трактовка понятия "функция части речи", определение частеречной функции слова в том или ином конкретном случае не выходит у Гао Минкая за рамки традиционной теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения

Например, любое слово в атрибутивной позиции Гао Минкай трактует как употребление в функции прилагательного, а употребление слова в функции сказуемого – как употребление в функции глагола, т е предлагается грамматический анализ, который объективно, с поправкой на различия в терминологии и в характере объяснения механизмов словоупотребления, воспроизводит анализ Ли Цзиньси[6] Таким об-

---

[6] Известную идентичность конкретных грамматических решений Гао Минкая и Ли Цзиньси отмечает Чжу Дэси [Чжу Дэси 1985 220]

разом, утверждая отсутствие в китайском языке частей речи, Гао Минкай практически строит грамматическое описание как описание функционирования частей речи, восходящее к традиционной грамматической теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения Нужно сказать, что сам Гао Минкай прекрасно осознавал ограниченность своего творческого метода В предисловии к своей книге [Гао Минкай 1957] ученый пишет "Поскольку, как я считаю, в китайском языке нет возможности и необходимости деления слов на части речи, то встает вопрос о том, как в таком случае организована его грамматическая система По этому вопросу в книге не предлагается окончательного решения С одной стороны, потому, что трудно сразу отказаться от старых представлений и написать все заново, с другой – потому что выстроить новую грамматическую систему, отвечающую закономерностям китайского языка, значительно труднее, чем копировать грамматические системы европейских языков – это не та задача, которая может быть решена в одночасье и не под силу одному человеку"

0.9 Современные грамматические представления китайских ученых характеризуются признанием факта существования частей речи в китайском языке с сопутствующим ему явлением *jianlei* 'совмещение категорий' или *huoyong* 'живое употребление'

Считается, что "существительное, глагол, прилагательное могут быть выделены и разграничены, однако по причине того, что китайский язык не есть язык с развитой морфологией слова, граница между этими частями речи не может быть четко установлена, случаи взаимопроникновения весьма часты' [Чжан Чжигун 1982 16] "Явление *jianlei* 'совмещение категорий' весьма распространено, в этом одна из особенностей китайской грамматики" [Лю Юэхуа и др 1983 4]

Как можно видеть, в споре идей и подходов восторжествовал прагматический, компромиссный взгляд на вещи, восходящий к направлению Ли Цзиньси, основанному на анализе китайского материала с позиций европейской теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения и вытекающей из нее методики межчастеречной транспозиции

Научный поиск продолжается в направлении уточнения понятия *jianlei*, характеристике сопутствующих ему смежных явлений, разграничением явлений *jianlei* 'совмещение категорий' и *huoyong* 'живое употребление' и др [Ху Юйшу 1981 331–334, У Чжанькунь 1985 343–349, Ли Фуцянь 1985 35–41, Чжан Чжигун 1982 246–253, Лу Цзяньмин 1994, Курдюмов 1999 127–138, Ивченко 2000 64–71]

Отметим некоторые суждения, высказанные по проблеме частей речи в китайском языке в новейших исследованиях российских ученых Г В Ивченко и В А Курдюмова

Работа Г В Ивченко, касающаяся проблемы *huoyong/jianlei* 'живое употребление/совмещение категорий' в древнекитайском языке, интересна постановкой вопроса о семантическом механизме, стоящем за таким характерным для древнекитайского языка явлением, как использование одних частей речи в значении других, "переходе' одной части речи в другую [Ивченко 2000 67] Автор характеризует искомый семантический механизм посредством понятия "семантическая деривация' Последняя предполагает превращение глагольной лексемы в название, имя ситуации или в имя одного из участников ситуации, глагольное употребление именной лексемы "задействует обратный механизм семантического преобразования, а именно от имени участника ситуации к самой ситуации" [Там же 69] Автор подчеркивает, что "Статистический критерий отграничения случаев *huoyong* 'свободное, живое употребление' от случаев *jianlei* 'совмещение категорий' не выдерживает никакой критики, ибо позволяет описать лишь регулярность/нерегулярность узуса и не затрагивает сущность самого явления" [Там же 70]

В А Курдюмов определяет части речи как морфологические категории слов (выделено нами – *Е Ш*), характеризующиеся свободой синтаксического употребления Ученый пишет "для того, чтобы изменить принадлежность **любого** ки-

тайского слова к той или иной части речи, достаточно поместить его в другую синтаксическую позицию не меняя его самого' «Слово **подвижно Оно путешествует** В конечном итоге "морфологическая" (т е частеречная – *Е Ш*) принадлежность слова определяется его употреблением, синтаксической позицией» [Курдюмов 1999 128, 132]

Таким образом, предметом внимания обоих авторов, взгляды которых излагались выше, является феномен частеречной мобильности китайского слова, трактуемый как процесс перехода одной части речи в другую Определяющее начало этого процесса Г В Ивченко видит в семантической деривации как глубинном семантическом механизме, лежащем в основе явления В А Курдюмов основу основ видит в синтаксической позиции

Остается еще раз в этой связи задаться вопросами

Делится или нет лексический корпус китайского языка на части речи как лексико-грамматические классы слов?

Или же части речи это собственно синтаксический факт, как это можно понять из утверждений В А Курдюмова?

О чем говорит присущая китайскому слову свобода синтаксического употребления?

Почему этот языковой факт свидетельствует об особой морфологии слова как полагает В А Курдюмов, а не об отсутствии в китайском языке лексико-грамматических классов слов (частей речи), как это полагал китайский ученый Гао Минкай "Если же все слова способны в любой момент переходить из класса в класс, то что остается от понятия класса?" – писал французский ученый А Масперо, предвосхищая взгляды Гао Минкая [Maspero 1934 37] (в переводе Н Н Короткова [Коротков 1968 199]) Вспомним также о сомнениях на этот счет, высказанных в свое время китайскими учеными Люй Шусяном и Чжу Дэси (см выше, с 53)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметное обсуждение проблемы частей речи, имевшее место в китайском языкознании в пятидесятых и последующих годах минувшего столетия, ставило своей целью доказать факт существования в китайском языке частей речи как лексико-грамматических (формально обоснованных) классов слов

Ориентация на формально-грамматические критерии функционально-синтаксического порядка (особенности синтаксической сочетаемости и функционирования слов), анализ соответствующего материала с позиций традиционной грамматической теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения, обнаружили значительные сложности грамматического анализа, трудно разрешимые языковые коллизии, широкое расхождение мнений

Вместе с тем, при всех различиях в характере анализа синтаксических структур наблюдаемых в различных подходах, общим остается следующее Экстраполяция данных синтаксического анализа в сферу деления словарного состава китайского языка на лексико-грамматические классы не дает достаточных оснований для оценки принимаемых за исходную точку анализа лексико-семантических категорий типа "предмет", "действие ', "качество ' как противопоставленных друг другу формально грамматических инвариантов, сохраняющих соответствующую общность содержания в различных структурно-функциональных позициях, и тем самым – достаточных оснований, чтобы считать исходные лексико семантические категории сущностями лексико-грамматического порядка, т е частями речи

Принятое в китайском языкознании понятие *jianlei* 'совмещение категорий', восходящее к методике межчастеречной транспозиции (переход одной части речи в другую) в качестве способа объяснения грамматического механизма словоупотребления в китайском языке и призванное утвердить представление о существовании в китайском языке частей речи как лексико-грамматических классов слов, носит компромиссный характер, по существу не снимая всей той проблематики, которая дает

основание ряду китайских и европейских синологов отказывать китайскому языку в существовании в нем частей речи

Функциональная мобильность китайского слова, асимметрия языковых значений лексико-семантического и функционально-синтаксического планов, сопутствующая употреблению слова – вот тот непреложный эмпирический факт, который выявлен в процессе исследования проблемы и который еще ждет своего объяснения

В общелингвистическом плане опыт предметного обсуждения проблемы частей речи в китаеведении интересен прежде всего с точки зрения оценки эффективности функционально-синтаксического критерия как формального основания выделения частей речи в языках со слабо развитой морфологией.

Верно ли, как это утверждается в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", что части речи имеются во всех языках и что "наличие категориальных значений и определенных функций вполне обеспечивает существование функционально-семантических разрядов в языке"?

Сохраняют ли части речи различных языков универсальность своего значения, как это считают многие ученые? (См Введение)

Анализ результатов обсуждения проблемы частей речи в китаеведении не дает безусловного подтверждения указанных научных гипотез

Сущность лингвистического понятия "части речи" остается открытой проблемой языкознания, что не снимает, разумеется, всей той важности и значительности работы, проделанной в направлении ее решения

П е р с п е к т и в а научного поиска в данной области научного знания, по мнению автора, состоит в нахождении путей системного исследования соотношения между лексико-семантическим и функционально-синтаксическим планами языкового значения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Ли 1943 – *Wang Li* Zhongguo xiandai yufa (Грамматика современного китайского языка) Шанхай, 1943

Ван Ли 1944 – *Wang Li* Zhongguo yufa lilun (Теория китайской грамматики) Шанхай, 1944

Ван Ли 1946 – *Wang Li* Zhongguo yufa gangyao (Основы китайской грамматики) Пекин, 1946

Ван Ли 1956 – *Wang Li* Guanyu cilei-de huafen (О разграничении частей речи) // Yufa he yufa jiaoxue (Грамматика и преподавание грамматики) Пекин, 1956

Вэнь Лянь, Ху Фу 1955 – *Wen Lian, Hu Fu* Tan ci-de fenlei (О выделении частей речи) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин, 1955

Гак 1983 – *В Г Гак* Сравнительная грамматика французского и русского языков М , 1983

Гао Минкай 1948, 1957 – *Gao Mingkai* Hanyu yufa lun (Теория китайской грамматики) Шанхай 1948, Пекин, 1957

Гао Минкай 1953 – *Gao Mingkai* Guanyu hanyu-de cilei fenbie (О выделении частей речи в китайском языке) // Zhongguo yuwen 1953 № 10

Гао Минкай 1955 – *Gao Mingkai* Zai lun hanyu-de cilei fenbie (Еще раз о выделении частей речи в китайском языке) // Hanyu de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин, 1955

Гао Минкай 1957 – *Gao Mingkai* Yufa fanchou (Грамматические категории) // Yufa lunji (Проблемы грамматики) Вып 2 Шанхай, 1957

Грамматика 1956 – Yufa he yufa jiaoxue (Грамматика и преподавание грамматики) Пекин, 1956

Десницкая 1991 – *А В Десницкая* О В М Жирмунском – языковеде (К столетию со дня рождения) // ВЯ 1991 № 6

Драгунов 1952 – *А А Драгунов* Исследования по грамматике современного китайского языка М , Л , 1952

Живов 1990 – *В М Живов* Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь М , 1990

Жирмунский 1968 – *В М Жирмунский* О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи На материале языков различных типов Л , 1968

Ивченко 2000 – *Т В Ивченко* Проблемы *huoyong / jianlei* в текстах на древнекитайском языке // Китайское языкознание Изолирующие языки X Международная конференция М , 2000
Конрад 1952 – *Н И Конрад* О китайском языке // ВЯ 1952 № 3
Коротков 1946а – *Н Н Коротков* Проблемы частей речи и генезис наречий с суффиксом - жань в китайском языке // Труды Московского института востоковедения Вып 3 М , 1946
Коротков 1946б – *Н Н Коротков* Стадиальность развития предложения и пути выделения глагола в китайском языке Дис канд филол наук М , 1946
Коротков 1968 – *Н Н Коротков* Основные особенности морфологического строя китайского языка М , 1968
Курдюмов 1999 – *В А Курдюмов* Идея и форма Основы предикативной концепции языка М , 1999
Ли Цзиньси 1924 – *Li Jinxi* Xin zhu guoyu wenfa (Новая грамматика китайского национального языка) Шанхай, 1924
Ли Цзиньси 1955 – *Li Jinxi* Zhongguo yufa zhong-de 'cifa yantao (О морфологии ' в китайской грамматике) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин, 1955
Ли Цзяньмин 1994 – *Li Jianming* Guanyu ci-de jianlei wenti (Относительно проблемы jianlei) // Zhongguo yuwen 1994 № 1
Ли Фуцянь 1985 – *Li Fuqian* Xiandai hanyu yufa (Грамматика современного китайского языка) Пекин, 1985
Лу Чживэи 1937 – *Lu Zhuwei* Beijinghua danyingci cihui (Словарь односложных слов пекинского диалекта) Пекин, 1937
Лю Юэхуа и др 1985 – *Liu Yuehua deng* Shiyong xiandai hanyu yufa (Практическая грамматика современного китайского языка) Пекин, 1985
Люй Шусян 1942 – *Lu Shuxiang* Zhongguo wenfa yaolue (Очерк грамматики китайского языка) Шанхай, 1942
Люй Шусян 1955 – *Lu Shuxiang* Cuanyu hanyu cilei-de yixie yuanzexing wenti (О некоторых принципиальных вопросах частей речи в китайском языке) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин, 1955
Люй Шусян, Чжу Дэси 1951–1952 – *Lu Shuxiang Zhu Dexi* Yufa xiuci jianghua (Лекции по грамматике и стилистике) Пекин, Шанхай, 1951–1952
Люй Шусян 1979 – *Lu Shuxiang* Hanyu yufa fenxi wenti (Проблемы грамматического анализа китайского языка) Пекин, 1979
Ма Цзяньчжун 1898 – *Ma shi wentong* (Объяснение письменного языка господином Ма) 1898
Мудров 1955 – *Б Г Мудров* Mudeluofu Hanyu shi you cilei-de fenbie-de (В китайском языке есть части речи) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин 1955
Ошанин 1947 – *И М Ошанин* О частях речи в китайском языке // Труды ВИИЯ 1947 № 3
Ошанин 1948 – *И М Ошанин*. Слово и части речи в китайском языке (Опыт периодизации ис тории китайского языка) Дис докт филол наук М , 1948
Проблемы 1940 – Zhongguo wenfa gexin taolunji (Проблемы обновления грамматического учения о китайском языке) Пекин, 1940
Серебренников 1990 – *Б А Серебренников* Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь М , 1990
Солнцев 1955 – *В М Солнцев* Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая // ВЯ 1955 № 6
Солнцев 1956 – *В М Солнцев* Проблема частей речи в китайском языке // ВЯ 1956 № 5
Солнцева, Солнцев 1986 – *Н В Солнцева, В М Солнцев* Частеречный синтаксис и китайский язык // III конференция по китайскому языкознанию М , 1986
У Чжанькунь 1985 – *Wu Zhankun* Xiandai hanyu (Современный китайский язык) Hebei renmin chubanshe, 1985
Ху Юйшу 1981 – *Hu Yushu* Xiandai hanyu (Современный китайский язык) Шанхай, 1981
Цао Бохань 1955а – *Cao Bohan* Guanyu ci-de xingtai he cilei-de yijian (Форма слова и части речи) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин, 1955
Цао Бохань 1955б – *Cao Bohan* Hanyu-de cilei fenbie wenti (Проблема выделения частей речи в китайском языке) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частей речи в китайском языке) Пекин 1955
Чжан Чжигун 1953 – *Zhang Zhigong* Hanyu yufa changshi (Введение в грамматику китайского языка) Шанхай, 1953

Чжан Чжигун 1982 – *Zhang Zhigong* Xiandai hanyu (Современный китайский язык) Т 2 Пекин, 1982

Чжан Шоукан 1956 – *Zhang Shoukang* Mingci dongci he xingrongchi (Существительное, глагол и прилагательное) Yufa he yufa jiaoxue (Грамматика и преподавание грамматики) Пекин 1956

Чжу Дэси 1985 – *Zhu Dexi* Guanyu dongci xingrongci 'mingwuhua -de wenti (Относительно проблемы субстантивации глагола и прилагательного) (1961 г) // Xiandai hanyu yufa yanjiu (Исследования по грамматике современного китайского языка) Пекин, 1985

Чэнь Найфань 1955 – *Chen Naifan* Hanyu-li meiyou cilei fenbie ma? (В китайском языке нет частей речи?) // Hanyu-de cilei wenti (Проблема частеи речи в китайском языке) Пекин, 1955

Gabelentz G v d 1881 – *G Gabelentz* Chinesishe Grammatic mit Ausschluss des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache Leipzig, 1881

Karlgren 1949 – *B Karlgren* The Chinese language New York 1949

Maspero 1934 – *H Maspero* La langue Chinoise // Conferences de l Institute de linguistique de L Universite de Paris, Anne 1933 Paris, 1934

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

© 2003 г В. С. ПАНФИЛОВ

ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ ПОДХОД К ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Объяснить же то, что можно объяснить, и не будем кичиться, что дали объяснение всему

Э Кондильяк 'Логика, или начала искусства мыслить

Под грамматическими классами слов имеются в виду группировки, более привычно, хотя и менее корректно, именуемые частями речи Далее выражения "грамматический класс" и "часть речи" употребляются как синонимы

Грамматические классы представляют собой результат классификации слов по грамматическим – морфологическим и / или синтаксическим – признакам Морфологические признаки не могут претендовать на типологическую всеобщность в силу того, что существуют языки, лишенные словоизменительной морфологии, к числу которых, если отвлечься от единичных агглютинативных аффиксов, принадлежит, в частности, китайский язык, представляющий тем самым благодатный объект для выделения частей речи на последовательно синтаксической основе

Одна из существенных особенностей естественного языка состоит в том, что его знаки обязательно включают синтактику, т е заданные конкретным языком бо лее или менее произвольные, особенности комбинаторики [Мельчук 1997 121] Выделение грамматических классов слов на синтаксической основе предполагает, что слова (знаки) естественного языка различаются по синтактике, и эти различия могут быть установлены Соответственно отрицание частей речи в каком-либо естественном языке означало бы, что данный язык лишен синтактики, что неприемлемо по определению

Синтаксический подход к выделению частей речи сводится к выяснению следующих, в какой-то мере взаимосвязанных, вопросов какие слова может подчинять исследуемое слово (комбинаторный подход), каким словам может подчиняться, или в каких функциях может выступать исследуемое слово (функциональный подход) Комбинаторный и функциональный подходы представляют собой принципиально один и тот же тип анализа, различаясь лишь направлением в первом случае мы подходим к вопросу с позиций господствующего слова, во втором – с позиций зависимого слова Классификация, в принципе, может ориентироваться либо на один из названных подходов, либо на оба одновременно

Одновременный учет комбинаторного и функционального аспектов представлен в известной классификации А А Драгунова в китайском языке предикатив (глагол, прилагательное) может непосредственно сочетаться с отрицаниями и наречиями (т е подчинять отрицания и наречия – *В П*), а также выступать в функции сказуемого без связки (при условии, что понятие функции, т е зависимого элемента, приложимо к сказуемому – *В П*), имя этими особенностями не обладает [Драгунов 1952 11–12]

Насколько нам известно, на китайском материале не существует последовательно комбинаторных классификаций, однако суть такого подхода нетрудно проиллюстрировать исследованиями типологически близкого вьетнамского языка. В работе Ле Ван Ли имена и предикативы вьетнамского языка разграничиваются по способности сочетаться с так называемыми словами-свидетелями [Lê Văn Ly 1948: 164–165]. Более убедительно это представлено в классификациях, продолжающих традицию Ле Ван Ли, но вместе с тем упрощающих его весьма громоздкие списки слов-свидетелей, ограничивая их показателями частных грамматических категорий и некоторыми разрядами полуслужебных слов [Martini 1959: 186, 190; Honey 1956: 537–539].

Относительно комбинаторных признаков, например тех, которые представлены в классификации А.А. Драгунова, не может не возникнуть вопрос, каким образом некоторые грамматические классы, в частности, отрицания и наречия, оказываются идентифицированы как бы "изначально", собственно говоря, еще до начала классификации как таковой. Можно пойти даже несколько дальше и заявить, что если идентификация отрицаний и наречий является в некотором роде самоочевидной, то не является ли еще более самоочевидной идентификация имен и предикативов. Кроме того, даже если как-то избежать этих трудностей, что, в принципе, возможно (см. ниже), комбинаторный подход способен охватить лишь ограниченную часть лексики, ибо только знаменательные слова (по преимуществу) могут подчинять другие слова.

Последовательно функциональный подход можно проиллюстрировать работами, выполненными на материале кхмерского и вьетнамского языков [Горгониев 1966: 100–116; Панфилов 1990: 74–89; 1993: 92–105]. Данный подход предполагает классификацию слов по их способностям выступать в тех или иных синтаксических функциях. Следует только оговорить, что признаком части речи является именно полный набор возможных синтаксических функций, а не функция слова в некотором конкретном примере [Яхонтов 1965: 25].

В работе Ю.А. Горгониева понятие функции как и сама традиционная номенклатура синтаксических функций (подлежащее, дополнение, определение и т.д.) принимаются без обсуждения, а способность слова выступать в той или иной функции оценивается с опорой на интуитивную статистику по трехступенчатой шкале нормально/редко/только при определенных условиях [Горгониев 1966: 107]. В работах, выполненных на вьетнамском материале, помимо обсуждения вопроса о синтаксических функциях, отражающих отношения между знаменательными словами, вводится и специально обсуждается понятие квазисинтаксических функций, предназначенных для анализа отношений между служебными и знаменательными словами, а также между служебными словами и предложением как единым целым. Нельзя, однако, не признать, что даже применительно к сочетаниям знаменательных слов между собой понятие функции едва ли разработано должным образом. Достаточно сослаться на разногласия, связанные с синтаксическим анализом китайских примеров типа *wǒ yǒu shu* "У меня есть книга", *xià yǔ le* "Пошел дождь", *wǒ jiào nǐ gongzuò* "Я заставляю тебя работать". Тем более актуальным представляется это замечание применительно к сочетаниям служебных слов со знаменательными или с целыми предложениями. Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в уточнении синтаксически релевантного понятия функции [Панфилов 1993: 58–67], логически безупречный результат последовательно функциональной классификации в настоящее время может быть достигнут лишь за счет замалчивания некоторых неудобных фактов.

Настоящая статья ставит своей целью не получение принципиально новых результатов, но лишь более строгое обоснование самих выводов, в связи с чем и предпринимается попытка построения формализованной системы частей речи китайского языка. Формализованная теория есть способ организации теоретического знания, предполагающий:

1. Выделение "самоочевидных" сущностей, доступных непосредственному усмотрению с исчерпывающей ясностью и полнотой [Смирнов 1995: 57];

2. Введение в теорию любой сущности, не являющейся предметом непосредственного созерцания, лишь на основе соотношения, связывающего ее с некоторой самоочевидной сущностью [Там же].

Таким образом классификация строится в виде ряда последовательных шагов, так что общая ее эффективность обусловливается не только внутренней убедительностью каждого шага, но и убедительностью каждого перехода.

Первый шаг. Выделяются имена и предикативы с помощью предложенных Чжао Юаньжэнем диагностических конструкций: имя – это слово, которое способно заполнить пробел в конструкции *zhè shì*... "Это – ....", предикатив – это слово, способное заполнить пробел в конструкции *bù/méi*... "не..." [Yuen Ren Chao 1968: 161, 163]. В этих определениях явно чувствуется влияние А.А. Драгунова, чего не скрывает и сам автор, однако для наших целей существенно, что эти определения, которые уместно назвать операционально-остенсивными, или операциональными, предельно приближенными к остенсивным, содержат прямое указание на исследуемый объект, минуя термины "отрицание", "наречие", "сказуемое" и т. п.

Рассмотрим некоторые следствия из принятых определений. Самое основное – ясным, не оставляющим сомнений способом выделены две грамматические группировки – имя и предикатив, так что дальнейшая классификация может проводиться с опорой на эти понятия к а к и з в е с т н ы е.

К числу имен будут причислены личные местоимения и их заместители (*nǐ* "ты", *shuí* "кто"), а также двусложные слова со значением места (*shàngmian* "верх", *lǐmiàn* "внутренняя часть"), тогда как их односложные синонимы (*shàng* "наверху", *lǐ* "внутри") окажутся вне класса имен, что в более привычной терминологии соответствует разграничению двусложных и односложных послелогов [Тяпкина 1957: 49–53].

Лексемы типа *tǎolùn* "обсуждать/обсуждение", *tánhuà* "беседовать/беседа" обладают как признаками имен, так и признаками предикативов, одинаково легко допуская употребление в каждой из диагностических конструкций. Выделение этих слов в самостоятельный "смешанный" класс "имя-предикатив" или их распределение по двум классам как грамматических омонимов есть вопрос, выходящий за рамки формализованного подхода как такового. Предпочтение, которое мы отдаем первому варианту, следует рассматривать как условность, не исключающую других решений (см. ниже).

Существует, особенно в китайской лингвистике, точка зрения, согласно которой принадлежность слова к определенной части речи устанавливается только в составе предложения. Например, слово *dà* "большой" может быть существительным (*Zhōngguózhi dà* "громадность Китая"), глаголом (*zhè xiǎo háiz dàle* "Этот ребенок вырос"), прилагательным (*dà zhuōz* "большой стол"), наречием (*dà mà ta* "крепко обругать его" – примеры из [*Fú Zìdōng* 1956: 11]). Эта точка зрения, означающая, что вне контекста частей речи не существует [Яхонтов 1969: 59], становится невозможной при развиваемом нами подходе: слово *dà* "большой" сразу же идентифицируется как предикатив и дальнейшее обсуждение должно касаться вопроса о его первичных и вторичных функциях и как следствие – о его грамматической идентификации в качестве определенного п о д к л а с с а предикатива (в данной работе мы не касаемся этого круга проблем).

Второй шаг. Выделяются слова, существующие только в сочетании с именами и/или предикативами, о п р е д е л я я их. Будем исходить из следующего дистрибутивного постулата: слово, способное участвовать в единственном типе конструкций, считается д и с т р и б у т и в н о п о д ч и н е н н ы м (зависимым) в составе конструкции. Если зависимое слово можно заменить вопросительным словом, то оно о п р е д е л я е т господствующее слово (*qinsheng* háiz "*родной* ребенок", *dàlì* fazhǎn "*усиленно* развиваться"), если нет, то оно о ф о р м л я е т главное слово (zōu*le* "шел", tīng*chu* "расслышал"). Сейчас нас интересуют только слова первого рода, которые образуют следующие грамматические классы.

Адъективы – слова, выступающие исключительно в качестве определений к имена м *xiǎoxíng* "малый", *màntíng* "хронический, медлительный", *qīnsheng* "родной", *shanghǎo* "наилучший", *shǒuyào* "первоочередной", *xīnshì* "нового типа", *tóngděng* "того же рода", *xiùzhen* "карманный" [Lǔ Shúxiang, Rào Chángróng 1981· 81] Каковы бы ни были детали, касающиеся функционирования адъективов, невозможность этих слов вступать в сочетание с отрицанием *bù* "не" ставит их вне категории предикатива

Адвербативы – слова, которые выступают только в качестве определений к предикативам *quánsù* "полным ходом", *màomíng* "под чужим именем", *wěnbù* "твердым шагом", *dàlì* "усиленно", *chāyué* "с превышением" [Chén Yì 1989 32] В литературе отмечается, что рассматриваемые слова определяют только глаголы и, в отличие от наречий, не могут быть определениями к прилагательным, а в отличие от прилагательных, не могут быть ни сказуемыми, ни определениями к именам [Там же]

Адъективно-адвербиальные слова (смешанный класс) – слова, способные определять как имена, так и предикативы *gòngtóng* "совместный/совместно", *zhíjie* "непосредственный/непосредственно", *jiànjie* 'косвенный/косвенно", *zhenzhèng* "подлинный/подлинно", *zhèngshì* "официальный/официально" [Chén Yì 1989 3] Таким образом, при развиваемом подходе нет оснований говорить, что в примерах типа *yǒnggǎnde rén* "храбрый человек" / *yǒnggǎnde qiánjìn* "храбро идти вперед" представлен "переход" прилагательного в наречие, как полагают некоторые авторы (см , напр , [Líng Bing 1954 20])

Третий шаг. Выделяются слова, существующие только в сочетании с именами и/или предикативами, о ф о р м л я я их Напомним, что оформитель, или служебное слово, есть дистрибутивно подчиненный элемент, не допускающий замены вопросительным словом Сочетание слова с его оформителем будем называть аналитической формой слова, что не выходит за рамки традиционной терминологии (см , напр , [Смирницкий 1956 45]) Дополним понятие дистрибутивной зависимости понятием синтаксической зависимости в конструкции из двух слов то из них, которое допускает замену вопросительным словом, считается синтаксически зависимым Направления дистрибутивной и синтаксической зависимости могут совпадать (*qīnsheng háiz* "родной ребенок"), но могут и расходиться (*gēn nǐ* "с тобой")

Если в сочетании имени или предикатива с дистрибутивно подчиненным словом ни один член конструкции не допускает замены вопросительным словом, т е не выступает как синтаксически зависимый, то конструкция представляет собой к а т е г о р и а л ь н у ю (морфологическую) форму знаменательного слова *zǒule* "шел", *tīngchu* "расслышал", *hěn hǎo* "очень хороший" Категориальная форма слова, точнее ее показатели, передают присущие знаменательным словам данного языка грамматические категории – число, время, вид и т д

Если направления дистрибутивной и синтаксической зависимости не совпадают, т е замену вопросительным словом допускает дистрибутивно господствующий компонент, мы имеем дело с с и н т а к с и ч е с к о й формой слова *gen nǐ* ' с тобой" (*gen shui?* "с кем?"), *wèile gongzuò* "чтобы работать" Синтаксические формы слова (синтаксемы) обеспечивают слову возможность выступать в той или иной синтаксической функции

Наконец, возможны случаи, когда замена вопросительным словом дистрибутивно господствующего компонента существует, строго говоря, не в вопросе, а в переспросе, как в примерах типа *lian wǒ* "даже я", *zhǐ xiao* "только смеяться" В подобных сочетаниях семантическая связь оказывается за пределами формальной, имплицируя высказывание-спутник Так высказывание *ta zhǐ xiào* "Она только смеется" подразумевает, что ничего другого она не делает, и эта импликация иногда находит отражение в поверхностной структуре. *ta zhǐ xiào, bù jiǎng huà* "Она только смеется и ничего не говорит" Будем называть подобную форму слова к о м м у н и к а т и в н о й Коммуникативная форма слова имеет отношение не к предложению как единице синтаксиса, но к конкретному речевому высказыванию, обеспечивая его включенность

в контекст, связь с пресуппозицией и непосредственно затрагивая его актуальное членение

Итак, по отношению к имени и предикативу дистрибутивно зависимые элементы аналитических форм слова образуют следующие классы служебных слов

Категориальные *le* (видо-временной показатель), *zhe* (видовой показатель), chu (показатель способа действия) и др

Синтаксические *gen* "с', *gěı* "для", *weıle* "чтобы' и др

Коммуникативные *lián* "даже", *zhǐ* "только", *jıu* "именно" и др

Четвертый шаг. Выделяются классы слов, которые по преимуществу определяют имена, но допускают и другие употребления Понятие определения было рассмотрено выше применительно к дистрибутивно зависимым элементам Здесь это понятие распространяется на слова, которые, не будучи дистрибутивно подчиненными, ведут себя аналогично последним, обнаруживая синтаксическую зависимость от имен

Центральное место в рассматриваемой группировке занимают числительные, определяемые двояким образом – независимо и по отношению к именам, тогда как два других класса – детерминативы и кванторы – определяются по отношению к именам и числительным

Числительные – обозначают точное количество и могут заполнять пробел после слова *dı* , приобретая при этом значение порядковости *san* "три" → *dìsan* "третий" Самостоятельно употребляются только при абстрактном счете Совместное употребление с именами столь характерно для числительных, что в китаистике сформировался термин "числительно-предметные сочетания" Выступают как определения к именам со значением меры (*san mǐ* "три метра"), в том числе и к именам, окказионально используемым для обозначения меры (*san wǎn chá* "три чашки чая") Присоединяются к именам с предметным значением (*rén* "человек", *shù* "дерево") при помощи специальных оформителей – синтаксических служебных слов, которые будем называть классификаторами Классификаторы обеспечивают числительным возможность определять считаемые имена *san* "три" → *sange rén* "три человека" Поскольку показатель порядковости *dì* и классификаторы обнаруживают признаки синтаксических служебных слов, числительные обладают двумя синтаксическими категориями – порядковостью и счетностью

Детерминативы – обозначают указание на предмет (*zhè* "этот", *nà* "тот"), выделяя его из числа однородных Кажется, это единственный грамматический класс, который по причине своей малочисленности допускает остенсивное определение

Определяя имена, детерминативы принимают ту же синтаксическую форму, что и числительные, т е присоединяют к себе классификаторы· *zhège rén* "этот человек", *nà zhı mao* "та кошка" Имеют формы множественного числа, образуемые с помощью показателя *xıe*, и таким образом обладают категорией числа и категорией счетности

Кванторы – обозначают неточное количество или меру полноты (*měı* "каждый", *quán* "целый") и употребляются преимущественно как определения к именам Лишь отдельные узуально сочетаются с классификаторами (*měıge rén* "каждый человек"), так что из двух синтаксических форм числительного кванторы не обладают ни одной

Нетрудно видеть, что детерминативы похожи на числительные формально, кванторы – семантически

Пятый шаг. Вводятся вспомогательные понятия – предложение и связь с предложением Выше рассматривались слова, которые вступают в те или иные межсловные связи Существуют однако, слова, для которых одним из возможных или единственно возможным употреблением является связь с предложением в целом, чем и предопределяется данный шаг классификации Используя уже известные понятия, предложение можно определить как сочетание имени с предикативом (самим по себе или в соединении с именем), обладающее следующими свойствами

1. При записи в символах частей речи имеет вид NV (более сложные варианты – N_1VN_2; $N_1VN_2N_3$).

2. Семантически имя перед предикативом есть субъект, которому приписывается выраженный предикативом (сочетанием предикатива с именем) признак.

3. Признак, передаваемый предикативом (сочетанием предикатива с именем), допускает утвердительную и отрицательную форму (категория статуса).

Считается само собой разумеющимся, что имена и предикативы в составе предложения могут сопровождаться определителями и оформителями.

Данному определению предложения соответствуют такие примеры, как *ta zǒu* "Он идет", *tā niàn shu* "Он читает книгу", *tā gěi wǒ qián* "Он дает мне деньги". Его нетрудно было бы расширить за счет таких структур, как *ta tóu téng* "У него голова болит", *tā shi xuésheng* "Он студент" и т.д., однако для целей нашего исследования достаточно того, что предложенное определение обеспечивает дальнейшую реализацию формализованного подхода к выделению частей речи.

Связь слова с предложением операционально определяется как способность слова вступать в связь с любым компонентом (словом, словосочетанием), который может выступать в качестве эллипсиса данного предложения. Например, высказывание *dāngrán tā xué Zhōngwén* "Конечно, он учит китайский язык" в соответствующих контекстах допускает следующие эллиптические варианты: *dāngrán (shī) tā* "Конечно, он", *dāngrán xué* "Конечно, учит", *dāngrán (shī) Zhōngwén* "Конечно, китайский язык".

Шестой шаг. Выделяются слова, способные о п р е д е л я т ь предложение. Если слова, относящиеся к предложению в целом, способны отвечать на вопросы типа "когда?", "каким образом?" или хотя бы употребляться в качестве самостоятельного высказывания (быть фразовым словом), то они о п р е д е л я ю т предложение, в противном случае они о ф о р м л я ю т предложение. Нас сейчас интересуют только слова первого типа, среди которых выделяются такие грамматические классы как <u>темпоративы</u> (*xiànzài* "сейчас", *guòqù* "раньше", *dāngshí* "в то время") и <u>модальные слова</u> (*dāngrán* "конечно", *qíshí* "действительно", *yěxǔ* "возможно"). Темпоративы обозначают время события, о котором говорится в предложении, тогда как модальные слова – это высказывания о высказывании, характеризующие высказывание в плане его истинности, достоверности, желательности с точки зрения говорящего.

Среди модальных слов встречаются однофункциональные, для которых определение к предложению является как будто единственным типом употребления (*yěxǔ* "возможно", *qíshí* "действительно", *xìngkui* "к счастью"), тогда как некоторые модальные слова (в еще большей степени это относится к темпоративам) допускают и другие употребления, например, *nà shì dāngránde* "Это само собой разумеется". Таким образом, способность определять предложение в целом является для темпоративов и модальных слов диагностическим контекстом, позволяющим выделить их в качестве особых грамматических группировок, что не препятствует наличию у этих слов и других типов функционирования.

Темпоративы и модальные слова располагаются обычно в абсолютном начале предложения или перед группой сказуемого, хотя встречаются и отступления от этого правила, отражающие специфику разговорной речи: *Wǒ hěn ài ta, zhēnde, lǎoshi* "Я очень люблю ее, правда, учитель".

Седьмой шаг. Выделяются слова, о ф о р м л я ю щ и е предложения. Оформители предложений (частицы) есть слова, дистрибутивно зависимые от предложения, ибо употребление в начале и в конце предложения является единственным способом функционирования соответственно начальных и конечных частиц. Кроме того, частицы не допускают ни замены вопросительным словом, ни постановки под вопрос.

<u>Начальные частицы</u> – это своего рода введения к последующему высказыванию, обнаруживающие с ним некоторое семантическое согласование. Самый простой пример – начальная частица *wèi*, назначение которой – призвать собеседника к вниманию, дать ему понять, что сейчас последует некоторое высказывание, как в стан-

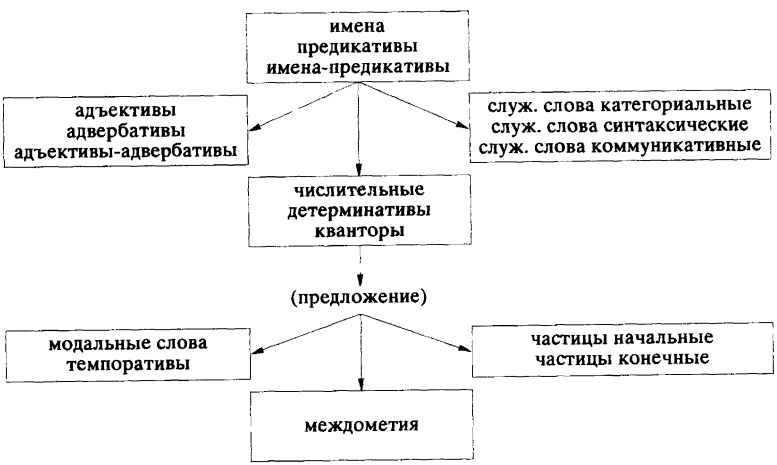
дартном начале телефонного разговора: *Wèi, Zhāng Mǐn zài ma*? "Алё, Чжан Минь дома?".

Конечные частицы – это как бы комментарий к сделанному высказыванию, характеризующий его преимущественно в иллокутивном плане, как например вопросительная частица *ma*: *nǐ xué Zhōngwén ma*? "Ты учишь китайский язык?".

Общее у модальных слов темпоративов и частиц состоит в том, что они включают высказывание в конкретный коммуникативный акт, обеспечивая его связь с пресуппозицией и контекстом.

Восьмой шаг. Выделяются междометия. Это грамматический класс, имеющий отчетливую семантическую характеристику, хорошо воспринимаемый интуитивно, но под углом зрения используемых нами признаков выделяемый преимущественно отрицательно. Семантический признак междометий – непосредственное выражение различных эмоций говорящего, формальная же характеристика сводится к тому, что эти слова, употребляясь как самостоятельные высказывания, обнаруживают максимальную независимость от предложения: конечные частицы не могут отделяться от предложения паузой, начальные – могут, междометия обладают этим свойством в предельной степени, причем предложение может как предшествовать междометию, так и следовать за ним. Семантическое же согласование междометия с предложением состоит в том, что предложение излагает обоснование соответствующей эмоции.

Изложенное можно подытожить в виде следующей схемы (шаги классификации и ее результат):



* * *

В нашей классификации имеется два "смешанных" класса: имена-предикативы (*tǎolùn* "обсуждать/обсуждение") и адъективы-адвербативы (*gòngtóng* "совместный/совместно"). Спрашивается, нельзя ли рассматривать относящиеся к этим классам слова как грамматические омонимы? Наша точка зрения состоит в том, что "смешанный" класс и грамматическая омонимия – логически равноправные решения и выбор одного из них определяется соображениями внелогического порядка. Рассмотрим постановку этого вопроса в общем виде, временно отвлекаясь от лингвистического материала.

Допустим, имеются объекты, обладающие признаком *A*, имеются объекты, обладающие признаком *B*, и имеются объекты, обладающие признаком *A* + *B*. Если соответствующий признак является основанием для выделения логического класса, то при сформулированных условиях здравый смысл выделяет три класса объектов: класс *A*, класс *B*, класс *AB*[1]. Будем называть такой подход реалистическим. Тогда мы приходим к постановке вопроса, какие условия могут помешать реализации реалистического подхода?

Прежде всего, объект с признаками *A* + *B* может быть более или менее условно включен либо в класс *A*, либо в класс *B*, если реалистически допустимый класс *AB* оказывается количественно несопоставим с двумя другими классами. Этот количественный подход может поддерживаться тем, что один из признаков (*A*/*B*) рассматривается как содержательно более весомый. Видимо, оба эти фактора, количественный и качественный, обусловливают то, что животное кит, в общеупотребительном языке обозначаемое как рыба, в научной классификации относится к классу млекопитающих. Если бы животные, совмещающие признаки рыб и млекопитающих, были бы столь же многочисленны, как собственно рыбы или собственно млекопитающие, они были бы выделены в специальный классификационный разряд, которому было бы присвоено соответствующее имя. Несомненно и то, что в основе интерпретации признака "млекопитающее" как содержательно более весомого, чем признак "рыба", лежит своего рода биологический антропоцентризм: логически ничто не мешает зачислить китов в разряд рыб. "Киты рыбы или не рыбы, смотря по цели, с которой мы их рассматриваем" [Милль 1867: 263]. Ср. также: "Иск, основанный на том, что законы, говорящие о рыбах, не касаются китов, был бы немедленно отвергнут умным судьей" [Там же].

В сфере идеальных объектов, т.е. объектов, конституируемых нематериальными признаками, помимо рассмотренных выше решений, возможно, по крайней мере, еще одно – распределение класса *AB* между классами *A* и *B* по образцу: *tăolùn* (имя) "обсуждение" / *tăolùn* (предикатив) "обсуждать". Будем называть такой подход экономным. Речь идет о хорошо известных случаях грамматической омонимии (о других возможных решениях см. [Базелл 1972: 18–19]). Спрашивается, какими факторами обусловливается выбор между реалистическим и экономным подходом и возможно ли их сосуществование в пределах единой классификации?

Для идеальных объектов возможность реалистического подхода определяется факторами качественного и количественного порядка.

Качественный аспект сводится к тому, что реалистический подход (выделение самостоятельного класса *AB*) тем более вероятен, чем выше близость признаков *A* и *B*. Иными словами, речь идет об иерархии различительных признаков: чем ближе различительные признаки по существу, тем больше шансов для реалистической классификации. Как будто именно так действует естественный язык в сфере лексики, если условиться, что в данном случае мы имеем дело с "классами", каждый из которых исчерпывается не единственным членом, а конституирующим признаком, что само собой разумеется, выступает лексическое значение. Лексемы "кафе" и "столовая" весьма близки по лексическому значению, поэтому вполне вероятно образование самостоятельной лексемы "кафе-столовая". Равным образом, образование самостоятельных "классов" типа "механик-водитель", "секретарь-машинистка" более вероятно, чем образование лексем типа "директор-студент" или "студент-дворник", хотя этими потенциальными лексемами и отражаются вполне актуальные реалии.

В сфере частей речи выделение самостоятельных разрядов "междометие-частица" или "союз-предлог" более вероятно, чем выделение разрядов типа "глагол-междометие" или "союз-наречие". Так, выделение формально допустимого класса

---

[1] Строго говоря, выделяется еще класс, не обладающий ни признаком *A*, ни признаком *B*, однако сейчас мы отвлекаемся от этого момента.

"имя/модальное слово" (*dàgài* "основное содержание/конечно") нежелательно прежде всего потому, что имена и модальные слова не имеют сходных грамматических признаков. Разумнее представить рассматриваемый случай как грамматическую омонимию: 1) имя (*nǐ shuō ge dàgài* "Изложи основное содержание"); 2) модальное слово (*tā dàgài bìngle* "Он, наверное, заболел"). Распространенный термин "глагол-предлог", судя по реальным контекстам его употребления, имеет иную логическую природу по сравнению с предметом нашего обсуждения, поскольку обозначает не самостоятельный класс, но либо частеречную омонимию, либо указание на диахронический источник предлога. Точно так же представленный в некоторых китаистических работах термин le_{1+2} (см., напр. [Lǐ Tiěgēn 1992: 239]) обозначает не единый "класс", включающий слово с одновременными признаками видо-временного показателя (le_1) и конечной частицы (le_2), но всего лишь фонетическое слияние грамматически разнородных элементов.

Рассмотрим под углом зрения качественного подхода "смешанные" разряды нашей классификации. Сходство грамматических свойств адъективов и адвербативов, видимо, в особых комментариях не нуждается. Менее очевидно, какие грамматические признаки сближают имена с предикативами, способствуя выделению самостоятельного класса "имя-предикатив" (сходство или совпадение лексических значений иррелевантно для грамматической классификации). Имя и предикатив грамматически близки в том смысле, что обладают полным набором синтаксических функций (подлежащее, дополнение, сказуемое, определение), различаясь лишь соотношением первичных и вторичных синтаксических ролей. Собственно, полный набор синтаксических функций и составляет лингвистический смысл понятия "знаменательный". Другие грамматические классы (полузнаменательные, незнаменательные) данным признаком не обладают. Заметим, однако, что это разъяснение выходит за рамки нашей классификации, поскольку формализованный подход к выделению грамматических классов слов оказалось возможным осуществить без обращения к понятию синтаксической функции.

Количественный аспект реалистического подхода к классификации нематериальных объектов сводится к тому, что данный подход (выделение самостоятельного класса *AB*) тем более вероятен, чем меньше число классификационных разрядов. Если бы части речи английского языка исчерпывались словами такой грамматической природы как *girl* (признак *A*), *sit* (признак *B*) и *sleep* (признак *A* + *B*), то выделение слов типа *sleep* в самостоятельный класс было бы вполне оправданным. Их интерпретация как грамматических омонимов "имя/глагол" объясняется соображениями экономии и практического удобства, ибо при наличии более десятка базовых классов возможность их попарных (и более сложных) комбинаций сделала бы реалистическую классификацию громоздкой и трудновоспринимаемой. Иначе говоря, выбор реалистического или экономного подхода, как и их совмещение в рамках единой классификации, является вопросом удобства и практической целесообразности. Реализация данной установки представлена в монографии автора "Грамматический строй вьетнамского языка", где, в частности, принят экономный подход при выделении глагольных подклассов, насчитывающих более десяти разрядов [Панфилов 1993: 161–168], и реалистический подход при выделении подклассов синтаксических служебных слов, дающий по три разряда в рамках сочинительной и подчинительной связей [Там же: 244–248].

* * *

Подводя итог формализованной классификации частей речи китайского языка, напомним, что исходным пунктом классификации было выделение имен и предикативов посредством операционального приема, не допускающего разночтений. Остальные грамматические классы выделялись по отношению к именам и предикативам с опорой на понятия "определять" и "оформлять". Последние могут быть оха-

рактеризованы соответственно как функция определения и (нестандартный термин) функция оформления, однако использованный при их установлении операциональный подход позволил обойтись без обсуждения вопроса о синтаксической функции как таковой Далее с опорой на понятия имени и предикатива было введено понятие предложения, и дальнейшая классификация производилась при помощи понятий "определять" и "оформлять" применительно к предложению

В процессе изложения некоторые термины (подлежащее, группа сказуемого и др) употреблялись без определения Нетрудно, однако, заметить, что речь в таких случаях шла о явлениях, выступающих в качестве грамматического фона, более широкого лингвистического контекста, но выходящих за пределы нашей классификации При более масштабном описании грамматического строя китайского языка эти термины также должны получить корректное определение, если описание претендует на высокую степень строгости, заданную в настоящей работе.

Другая особенность обсуждаемой классификации – некоторая перегруппировка привычных рубрик, что вполне естественно, учитывая специфику подхода Выше мы уже касались этого вопроса в связи с личными местоимениями и локативами В порядке дальнейшего обсуждения заметим, что в нашей классификации отсутствует такой традиционный класс, как наречие Эта в меру расплывчатая часть речи, часто выделяемая "по остаточному принципу", окажется распределенной между определителями предикатива (адвербативами) и его оформителями Думается, что такое отступление от традиции только на пользу существу дела, если опять-таки понимать под последним строгость описания

Формализованный подход является неотъемлемым достоянием дедуктивных наук Его эффективность в эмпирической науке достаточно проблематична, и нетрудно предвидеть, что последовательная дедукция будет встречать определенное сопротивление материала Уступка материалу нарушает чистоту и строгость выводов, уступка логике чревата усложнением понятийного аппарата Рассмотрим некоторые конкретные коллизии подобного рода

Адъективы и вторичные функции Адъективы были определены как дистрибутивно подчиненные именам, т е выступающие только в качестве определений к именам Китайские авторы называют адъективы непредикативными прилагательными (fēiwèi xíngróngcí), совершенно явно указывая на невозможность для них сказуемостной функции [Lǔ Shúxiāng, Rào Chángróng 1981 81] Однако поскольку наряду с конструкциями *xiǎoxíng shuǐkù* "небольшое водохранилище" возможны также конструкции *zhege shuǐkù shì xiǎoxìngde* "Это водохранилище – небольшое" [Там же], более корректным было бы говорить, что функция сказуемого возможна для данных слов как в т о р и ч н а я, предполагающая специальное оформление (*shì de*) При этом несомненным остается тот факт, что адъективы могут быть определениями т о л ь к о к и м е н а м Возможный выход из положения – уточнение понятия дистрибутивной зависимости в том плане, что ее констатации не препятствуют некоторые типы вторичных функций, однако это сразу же ведет к постановке вопроса о разграничении первичных и вторичных функций, т е к существенному усложнению теории

Синтаксические служебные слова и единственный тип конструкции Большинство из этих слов полностью отвечает определению дистрибутивно зависимого элемента, однако имеются синтаксические служебные слова, способные оформлять как отдельное слово (*yīnwei nǐ* "из-за тебя"), так и целое предложение (*yīnwèi nǐ méi lai* "из-за [того, что] ты не пришел") Возникает вопрос, как быть с понятием "единственный тип конструкции" В нашей классификации этот вопрос обходится за счет определенной последовательности классификационных шагов третий шаг, когда устанавливаются синтаксические служебные слова, производится до введения понятия "предложение", однако, если придерживаться формализованного подхода, то при выделении оформителей предложения (седьмой шаг) применительно к синтаксическим служебным словам необходимо обосновать "переход" от оформления сло-

ва к оформлению предложения Видимо, это будет связано с понятием единственного типа конструкции, скорее всего – с его рекурсивным определением, но в любом случае усложнение теории неизбежно

Данные соображения, демонстрируя некоторые (вполне преодолимые) трудности предпринятого подхода, не дискредитируют саму постановку вопроса Строгость определений, убедительность описания, характерные для формализованных построений, могут, при соблюдении должной умеренности и аккуратности, сделаться достоянием эмпирических дисциплин Таков основной смысл предпринятого нами эксперимента, не говоря о том, что "классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе – это лучше, чем отсутствие всякой классификации" [Леви-Строс 1994 120]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базелл 1972 – *Ч Е Базелл* Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя М , 1972

Горгониев 1966 – *Ю А Горгониев* Грамматика кхмерского языка М , 1966

Драгунов 1952 – *А А Драгунов* Исследования по грамматике современного китайского языка I Части речи М , Л , 1952

Леви-Строс 1994 – *К Леви-Строс* Первобытное мышление М , 1994

Мельчук 1997 – *И А Мельчук* Курс общей морфологии Т I М , Вена, 1997

Милль 1867 – *Дж Ст Милль* Система логики Т II СПб , 1867

Панфилов 1990 – *В С Панфилов* Классы слов (части речи) во вьетнамском языке // ВЯ 1990 № 5

Панфилов 1993 – *В С Панфилов* Грамматический строй вьетнамского языка СПб , 1993

Смирницкий 1956 – *А И Смирницкий* Аналитические формы // ВЯ 1956 № 2

Смирнов 1995 – *Г А Смирнов* Проблема непосредственного знания в истории философии и принципы формализации научных теорий // ВФ 1995 № 9

Тяпкина 1957 – *Н И Тяпкина* Послелоги в современном китайском языке // Некоторые вопросы китайской грамматики М , 1957

Яхонтов 1965 – *С Е Яхонтов* Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов Тезисы докладов Л , 1965

Яхонтов 1969 – *С Е Яхонтов* Выражение каузативности в древнекитайском языке // Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) Л , 1969

Chén Yı 1989 – *Chen Yı* Shìlùn zhuanzhıde dòngcí qıánjıacı // Zhongguó yǔwén 1989 № 1

Fú Zīdōng 1956 – *Fu Zīdōng* Cílèıde qubıe he bıànren // Zhongguó yǔwen 1956 № 9

Honey 1956 – *P J Honey* Word classes ın Vıetnamese // BSOAS 1956 V XVIII Pt 3

Lê Văn Ly 1948 – *Lê Văn Ly* Le parler vıetnamıen Parıs, 1948

Lǐ Tiěgen 1992 – *Lǐ Tiěgen* "Le$_1$", "Le$_2$" qubıé fangfǎde yıdıǎn shangque // Zhongguó yǔwén 1992 № 3

Líng Bıng 1954 – *Lıng Bıng* Yǔfǎ zhıshı tıyao Běıjıng, 1954

Lǔ Shúxıāng, Rào Chángróng 1981 – *Lǔ Shúxıāng, Rao Chángróng* Shìlùn feıwèı xíngrongcı // Zhong guó yǔwen 1981 № 2

Martını 1959 – *F Martını* L'oppositıon nom et verbe en vıetnamıen et en sıamoıs // BSLP 1959 T 54 Fasc 1

Yuen Ren Chao1968 – *Yuen Ren Chao* A Grammar of spoken Chınese Berkeley, Los Angeles, 1968

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

© 2003 г. Т А МАЙСАК, С.Р. МЕРДАНОВА

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

ВВЕДЕНИЕ

Языки мира проявляют значительные различия в том, насколько и каким именно образом в них грамматикализуются семантические противопоставления, связанные с обозначением ситуации в плане будущего Сама квалификация некоторой видо-временной формы в языке как ' будущего времени" часто бывает условной, поскольку такая форма может обозначать не просто 'ситуацию в будущем", но обладать важными дополнительными семантическими компонентами (прежде всего модальными) или же может являться полисемичной и использоваться не только для обозначения будущего времени, но и для выражения других значений (например, в плане настоящего времени – как правило, также с особыми модальными или аспектуальными оттенками)

В рамках типологического изучения будущего времени наиболее закономерно ис следование различных способов выражения временной референции к будущему в языках мира, т е способов грамматического кодирования ситуации, которая будет иметь место после момента речи Собственно ' будущим временем" в конкретном языке имеет смысл называть, по-видимому, такую грамматическую форму глагола, основной (или единственной) функцией которой является именно выражение временной референции к будущему

Типология будущего времени относится к одной из центральных тем исследования в области грамматической типологии по крайней мере с конца 70-х годов, этой теме посвящен ряд специальных работ (см прежде всего [Ultan 1978, Fleischman 1982, Bybee et al 1991]), и она подробно рассматривается в некоторых крупных монографиях (см [Comrie 1985 ch 2 3, Bybee et al 1994 ch 7]), из отечественных работ см также [Серебренников 1974 197–203, Маслов 1990] Особое внимание в этих работах уделяется диахроническим источникам будущих времен и связанным с ними семантическим различиям футуральных форм, среди основных источников форм будущего отмечаются обычно конструкции с глаголами движения и целевым дополнением (типа 'идет делать', ср англ *is going to do*), модальные конструкции со значением желания, необходимости или возможности ('хочет сделать', 'должен сделать' и пр), сочетания с наречиями типа 'потом', 'скоро' и некоторые другие

Обсуждается в литературе и набор семантических параметров, которые часто оказываются существенными для разграничения разных типов "будущих времен" Как известно, будущее время не симметрично прошедшему и настоящему в силу того, что сообщение о том, что произойдет после момента речи, всегда основано на некотором предположении это сообщение о том, чего еще не существует и что, возможно, так и не будет существовать Именно поэтому значение показателей бу-

---

* Данная статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного в февра ле 2002 г на Третьей зимней типологической школе (см [Мерданова Маисак 2002а]) Авто ры благодарят участников Школы, и прежде всего Э Даля и А Е Кибрика, за комментарии к докладу, а также В А Плунгяна и С Г Татевосова, ознакомившихся с первоначальным вари антом данной статьи

дущего времени часто включает модальный компонент, и выделяется несколько разновидностей футурального значения в зависимости от того, что именно является основанием для утверждения говорящего о будущей ситуации В частности, высказывание говорящего может базироваться на его знании о том, что уже в момент речи (или даже до него) имеет место такое положение дел, которое должно привести в будущем к возникновению некоторой ситуации, с другой стороны, высказывание о ситуации в будущем может представлять собой чистое предсказание говорящего, не основанное на каких-либо объективных фактах (и, возможно, имеющее не очень большую степень уверенности) Попытка систематизации различных параметров, релевантных для описания средств выражения временной референции к будущему, была предпринята несколько лет назад в рамках проекта EUROTYP по типологическому изучению языков Европы и получила воплощение в "Анкете по временной референции к будущему" (Future time reference questionnaire), разработанной участниками проекта и опубликованной в сборнике [Dahl 2000b 789–799] Грамматические средства выражения будущего времени были исследованы на основе данной анкеты в значительной части европейских языков (общий обзор результатов исследования дан в статье [Dahl 2000a]), однако применение разработанной методики к более обширному языковому материалу остается еще делом будущего

* * *

В настоящей работе обсуждаются способы выражения временной референции к будущему в агульском языке, одном из языков лезгинской группы нахско-дагестанской (восточнокавказской) семьи Агульский язык является относительно не плохо изученным по сравнению со многими другими языками Кавказа история его изучения насчитывает более ста лет, и на протяжении XX в было опубликовано несколько описаний грамматического строя этого языка (см прежде всего монографии [Дирр 1907, Шаумян 1941, Магометов 1970, Сулейманов 1993, Тарланов 1994], а также ряд кратких очерков, основными из которых являются [Шаумян 1935, Магометов 1967, Тарланов 1997, Сулейманов 2000, Алексеев, Сулейманов 2001])

Агульский язык насчитывает порядка 20 тысяч носителей, основная часть которых проживает в юго восточной части Республики Дагестан (Агульский и Курахский районы) В рамках лезгинской группы агульский наиболее близок табасаранскому и лезгинскому языкам Специалист по агульской диалектологии Н Д Сулейманов выделяет в составе агульского языка четыре диалекта – собственно агульский, керенский, кошанский и гехюнский, а также три одноаульных самостоятельных говора ' – хпюкский, фитинский и цирхинский [Сулейманов 1993 18] В данной работе в центре внимания находятся данные хпюкского говора (говора села Хпюк, Курахский р-н), близкого к собственно агульскому диалекту, однако имеющему ряд существенных особенностей, этот говор ранее в литературе специально не описывался, и в настоящее время готовится его грамматическое описание [Мерданова, Майсак 2002б]

Несмотря на наличие целого ряда специальных работ по грамматике агульского языка, далеко не все грамматические явления в нем описаны подробно В первую очередь это относится к грамматической семантике хотя образование форм именной и глагольной парадигмы характеризуется в имеющихся описаниях достаточно полно, сведения о значении и употреблении этих форм чрезвычайно кратки, а для каких-то форм отсутствуют вовсе

При этом, видо-временная система агульского языка представляет бесспорный интерес с типологической точки зрения, и едва ли не наиболее любопытным в рамках этой системы является выражение временной референции к будущему В существующих описаниях, как правило, речь идет об одной специальной форме будущего времени, и действительно, в агульском имеется видо-временная форма, единственным значением которой является обозначение ситуации в плане будущего (данная форма ниже названа Будущим основным) Вместе с тем, способы выражения временной

референции к будущему в агульском языке крайне многообразны целому ряду форм глагольной парадигмы свойственны вторичные значения, так или иначе связанные с выражением временной референции к будущему, причем распределение контекстов предпочтительности каждой из форм достаточно нетривиально и связано с дополнительными семантическими оттенками Во многих случаях истоки футурального значения у данных форм вполне очевидны, однако иногда между основным значением формы и ее вторичным футуральным значением трудно усмотреть какую-либо связь

Цель настоящей работы – попытаться дать как можно более полное описание различных средств выражения временной референции к будущему в агульском языке, с указанием того, в каких именно условиях проявляются футуральные прочтения различных глагольных форм и каким образом эти прочтения могут быть исторически связаны с другими видо-временными значениями данных форм

Дальнейшее изложение начинается с краткого очерка видо-временной системы агульского языка (раздел 1), после чего в основной части статьи будут подробно охарактеризованы способы выражения временной референции к будущему и рассмотрены возможные пути развития значения будущего времени у различных форм (раздел 2), наконец, общему обсуждению и выводам посвящен раздел 3

1 ОБЩЕЕ УСТРОЙСТВО ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛА СИСТЕМА ФОРМ ИНДИКАТИВА

Видо-временная система агульского глагола отличается значительным богатством от одного глагольного корня образуется несколько сотен синтетических и аналитических форм парадигмы[1]

В агульском, как и в других лезгинских языках, имеется словоизменительная **категория вида**, которая выражается в противопоставлении двух основ глагола – совершенного (СВ, или перфективного) и несовершенного (НСВ, или имперфективного) видов Показателями вида служат вокалические суффиксы {-u}, реже {-ɪ} или {-u} у основы СВ и { a}, реже {-e} у основы НСВ, ср примеры соотношения видовых основ СВ // НСВ *xu- // xa-* 'стать', *(a)q'u-// (a)q'a-* 'делать', *daqu- // daqa-* 'открывать', *ruXu- // ruXa-* 'читать', *ɪlgu- // ɪlg̊a-* 'оставаться', *ɪxɪ- // ɪxa-* 'класть', *lɪk'ɪ- // lɪk'a-* 'писать', *k'ɪ // k'e-* 'умирать, убивать', *ruxu- // ruxe* 'варить(ся), кипятить(ся)', *adɪ- // ʕ̊a-* 'идти, приходить' (в последнем случае имеется супплетивизм корней) и т п

Основу системы индикатива составляют **аналитические формы** с постпозитивным вспомогательным глаголом *e* 'быть, являться' или *a* 'быть, находиться' (считается, что противопоставление двух вспомогательных глаголов было характерно еще для общелезгинского состояния, см [Алексеев 1985 96–98]) Смысловой глагол в составе аналитических форм может выступать в виде деепричастия (каждого из видов), одного из двух причастий (каждого из видов) или инфинитива

Деепричастие СВ имеет суффикс {-na}, деепричастие НСВ суффикс { ɟ} (ср *ruXu na* 'прочитав', *ruXa-ɟ* 'читая') Причастие 1 совпадает с видовой основой, а также (как и все причастия) содержит адъективный показатель {-f} (ср *ruXu-f* 'прочитавший', *ruXa-f* 'читающий'), причастие 2 образуется на основе деепричастия при помощи показателя {-(ɟ)e-} (ср *ruXuna-ɟe-f, ruXaɟ e f*) и, по-видимому, исторически восходит к сочетанию деепричастия с причастием *aɟe-f* вспомогательного глагола *a* 'быть находиться' Имеется также причастие 3, образуемое при помощи показателя {*-de-*} также на основе деепричастий (ср *ruXun-de-f, ruXaɟ-de-f*) – оно, скорее всего, восходит к сочетанию с причастием *ɪde-f* бытийного глагола *e* 'быть, являться', аналитических форм третье причастие не образует (см 2 6 1) Инфинитив образуется от основы НСВ при помощи показателя {-s} (ср *ruXa-s* 'читать')

Общая схема образования перечисленных форм представлена в таблице 1

---

[1] Ниже дается лишь краткая характеристика основных глагольных форм – главным образом тех, о которых пойдет речь в дальнейших разделах

Таблица 1

Образование нефинитных форм (глагол *ruXas* 'читать')

	несовершенный вид	**совершенный вид**
основа	ruXa-	ruXu
причастие 1	ruXa f	ruXu f
деепричастие	ruXa-ɟ	ruXu-na
причастие 2	ruXa ɟ-e f	ruXu-na-je-f
причастие 3	ruXa ɟ de f	ruXu-n-de-f
инфинитив	ruXa-s	–

Основным вспомогательным глаголом является *e* 'быть, являться' (выступает со всеми перечисленными формами смыслового глагола, кроме причастия 3), при помощи глагола *a* 'быть, находиться' аналитические формы образуются только от деепричастий смыслового глагола[2] Вспомогательные глаголы могут выступать в утвердительной или отрицательной форме настоящего или прошедшего времени (ср , соответственно, *e* и *a* 'есть', *ɥ* и *aɟɪ* 'был', *dawa* и *adawa* 'нет', *duɟ* и *aduɟ* 'не был')

Таким образом, парадигма основных индикативных форм глагола включает в себя два ряда структурно параллельных видовых форм СВ и НСВ, с отнесением каждой из форм (по соответствующему времени вспомогательного глагола) к актуальному "плану настоящего ' либо к неактуальному "плану прошедшего С учетом отрицательных форм базовая "аналитическая' парадигма состоит из 36 единиц, см таблицу 2 Полужирным в таблице выделены формы, которые далее будут подробнее рассмотрены в работе (см 2 1–2 5)

В качестве вспомогательного глагола (с деепричастиями и инфинитивом) используется также *amea* 'оставаться' (см об одной из форм с данным глаголом 2 6 2) Кроме того, многочисленные аналитические формы ' второй степени" образуются при помощи вспомогательного глагола *xas* 'быть, становиться' вспомогательный глагол в них стоит в одной из "первичных" аналитических форм Общее число аналитических форм с этим глаголом (с учетом отрицательных эквивалентов) превышает 200, для дальнейшего рассмотрения наибольший интерес представляют две формы с *xas* в форме Будущего основного времени это Предбудущее *ruXuna xas-e* 'будет прочитано' (с деепричастием СВ) и Будущее НСВ *ruXaɟ xas e* 'будет читать' (с деепричастием НСВ), см о них 2 1 3 Более редкая группа форм 'второй степени" образуется при помощи глагола *(a)q'as* 'делать', в первую очередь эти формы (с деепричастием НСВ смыслового глагола) используются для выражения итеративного значения (см 2 1 3 3)

2 СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ К БУДУЩЕМУ

Итак, в агульском языке имеется одна "базовая" форма будущего времени (которая, в соответствии со своей функцией, и названа Будущим основным) От прочих

---

[2] Хотя исторически перечисленные ниже формы являются аналитическими, и в настоящее время исходные вспомогательные глаголы в составе этих форм легко идентифицируются в ряде случаев имеют место стяжения смысловой и вспомогательной частей Сам вспомогательный глагол подвергся достаточно сильной морфологизации и во всех формах имеет лишь слабую степень автономности, в некоторых же формах (например, Прошедшее перфективное и Прошедшее неактуальное) он уже полностью слит со смысловым глаголом

Таблица 2

Система форм индикатива (смысловой глагол *ruXas* 'читать')[3]

	несовершенный вид	совершенный вид
от деепричастий	**Презенс**	Результатив наст. времени
с глаголом *a*	ruXa(j)-a ‖ ruX-ādawa	ruXuna(j)-a ‖ ruXun-ādaw(a)
	Имперфект	Результатив прош. времени
	ruXa-ji ‖ ruX-āduj	ruXuna-ji ‖ ruXun-āduj
	Хабитуалис наст. времени	Прошедшее перфективное
с глаголом *e*	ruXaj-e ‖ ruXaj-dewa	ruXun-e ‖ ruXun-dawa
	Хабитуалис прош. времени	Прошедшее неактуальное
	ruXaj-i ‖ ruXaj-düj	ruXun-ij ‖ ruXun-duj
от причастий	**Настоящее генерическое**	Прошедшее общефактическое
от причастия 1	ruXaf-e ‖ ruXaf-t̄awa	ruXuf-e ‖ ruXuf-t̄awa
	Прошедшее генерическое	Общефактическое неактуальное
	ruXaf-ij ‖ ruXaf-t̄uj	ruXuf-ij ‖ ruXuf-t̄uj
	Будущее интенциональное	Прош. результ. общефактическое
от причастия 2	ruXajef-e ‖ ruXajef-t̄awa	ruXunajef-e ‖ ruXunajef-t̄awa
	Будущее в прошедшем	Предпрош. результ. общефактич.
	ruXajef-ij ‖ ruXajef-t̄uj	ruXunajef-ij ‖ ruXunajef-t̄uj
от инфинитива	**Будущее основное**	
	ruXas-e ‖ ruXas-t̄awa	–
	Ирреалис	
	ruXas-ij ‖ ruXas-t̄uj	

членов парадигмы она отличается как специфической формой (хотя она и относится формально к системе НСВ, образована она от инфинитива, не имеющего морфологической параллели в системе совершенного вида), так и специализированным значением – Будущее основное используется только для обозначения ситуации в будущем, и ей не свойственна многозначность (в отличие от большинства других форм).

Оказывается, однако, что при наличии специализированного будущего времени агульский язык использует для выражения временной референции к будущему ряд других средств. При этом данные средства не являются факультативными и периферийными – напротив, при наличии определенных условий (т.е. при выражении определенного оттенка значения или в специфических конструкциях) в языке используются именно эти формы, а не основная форма будущего времени.

Формы, которым также свойственно футуральное значение, относятся к несовершенному виду и к актуальному "плану настоящего" (т.е. вспомогательный глагол в этих формах, как и в Будущем основном, имеет форму настоящего времени). Таким образом, в дальнейшем рассмотрении речь будет идти не об одной, а о пяти формах (в таблице 2 выделены полужирным): это Будущее основное, Будущее интенциональное, Настоящее генерическое, Презенс и Хабитуалис настоящего времени; см.,

[3] Знак "‖" разделяет утвердительные и отрицательные формы; в скобки взяты факультативно произносимые звуки. Согласный /d/ в отрицательном глаголе-связке после глухих согласных /f, s/ и др. переходит в /t̄/.

соответственно, разделы 2.1–2.5[4]. В каждом из разделов будут охарактеризованы как значения данных форм, связанные с указанием на ситуацию в плане будущего, так и их другие (как правило, первичные по отношению к футуральным) значения. Будут отмечаться также наиболее важные особенности соответствующих форм "плана прошлого" (т.е. формально отличающихся от перечисленных тем, что вспомогательный глагол в них имеет форму прошедшего, а не настоящего времени) в том случае, если в этих формах сохраняются те семантические оттенки, которые являются исходными для футурального значения.

Некоторые другие, более специфические формы, также связанные с выражением временной референции к будущему, рассмотрены в разделе 2.6.

2.1. Будущее основное[5]

2.1.1. Форма

Основная форма будущего времени ("будущее время" [Магометов 1970: 135], "будущее основное" [Тарланов 1994: 124]) исходно представляет собой аналитическую конструкцию, состоящую из инфинитива и вспомогательного глагола *е* 'быть, являться' в настоящем времени. Вспомогательный глагол в этой форме сейчас сохраняет лишь небольшую степень автономности – в особых коммуникативных условиях возможно вставление после формы смыслового глагола усилительной частицы *=ra* 'и, даже': ср. *ruXas-e, lik'as-e* 'прочитает, напишет' > *ruXas=ra e, lik'as=ra e* 'и прочитает, и напишет'. Другие возможности отделения или перемещения вспомогательного глагола отсутствуют.

---

[4] По существующей в типологических работах традиции, условные названия конкретно-языковых видо-временных форм (напр., Презенс, Хабитуалис или Перфект) приводятся с прописной буквы, а названия соответствующих универсальных (межъязыковых) грамматических категорий – со строчной.

[5] В статье приняты следующие обозначения:

A	показатель субстантивации атрибутивных основ (прилаг., прич. и т.п.)		
Adv	адвербиальная форма		
Aor	аорист	Neg	отрицание
Apud	локализация "возле"	Part	причастие
Cond	условное наклонение	Pf	совершенный вид
Conv	деепричастие	Pl	множественное число
Cop	глагол-связка	Post	локализация "позади"
Dat	датив	Proh	прохибитив
Elat	направление "от, из"	Prs	настоящее время
Erg	эргатив	Pst	прошедшее время
Gen	генитив	Ptcl	частица
Imp	императив	Q	показатель вопроса
In	локализация "внутри"	Re	префикс повторного, обратного действия
Inf	инфинитив	Res	результатив
Ipf	несовершенный вид	Super	локализация "вверху"

–	морфемная граница
=	граница между словоформой и клитикой
:	кумулятивное выражение значений
[]	левый контекст примера; буквальный перевод идиоматичных сочетаний
{ }	пояснение к переводу

Косвенные основы существительных не обозначаются. Не обозначаются также формально не маркированные грамматические значения: в именных словоформах – номинатив, эссив, единственное число; у личных местоимений – формально совпадающие номинатив, эргатив; у глагола-связки (Cop) не обозначается настоящее время.

Конечный гласный /e/ формы Будущего основного при быстром темпе речи достаточно сильно редуцируется, реализуясь фактически в виде палатализации предшествующего *-s* Для керенского диалекта отмечается, что "в экспрессивной речи' вспомогательный глагол *e* (или, по говорам, *ı*) может усекаться [Сулейманов 1993 147], так что форма будущего там представляет собой инфинитив в чистом виде Все это говорит о том, что по своему формальному статусу агульское Будущее основное приближается в настоящее время к синтетической форме

Инфинитив, или "целевая форма" на *-s*, возводится к пралезгинскому состоянию (показатель **-s̄* исторически представляет собой суффикс датива [Алексеев 1985 100]) Функции агульского инфинитива как нефинитной формы – оформление целевого придаточного, главным образом с глаголами движения (ср (1)), а также сентенциальные актанты ряда глаголов (ср *k̄andea* ***ruXas*** 'любит **читать**', *bašlamiš-q'aa* ***qāq'as*** 'начинает **рассказывать**', *guč'aa* ***aRas*** 'боится **сказать**', ***aq'as*** *xase* 'сможет **сделать**' и пр)

(1) zun ap'q'anar **q'a-s** qaj-naje-f-e
я обед **делать:Ipf-Inf** возвращаться Pf-Part2-A-Cop
Я пришел ***пообедать*** [= *обед сделать*]

Будущее время формируется на основе целевой формы во многих лезгинских языках исходным также являлось сочетание с бытийным глаголом в настоящем времени (т е , буквально, чтобы-делать имеется") Существуют также основания для реконструкции формально сходного показателя будущего времени **-s* для андийской группы языков, где будущие времена часто образуются от инфинитива (на гласный) при помощи суффикса *s̄* [Алексеев 1988 110] В даргинской группе диалектов показателем будущего также может выступать *-s*, так что имеются основания для сближения суффиксов инфинитива/будущего времени на 'общедагестанском уровне [Алексеев 1988 194]

2.1.2. Временное значение

Будущее основное используется в широком круге контекстов и в целом достаточно нейтрально по значению по сравнению с другими формами, которые также могут выражать будущее время, но при этом имеют специфические условия употребления (см ниже)

В наибольшей степени для данной формы характерно использование в чисто предиктивном ("предсказательном") значении, при выражении прогноза или предсказания говорящего о будущем событии

(2)[– Что со мной станет, если я съем этот гриб?]

– wun **k'e-s-e.**
ты **умирать:Ipf-Inf-Cop**
Ты ***умрешь*** (FTRQ, 11)[6]

(3) [– У меня болит голова! – Прими это лекарство,]

gı wun saR **q'a-s-e.**
он Erg ты здоровый **делать:Ipf-Inf-Cop**
Оно тебя ***вылечит*** [= *здоровым* ***сделает***] (FTRQ, 101)

---

[6] Некоторые примеры в настоящей работе являются переводами предложений из типологической анкеты по будущему времени 'Future time reference questionnaire' [Dahl 2000b 789–799], о которой шла речь выше, такие примеры сопровождаются пометой 'FTRQ" и номером предложения в анкете

Как известно, свидетельством высокой степени грамматикализации формы будущего времени является возможность ее использования в предложениях с временными и условными придаточными, отнесенными к плану будущего (см [Bybee et al 1994 271–275] и др) Агульское Будущее основное регулярно используется в таких типах контекстов (точнее, в главном предложении, придаточные оформляются особыми нефинитными формами глагола) ср (4)–(5) с придаточными времени и (6)–(7) с условными предложениями[7]

(4)[Говорит маленький мальчик]

zun	aHa	xu-guna,	aHa	Xal	**Ruša-s-e.**
я	большой	стать Pf-когда	большой	дом	**купить:Ipf-Inf-Cop**

Когда я вырасту [= *стану большим*], ***куплю большой дом*** (FTRQ, 25)

(5) [Мой брат опаздывает на ужин]

te	quʔ∘a-sī,	jamak	**ruRa-s-e.**
тот	возвращаться Ipf-до	еда	**остывать:Ipf-Inf-Cop**

Когда [= *до того как*] *он придет, еда* (*уже*) ***остынет*** (FTRQ, 26)

(6) za-f-as	hurXu-čı,	zun	**aRa-s-e.**
я-Apud-Elat	спросить Pf-Cond	я	**сказать:Ipf-Inf-Cop**

Если у меня спросят, я ***скажу.***

(7) [Путешественник обращается к местному жителю]

wun	za-s	req̄	ag∘arq'u-čı,	zun	wa-s	pul	**c'a-s-e.**
ты	я-Dat	дорога	показывать Pf-Cond	я	ты-Dat	деньги	**давать:Ipf-Inf-Cop**

Если ты покажешь мне дорогу, я тебе ***заплачу*** [= *деньги дам*] (FTRQ, 23)

Будущее основное может использоваться и при описании планов по совершению некоторого действия (см (8)), а также при описании ситуации, близкой к осуществлению (см (9)–(10))

(8) [– Что ты сейчас будешь делать?]

– zun	k eǯ	**lik'a-s-e.**
я	письмо	**писать:Ipf-Inf-Cop**

Я письмо ***напишу***

(9) hahal	zun	**alurq'a-s-e.**
сейчас	я	**падать:Ipf-Inf-Cop**

Я вот-вот ***упаду*** (FTRQ, 85)

(10) dar	hahal	**adarxa-s-e.**
дерево	сейчас	**валиться:Ipf-Inf-Cop**

Дерево (*подпилено и*) *вот-вот* ***повалится***

---

[7] По материалу баз данных Дж Баиби и Э Даля в языках в которых показатели будущего времени употребляются в данном типе контекстов, эти показатели всегда являются уже достаточно сильно морфологизованными обычно аффиксальными [Dahl 2000a 314] В значительной степени это верно и для агульской формы Будущего основного, как было показано выше

При этом, однако, в подобных контекстах употребление Будущего основного (в отличие от Будущего интенционального, см 2 2) не содержит специального указания на то, что в момент речи в полном смысле идет некоторая "подготовка" к осуществлению действия В целом, вполне допускается использование Будущего основного в контекстах, являющихся "специализированными" для других форм (имеющих футуральные прочтения), однако его значение по сравнению с такими формами является менее специфическим

2.1.3. Видовое и модальное значение Будущего основного. Будущее НСВ и Предбудущее

2 1 3 1 Перфективное и актуально-длительное значение в будущем

Морфология и семантика формы Будущего демонстрируют определенную асимметрию хотя эта форма исторически и образована от основы НСВ, в настоящее время она имеет **перфективное** видовое значение[8]

Будущее основное обозначает событие в будущем как ограниченное временными рамками, т е как имеющее конечный предел ("комплетивное" прочтение, ср (11а)) или начальный предел ("инхоативное" прочтение ср *šadxas-e* 'обрадуется'), как заключенное в рамках определенного интервала времени в будущем и завершенное ("лимитативное" прочтение, ср (11б)) или как имеющее мгновенный характер (ср *čurqas-e* 'лопнет')

(11а)	zun	ɟaq'u	k'eʒ	**lik'a-s-e**	ʔu	seʔetɪ(-n)	araɟɪ
	я	четыре	письмо	**писать:Ipf-Inf-Cop**	два	час(-Gen)	в промежутке

***Я напишу** 4 письма за 2 часа*

(11б)	zun	**kidarka-s-e**	ʔu	seʔetɪ	
	я	**гулять:Ipf-Inf-Cop**	два	час Erg	

***Я погуляю** 2 часа*

У разных глаголов значение совершенного вида проявляется по-разному, многие лексемы допускают в этой форме более одного прочтения, в частности, выделяются

* предельные глаголы с комплетивным или лимитативным прочтениями *lik'as e* 'напишет попишет', *ruXas e* 'прочитает, почитает', *ucas-e* 'скосит, покосит' *ruxes-e* 'сварится, поварится', *ugas e* 'сгорит, погорит',

* инхоативные глаголы с инхоативным или инхоативным и лимитативным прочтениями *šadxas-e* 'обрадуется', *agₒas-e* 'увидит', *Harxas-e* 'узнает', *ʔašas e* 'заплачет, поплачет', (*uRal*) *uRas e* пойдет, пройдет (дождь)', *ɪ̄arxas-e* 'заболеет, поболеет', *uq as e* сядет посидит', *Ruzas e* 'остановится, постоит/подождет',

* непредельные глаголы только с лимитативным прочтением *kar aq as-e* 'поработает', *kɪ darkas e* 'погуляет', *duruHas e* 'поиграет', *arucas e* 'походит, поищет', *jarHas e* 'побьет', *Xuī̄ur fas e* 'посмотрит, присмотрит (за кем-л)',

* глаголы мгновенного действия *ʒ̄ɪk as-e* 'найдет , *Hemčɪ aqas-e* 'чихнет', *haraɟ q as e* 'крикнет' и т п

Ситуацию в ее развитии Будущее основное обозначать не может так, **актуально-длительное** (прогрессивное) значение в будущем выражается более сложной формой Будущего НСВ (деепричастие НСВ + глагол *xas* 'стать' в форме Будущего основного) ср

---

[8] Ср термин будущее финальное [Сулейманов 1993 147], правда, не поясняемый автором

(12) [Когда я приду, мой брат]

k'eʒ	**lik'a-j**	**xa-s-e.**	‖	* lık'a-s-e
письмо	**писать:Ipf-Conv**	**стать:Ipf-Inf-Cop**		писать Ipf-Inf-Cop

будет** письмо **писать

(Использование Будущего основного может быть проинтерпретировано только как 'когда я приду, напишет', т е с указанием на то, что ситуация осуществится после точки отсчета в будущем, но не одновременно с ней)

Все прочие формы от основы НСВ сохраняют семантику несовершенного вида (что естественно), тем самым, Будущее основное стоит особняком в рамках глагольной парадигмы в двух отношениях морфологически она относится к системе НСВ и не имеет параллели среди аналитических форм системы СВ (см таблицу 2), а семантически она является перфективной, в отличие от всех остальных форм системы НСВ

Каковы могли быть причины того, что форма, образованная от основы НСВ, приобрела перфективное значение? Утверждать, что сама форма инфинитива является перфективной по своим аспектуальным свойствам, по-видимому, нельзя так, по нашим наблюдениям, использование инфинитива в 'хабитуальном целевом придаточном, в котором речь идет о повторяющемся или длительном характере действия (во фразах типа 'он пришел к нам, чтобы *каждый день* **рассказывать** нам сказки // **колоть** нам дрова' и т п), совершенно нормально, тогда как его использование при комплетивном' или лимитативном характере действия (во фразах типа 'он пришел к нам, чтобы *быстро* **рассказать** эту историю // за 2 часа **поколоть** нам дрова' и т п) затруднено

По всей видимости, ввиду появления производной формы со специализированным значением прогрессива будущего времени (т е Будущего НСВ) именно она стала использоваться в контекстах, предполагающих описание ситуации в будущем в процессе развития Использование же Будущего основного, а не Будущего НСВ, стало интерпретироваться как отсутствие указания на то, что ситуация находится в процессе развития (имперфективность) и, следовательно, как указание на ограниченность ситуации во времени (перфективность) Тем самым, в процессе развития значения Будущего основного решающую роль сыграл, по нашему мнению, механизм прагматической импликатуры' поскольку Будущее основное перестало использоваться в явных имперфективных контекстах, его значение прошло путь от 'необозначения имперфективности к обозначению перфективности

Таким образом, событие, обозначенное Будущим основным, интерпретируется как следующее за точкой отсчета в будущем, а обозначенное Будущим НСВ – как одновременное этой точке **Предшествование** же в плане будущего выражает другая аналитическая форма с деепричастием СВ и глаголом *xas* 'стать' в форме Будущего основного – Предбудущее оно указывает на то, что ситуация предшествовала точке отсчета в будущем и завершена к этой точке ср

(13) [Когда ты к нам придешь,]

ruš = ra	**qaj-na**	**xa-s-e.**
дочь = и	**возвращаться:Pf-Conv**	**стать:Ipf-Inf-Cop**

*дочь тоже **уже вернется*** [= *будет вернувшись*]

(14) [Мой брат опаздывает на ужин]

te	qajı-guna,	jamak	**ruRu-na**	**xa-s-e.**
тот	возвращаться Pf-когда	еда	**остывать:Pf-Conv**	**стать:Ipf-Inf-Cop**

(*В тот момент,*) *когда он придет, еда уже **остынет*** [= *будет остывши*]

2.1.3.2. Модальные значения у аналитических форм с *xas-e*. Ирреалис

Типологически у хорошо грамматикализованных форм будущего нередко отмечается тенденция к "модализации", в частности приобретение **гипотетического** значения (типа 'наверное/возможно, ситуация имеет место'); ср. [Bybee et al. 1994: 204]. Основной агульской форме будущего времени значение предположения о ситуации в настоящем в целом не свойственно: исключением является разве что форма Будущего основного от глагола *xas* 'стать'. Ср. его употребление в (15), аналогичное русскому *будет*:

(15) [– Интересно, сколько лет этому парню? Есть ему 18? – Думаю, да:]

gi-n	c'amuja	is	**xa-s-e.**
он-Gen	18	год	**стать:Ipf-Inf-Cop**

*Лет 18 ему **будет*** [≈ *скорее всего, есть*].

В данном примере для выражения собственно футурального значения была бы использована форма Будущего интенционального (см. о ней 2.2 ниже):

(16)	ṯiʔ	gi-n	c'amuja	is	**xa-je-f-e.**
	в:этом:году	он-Gen	18	год	**стать-Part2-A-Cop**

*В этом году ему 18 лет **исполнится*** [≈ *собирается стать*].

Модальное значение предположения характерно, при этом, для многих аналитических форм "второй степени" с глаголом *xas* 'стать' в форме Будущего основного. Так, второе значение Будущего НСВ – предположение о ситуации в настоящем ("гипотетическое настоящее"), а Предбудущего – предположение о ситуации в прошлом ("гипотетическое прошлое")[9]:

(17) [– Интересно, что брат сейчас делает?]

–	k'eǯ-ar	**lik'a-j**	**xa-s-e.**
	письмо-Pl	**писать:Ipf-Conv**	**стать:Ipf-Inf-Cop**

***Наверное**, письма **пишет**.*

(18)[– Интересно, вернулся ли отец?]

–	qaj-na	xa-s-e.
	вернуться:Pf-Conv	стать:Ipf-Inf-Cop

Думаю, (уже) вернулся.

Две указанные формы в этом прочтении выражают "чистое" предположение, не основанное на каком-либо умозаключении в связи с имеющимися у говорящего дополнительными знаниями.

При этом, формы Будущего НСВ и Предбудущего являются, по-видимому, единственными формами с вспомогательным глаголом *xas* 'стать' в форме Будущего основного, которые, помимо гипотетического значения, имеют и собственно значение будущего. Прочие формы с *xas-e* имеют только гипотетическое значение, но не футуральное. Так, форма от второго причастия НСВ смыслового глагола указывает на предположение говорящего относительно происходящей в момент речи ситуации, причем – в отличие от гипотетического прочтения Будущего НСВ – это предположение основано на том, что имеющаяся в момент речи ситуация (например, шум или отсутствие соседа в (19)) объясняется некоторыми известными говорящему закономерностями:

---

[9] З.К. Тарланов модальные употребления этих двух форм относит к особому "предположительному наклонению" [Тарланов 1994: 148–149].

(19)а. [Слышен шум на улице:]
б. [Сосед не зашел в назначенный час. Известно, что он обычно в это время колет дрова:]

q̇unši	k'ur-ar	**arʕa-je-f**	**xa-s-e.**
сосед	полено-Pl	**колоть:Ipf-Part2-A**	**стать:Ipf-Inf-Cop**

а. (*Это*) *сосед*, ***наверное***, *дрова* ***колет***.
б. ***Наверное***, *сосед* (*не пришел*, *так как*) *дрова* ***колет***.

Структурно параллельная форма от второго причастия СВ смыслового глагола указывает на предположение о ситуации в прошлом (основанное на определенном умозаключении, опять же в отличие от гипотетического прочтения Предбудущего):
(20)[– Как ты думаешь, почему отец был зол на меня?]

– we	čučᵘ	**q-upu-naje-f**	**xa-s-e**	wun pu	gaf-ar.
твой брат:Erg		**Re-говорить:Pf-Part2-A**	**стать:Ipf-Inf-Cop**	ты	говорить:Pf слово-Pl

Твой брат, ***наверное***, (*ему*) ***передал*** [= *обратно сказал*] *сказанные тобой слова*.

Завершая обсуждение модального компонента, имеющегося у ряда форм подсистемы Будущего основного, отметим, что параллельная Будущему основному форма "плана прошлого" по значению выпадает из системы индикатива. Эта форма (Ирреалис) употребляется обычно в следствии, или аподосисе, ирреальных условных предложений и выражает контрфактическое значение: 'ситуация не имела места в действительности (и могла бы иметь место при неосуществленном условии)', ср.:

(21) za-s	šaw	pu-naj-či,	zun	**ʕ̣a-s-ij.**
я-Dat	приходить:Imp	говорить:Pf-Res-Cond	я	**идти:Ipf-Inf-Cop:Pst**

Если бы меня (*тогда*) *пригласили* [= *приходи*, *сказали*], *я* ***бы пошла***.

(22) za-f-as	hurXu-naj-či,		zun	**aRa-s-t̄uj.**
я-Apud-Elat	спрашивать:Pf-Res-Cond		я	**говорить:Ipf-Inf-Cop:Neg:Pst**

У меня если бы спросили, *я* ***бы не сказала***.

Тем самым, хотя структурно Ирреалис входит в парадигму основных индикативных форм (см. таблицу 2 выше), семантически он является формой "сослагательного наклонения". Такое использование форм, являющихся по своей структуре "будущими в прошедшем", характерно для многих дагестанских языков.

2.1.3.3. Хабитуальное значение в будущем

Выше речь шла о перфективном и актуально-длительном значении в плане будущего времени, а также о предшествовании в будущем. Возможность же выражения **хабитуального** значения ('будет делать постоянно, регулярно и т.п.') не ограничена какой-либо одной формой.

Несмотря на перфективное видовое значение, форма Будущего основного может использоваться при описании хабитуальной ситуации в плане будущего (с использованием соответствующих обстоятельств времени)[10]:

(23) har	jaRa	**ʕ̣a-s-e.**
каждый	день:Adv	**приходить:Ipf-Inf-Cop**

[*С сегодняшнего дня я к вам домой*] *каждый день* ***буду приходить***.

---

[10] Тем самым, видовое значение Будущего основного не является чисто перфективным; ср. более подходящий термин "расширенный перфективный вид", используемый С.Г. Татевосовым при описании форм с аналогичной дистрибуцией в багвалинском языке (андийская группа нахско-дагестанской семьи) [Кибрик 2001: 244 и сл.].

Кроме того, хабитуальное значение может выражаться и формой Будущего НСВ – тем самым, данная форма имеет фактически три прочтения, ср.:

(24) ge **ʕ̥a-j** **xa-s-e.**
он **идти:Ipf-Conv** **стать:Ipf-Inf-Cop**
а. [*Сейчас*] *он, наверное, идет.* (Гипотетическое настоящее)
б. [*В тот момент куда-то*] *он будет идти.* (Актуально-длительное будущее)
в. [*С этого дня всегда*] *он будет ходить.* (Хабитуальное будущее)

Наконец, для выражения хабитуального значения (как правило, с итеративным оттенком: 'иногда, время от времени') может использоваться форма Будущего итеративного (деепричастие НСВ + вспомогательный глагол *(a)q'as* 'делать' в форме Будущего основного):

(25) ge **ʕ̥a-j** **q'a-s-e.**
он **идти:Ipf-Conv** **делать:Ipf-Inf-Cop**
[*Время от времени*] *он* ***будет*** (*сюда*) ***ходить/захаживать.***

(26) k'eǯ-ar **lik'a-j** **q'a-s-e.**
письмо-Pl **писать:Ipf-Conv** **делать:Ipf-Inf-Cop**
[*Он уезжает, но время от времени*] ***будет*** *письма* ***писать/пописывать.***

* * *

Описываемые ниже формы принадлежат к системе форм НСВ и при этом совмещают в себе значения НСВ (напр., хабитуальное или актуально-длительное) со значением будущего времени. Названия форм даны исходя из их "основного" значения; таким значением на данном этапе мы считаем значение, в первую очередь ассоциируемое у носителей языка с данной формой – например, при просьбе привести типичный пример использования формы в предложении. Другим критерием "основного" значения мог бы служить анализ частоты различных употреблений полисемичных форм в текстах; к настоящему времени, однако, достаточно большой (для таких целей) корпус агульских текстов отсутствует.

2.2. Будущее интенциональное

Данная форма совмещает в себе интенциональное и хабитуальное значения. Первое из значений является в настоящее время основным – использование формы типа *ruXajef-e* 'собирается читать' ассоциируется у носителей языка в первую очередь с выражением намерения, нежели с хабитуальностью (которая проявляется в более специфических контекстах). В качестве формы будущего данная аналитическая форма ранее не описывалась: в [Сулейманов 1993: 149] она характеризуется просто как "настоящее время"; в др. работах не упоминается.

2.2.1. Интенциональное и проспективное значения

Будущее интенциональное, или "будущее намерения", названо так в силу того, что наиболее типичны те контексты использования данной формы, в которых говорится о намерении (обладающего волей) субъекта совершить действие:

(27) zun **ʕ̥a-je-f-e** gič.
я **идти:Ipf-Part2-A-Cop** туда
Я собираюсь *туда* ***пойти.***

(28) ma-fatxa le, zun le ʕut'a-je-f-e.
Proh-бросать:Ipf это я это **есть:Ipf-Part2-A-Cop**
*Не выбрасывай это, я это **собираюсь есть**.*

(29) [Хоть он и говорит, что не будет бить мальчика, но по его взгляду видно:]

gi ti-s **jarHa-je-f-e.**
он:Erg тот-Dat **бить:Ipf-Part2-A-Cop**
*он его **собирается побить**.*

С глаголами, которые обозначают неконтролируемые действия или же ситуации, вообще не предполагающие активно действующего агенса, форма Будущего интенционального обычно не используется. Исключение составляют лишь некоторые глаголы, ср.:
(30) [Говорящий смотрит на небо и видит, что над землей нависли темные тучи.]

uRal **uRa-je-f-e.**
дождь **выпадать:Ipf-Part2-A-Cop**
(*Вот-вот*) ***пойдет** дождь* [= *собирается дождь*].

Произнося высказывание (30), говорящий характеризует скорее ситуацию, имеющую место в момент речи, и указывает на то, что она является предпосылкой, предвестием будущего дождя; формы с подобным значением в языках мира обычно квалифицируются как "ближайшее будущее" – ср. аналогичные примеры из англ. *It's **gonna rain*** или франц. ***Il va pleuvoir*** '(скоро) пойдет дождь, собирается дождь' с грамматикализованными конструкциями, включающими вспомогательный глагол 'идти' (англ. *go*, франц. *aller*).

Таким образом, приведенные выше примеры (27)–(30) фактически описывают некоторое положение дел в настоящем, в котором видны явные признаки "подготовки" к некоторой будущей ситуации, которая должна осуществиться после момента речи (≈ 'все идет к тому, что…'). Данное значение обычно именуется в литературе "**проспективным**" (термин "prospective aspect" предложил использовать Б. Комри в своей книге "Вид" [Comrie 1976: 64–65]); понятие проспектива используется также в работах [Fleischman 1982; Emanatian 1992; Dahl 2000] и др., а в [Heine 1994] и ряде последующих статей данное значение называется "проксимативным" (proximative).

Интенциональность, т.е. значение намерения, можно считать частным (и, видимо, диахронически исходным) случаем более широкого проспективного значения: намерение агенса является одной из разновидностей "подготовки" к последующей ситуации. В агульской форме, при этом, наиболее силен именно интенциональный оттенок; проспективность в чистом виде свойственна ей в меньшей степени, и во многих случаях, когда можно было бы ожидать использование Будущего интенционального (при описании события, находящегося на грани осуществления), используется основное Будущее (см. (8)–(10) выше).

Интенциональное/проспективное значение – на что неоднократно указывалось в литературе [Comrie 1976: 64–65; Heine 1994: 36; Плунгян 2000: 297–298] – является в строгом смысле аспектуальным, а не собственно временным: оно характеризует не временную референцию ситуации, а одну из фаз развития ситуации (а именно, ее подготовительную фазу). Это значение сочетается с указанием на различную временную референцию, и значение "будущего времени" возникает в результате взаимодействия с настоящим временем как прагматическая импликация (если сообщается об имеющихся в момент предпосылках осуществления ситуации, то она скорее всего осуществится в будущем).

В агульском, как и во многих других языках, интенциональная форма прошедшего времени – Будущее в прошедшем – обозначает ситуацию в прошлом, кото-

рая имела предпосылки для осуществления, однако (скорее всего) так и не произошла

(31) maǯal xu-Xıldı,
свободное время стать Pf-как только

ʕ∘a-je-f-ij zun wa-l k'ıl dua-s
приходить:Ipf-Part2-A-Cop:Pst я ты-Super голова тянуть Ipf-Inf
*Когда будет время, я **собирался прийти** тебя проведать* [= *на тебя голову протянуть*]

(32) hage araјı kulak da-ā̄tarxu-naj-čı,
тот в промежутке ветер Neg-вырваться Pf-Res-Cond

uRal **uRa-je-f-ij.**
дождь **выпадать:Ipf-Part2-A-Cop:Pst**
*Если бы в тот момент не поднялся ветер, **пошел бы** дождь* (*собирался пойти*)

Контрфактическая импликация типологически является характерной для интенциональных/проспективных форм прошедшего времени, однако не является обязательной[11] ср (33), в котором нет указания на то, что ситуация так и не осуществилась в действительности (в данном примере значение Будущего в прошедшем близко Имперфекту, т е прошедшему времени несовершенного вида)

(33) za-l ge alčarxu-guna, zun Xula-s **quʕ∘a-je-f-ij.**
я-Super он попадаться Pf-когда я дом-Dat **возвращаться:Ipf-Part2-A-Cop:Pst**
*Когда он мне встретился, я домой **шел***

2.2.2. Хабитуальное значение

Форме Будущего интенционального свойственно также обозначение хабитуальных ситуаций, ср

(34) gı hamıša učı-s k̄ane f ʕut'a-je-f-e.
он Erg всегда сам-Dat нравиться Part-A **есть:Ipf-Part2-A-Cop**
*Он всегда **ест**, что ему* (*самому*) *нравится*

Характерно использование этой формы в ситуации, когда сообщаемая информация является новой для адресата, в т ч когда адресатом предполагалось обратное положение дел
(35) [– Что у тебя ребенок такой худой? Ничего не ест?]

ʕut a-je-f-e gı
– **есть:Ipf-Part2-A-Cop** он Erg
(*Да нет,*) ***ест** он*

(36) [– Как там твоя невестка? Не бездельничает?]

– gı **aq'a-je-f-e** kur-ar,
она Erg **делать:Ipf-Part2-A-Cop** дело-Pl

---

[11] Ср аналогичные наблюдения по поводу форм будущего в прошедшем в багвалинском языке [Кибрик 2001 346–349]

Xul-ar = ra	**ǯika-je-f-e,**	Hunı-war = ra	**uza-je-f-e…**
комната-Pl = и	**мести:Ipf-Part2-A-Cop**	корова-Pl = и	**доить:Ipf-Part2-A-Cop**

(*Да нет, как же*) *она* ***делает*** *дела – и комнаты* ***подметает****, и коров* ***доит***

В отличие от Хабитуалиса или Презенса (также выражающих хабитуальность), Будущее интенциональное в хабитуальном прочтении подчеркивает, что участие в некоторой ситуации является характерным признаком, свойством данного субъекта ('X таков, что он это делает')

2.2.3. Будущее интенциональное у стативов

Любопытная модификация значения Будущего интенционального происходит при использовании данной формы со стативными глаголами

Стативы выделяются в агульском языке в качестве отдельного класса глаголов, обладающего сокращенной по сравнению с остальными глаголами парадигмой Одна подруппа стативов, **бытийные** глаголы (*е* 'быть, являться', *amea* 'оставаться', *а* 'быть, находиться' и производные от последнего глаголы с пространственными превербами типа *a(ʃ)a* 'находиться внутри', *fa(ʃ)a* иметься в наличии, при себе', *aldea* 'находиться вверху' и т п) обладают только формами настоящего и прошедшего времени Другая подгруппа, **собственно стативные** глаголы *k̄andea* 'любить, хотеть , *Haa* 'знать', *ıtaa* 'болеть', *guč'aa* 'бояться', обладают единственной основой НСВ, у них нет основы СВ и императива, а также инфинитива – соответственно, и формы Будущего основного Вместо отсутствующих у бытийных глаголов вида временных форм используются соответствующие формы регулярного глагола *xas* 'быть, становиться', а у стативных глаголов – формы производных глаголов вступления в состояние (состоящих из неспрягаемой части" и *xas* в роли служебного глагола) *k̄an-xas* 'полюбить', *Har xas* 'узнать , *ıt̄ar xas* 'заболеть', *guč' xas* 'испугаться'

Собственно стативные глаголы обладают большинством аналитических форм от основы НСВ Презенсом, Хабитуалисом, Настоящим генерическим и Будущим интенциональным Значения первых трех форм в целом соответствуют тем значениям, которые данные формы имеют у остальных глаголов. Форма же Будущего интенционального у стативов не имеет собственно интенционального значения 'собирается сделать', а указывает на наличие в момент речи признаков проявления текущей (а не будущей) ненаблюдаемой ситуации, ср *Hajef-e* 'похоже, (он) знает', *ıtajef e* 'похоже, (он) болеет [судя по его виду]' и т п Ср также

(37) [Ребенок отказывается от конфетки, но на самом деле, я вижу]
k̄ande-je-f-e
хотеть-Part2-A-Cop
(*Ему ее съесть*) *хочется*

(38) [Он не выходит на улицу, где гуляют собаки похоже,]
guč'a-je-f-e
бояться-Part2 A-Cop
(*Он их*) *боится*

2.3. Настоящее генерическое

Основным значением данной формы является генерическое (ср "настоящее постоянное ' [Тарланов 1994 117]), а также значение "субъективного" будущего времени, Н Д Сулейманов называет данную форму просто "будущим временем [Сулейманов 1993 148–149]

2.3.1. Генерическое значение

Форма Настоящего генерического используется для обозначения генерических ("вневременных"), т е общих и установленных ситуаций и закономерностей

(39) ?urd-ana	ıxp̄-ar	**uRa-f-e.**
зима-Adv	снег-Pl	**выпадать:Ipf-A-Cop**

Зимой снега ***идут***

(40) mal-ar-ı ʔuk'-er **ʕut'a-f-e,** jak **ʕut'a-f-t̄awa.**
скотина-Pl-Erg трава-Pl **есть:Ipf-A-Cop** мясо **есть:Ipf-A-Cop:Neg**
Скотина травой ***питается*** *мясо* ***не ест***

Эта форма описывает естественный порядок вещей ('так происходит постоян но') и часто подчеркивает нормальный или даже обязательный характер ситуации (значение, близкое деонтическому 'так принято, так должно быть' и т п)

(41) ıdem-ar **ʔaša-f-t̄awa,** ze bala
мужчина-Pl **плакать:Ipf-A-Cop:Neg** мой сын
Мужчины ***не плачут***, *сынок* (≈ *так не принято*)

(42) dada šunuk̄ı-s **aluHa-f = ra e, jarHa-f = ra e,**
отец Erg ребенок-Dat **ругать:Ipf-A = и Cop бить:Ipf-A = и Cop**

amma sunuk̄-ar-ı dad-arı-s ǯuwab **c'a-f-t̄awa.**
но ребенок-Pl-Erg отец-Pl-Dat ответ **давать:Ipf-A-Cop:Neg**
Отец ребенка и ***ругает***, ***и бьет*** (≈ *и поругать и побить может так положено*), *но дети отцам* ***не отвечают***

(43) [Что же ты совсем пропал, от тебя нет известий?]

qa dada-s – bawa-s k'eǯ-ar **lik'a-f-e.**
ведь отец-Dat-мать-Dat письмо-Pl **писать:Ipf-A-Cop**
Ведь отцу-матери письма ***пишут*** (≈ *принято писать*)

Как правило, участники описываемых Настоящим генерическим ситуаций являются нереферентными, реже эта форма описывает постоянные привычки определенно-референтных участников ('X таков, что ему свойственно ') В частности, с 1-м лицом субъекта Настоящее генерическое обычно используется только в следующем типе контекстов говорящий утверждает, что он таков, что способен осуществить некоторое действие – несмотря на то, что делать так может быть не принято

(44) – qa hališt̄ı gaf-ar **lik'a-f-e-wa ?**
ведь такой слово-Pl **писать:Ipf-A-Cop-Q**
Разве такие слова (*в письме*) ***пишут*** (≈ *разве так можно*)?
– zun **lik'a-f-e !**
я **писать:Ipf-A-Cop**
(*А я вот такая плохая,*) *я* ***пишу***!

(45) [– Разве можно было так говорить?]

– zun **aRa-f-e !**
я **говорить:Ipf-A-Cop**
А я вот ***говорю*** (*я такой*)!

Параллельная форма Прошедшего генерического используется для указания на постоянную ситуацию или закономерность, характерную для длительного периода времени в прошлом (в т ч с референтным участником), ср

(46) če dada ča s hamiša **aRa-f-ij:**
наш отец Erg мы Dat всегда **говорить:Ipf-A-Cop:Pst**

sajı s = ra ʔajʕel m-aq'a, ze bala-jar!
один Dat = и зло Proh-делать Ipf мой ребенок-Pl

Наш отец всегда ***бывало говаривал*** *никому* [= *и одному*] *зла не делайте дети мои!*

2.3.2. Значение будущего времени

Форма Настоящего генерического является наиболее 'субъективной' среди форм, которые могут описывать ситуацию в будущем Она используется в тех случаях, когда говорящий основывается в своем утверждении главным образом на собственном мнении, а не на каких-либо объективных признаках непосредственной 'подготовки ситуации (как в случае с Будущим интенциональным)

Основанием для утверждения говорящего могут являться какие-либо общие знания о ситуации данного типа (см (47)) или о ее участнике (см (48)) Эти знания могут иметь характер максимально общих закономерностей и не соотноситься напрямую с тем состоянием дел, которое имеет место в момент речи

(47) [Лето стоит очень жаркое Часто бывает так, что это указывает на снежную зиму]

t̄i?	ʔurd-ana	p̄ara	ɪxp̄ ar	**uRa-f-e.**
в этом году	зима-Adv	много	снег Pl	**выпадать:Ipf-A-Cop**

Нынче зимой много снега ***будет идти*** (*по моему*)

(48) [– Сестра отказывается стирать белье – Да не беспокойся,]

ʕuč̌a-f e	gɪ!
стирать:Ipf-A-Cop	она Erg

Постирает *она* (*знаю я ее характер*)!

Использование в приведенных выше предложениях Будущего интенционального указывало бы на то, что в момент речи имеются явные следы "подготовки" данной ситуации ('собирается идти снег', 'она собирается стирать белье') Настоящее генерическое же используется даже в том случае, если само положение дел в момент речи как будто противоречит тому, что ситуация осуществится (например, в (47) ничто в момент произнесения высказывания не предопределяет будущее выпадение снега, а участник действия в (48) отказывается его совершать) Тем не менее, говорящий, на основе имеющихся у него знаний, выражает уверенность в том, что ситуация произойдет Таким образом, прямая связь между ситуацией в момент речи и будущей ситуацией в контекстах употребления Настоящего генерического отсутствует (такую субъективную связь устанавливает сам говорящий), тогда как при использовании Будущего интенционального очевидна именно взаимная обусловленность между двумя этими ситуациями

Хотя утверждение с формой Настоящего генерического в значении будущего основывается лишь на субъективном мнении говорящего, это утверждение является достаточно 'сильным', так что данная форма часто используется при попытке убеждения говорящим адресата ('вот увидишь, это произойдет!'), который имеет противоположные ожидания (обычно высказывание произносится с соответствующей интонацией)

(49) [Все ждут прихода гостя, который обещал зайти Говорящий, однако, зная характер этого человека, сомневается в том, что гость все же придет]

agₒa-s-e	wa-s,	**ʕₒa-f-t̄awa**	ge
видеть Ipf-Inf Cop	ты Dat	**идти:Ipf-A-Cop:Neg**	он

Вот увидишь (Будущее основное), *он* ***не придет*** (и не рассчитывай)

(50) [Два парня хотели подраться, но их разняли Драчун говорит, что больше не будет лезть к другому Но я ему не верю, он так просто не отступит]

wallah,	**jarHa-f-e**	gɪ	gɪ s
клянусь	**бить:Ipf-A-Cop**	он Erg	он-Dat

Ну точно [= *клянусь*], ***побьет*** *он его*!

(51) [Стоит жара, кругом засуха]

uRa-f-e, ag∘a s e wa s, jaʕa-bagah **uRa-f-e.**
дождить:Ipf-A-Cop видеть Ipf-Inf-Cop ты-Dat сегодня-завтра **дождить:Ipf-A-Cop**
Пойдет, *вот увидишь* (Будущее основное), *сегодня-завтра* ***пойдет*** *дождь*'
{≈ потому что не может так долго не быть дождя}

2.3.3. Эволюция значения будущего времени

Общее предположение об эволюции значения будущего времени у формы Настоящего генерического заключается в том, что данное, временное, значение является диахронически вторичным и возникает на основе переосмысления исходного генерического значения

Генерическое значение заключает в себе одновременно как аспектуальный, так и модальный компонент Оно входит в область имперфективных значений (значений НСВ), поскольку описывает 'открытую ситуацию, вне временных рамок Как правило, в языках с категорией вида генерическое значение выражается именно формами НСВ, и агульский язык здесь следует этой же тенденции Учитывая внутреннюю форму Настоящего генерического (причастие + бытийный глагол в форме настоящего времени, т е ≈ 'делающий есть'), можно предположить, что само генерическое значение возникло на основе обозначения свойства основного субъекта ситуации (X есть участвующий в ситуации , т е 'X таков, что ему свойственно участвовать в данной ситуации')

Генерические предложения выражают о б о б щ е н и я о свойствах индивидов и ситуаций, и этот факт (переход от наблюдения за ограниченным набором ситуаций в реальном мире к обобщению о возможных мирах) приближает генерические и хабитуальные значения к области модальности [Comrie 1985 40] Интересен в связи с этим и деонтический оттенок генерических высказываний ('так происходит всегда, это нормально, и так д о л ж н о б ы т ь') вероятно, именно этот оттенок ответственен за ту 'степень уверенности , которая характерна для Настоящего генерического в значении будущего В литературе отмечался возможный путь развития будущего времени из показателей деонтической необходимости через стадию намерения ('должен сделать' > 'собирается сделать' > 'сделает' [Bybee et al 1994 258–264]), однако применительно к агульскому материалу более вероятным кажется такой переход через стадию эпистемической модальности ('обычно делает, должен делать' > 'значит, (наверное), сделает')[12]

Итак, использование Настоящего генерического в значении будущего представляет собой прогноз на основе общей закономерности 'ситуация произойдет в будущем, поскольку так происходит всегда (так принято, это характерно для данного участника и т п)' Говорящий делает утверждение о событии в будущем, поскольку, по его мнению, это событие наиболее вероятно при сложившихся условиях как проявление общей закономерности ср в примерах выше – 'пойдет дождь (т к так долго засуха обычно не длится)' 'зима будет снежной (т к так обычно бывает после зноного лета)', 'этот человек не придет (т к ему свойственно так поступать)' и т п

2.4. Презенс

2.4 1 Стандартные презентные значения

Презенс является основной агульской формой настоящего времени, и для него характерен обычный для презентных форм круг значений актуально-длительное, т е

[12] Близкое предположение об эволюции хабитуальных форм делается также для багвалинского языка в котором форма с базовым значением хабитуалиса может иметь также значение предположительного будущего см [Кибрик 2001 360 362]

обозначение ситуации, развивающейся непосредственно в момент речи (52) и хабитуальное, т е обозначение ситуации, имеющей место регулярно или постоянно (53)–(54)

(52) haraj-ar m-aq'a, ruša dars-ar **aq'a-a.**
крик-Pl Proh-делать IPf дочь Erg урок-Pl **делать:Ipf-Prs**
Не кричи [= крики не делай], дочь (сейчас) уроки ***делает***

(53) dada har bagajmı nek̄ **Ruša-a.**
отец Erg каждый утро Adv молоко **покупать:Ipf-Prs**
Отец каждое утро молоко ***покупает.***

(54) dars-ar **ruXa-a** ruša,
урок-Pl **учить:Ipf-Prs** дочь Erg

amma bawa-s kumek-ar **q'a-dawa** hıč
но мать-Dat помощь-Pl **делать:Ipf-Prs:Neg** совсем
Уроки (всегда) ***учит*** *девочка, но маме никогда* ***не помогает***

Форма Презенса может функционировать также в нарративном дискурсе в качестве "настоящего исторического", ср

(55) ʕ̥a-a sagala Hamıd dara-s,
идти:Ipf-Prs однажды Гамид лес-Dat

alčarxa-a mı-l sa ʒınawur,
попадаться:Ipf-Prs этот-Super один волк

ʒınawur agu-f = ra sad Hamıd **alRuč'a-a** dara-l
волк видеть Pf-A = едва Гамид **влезать:Ipf-Prs** дерево-Super
Идет *как-то раз Гамид в лес,* ***встречается*** *ему волк, и едва завидев волка, Гамид* ***влезает*** *на дерево*

Для хабитуального прочтения Презенса характерны некоторые особенности, отличающие его от хабитуальных прочтений других форм НСВ (хотя в ряде контекстов они могут быть и взаимозаменимы) Так, хабитуальная ситуация, обозначенная формой Презенса, как правило, представляет собой новую информацию для говорящего это не то, что он давно и хорошо знает, а скорее то, что он узнал недавно Кроме того, источником информации обычно является сообщение какого-либо третьего лица Интересно, что эти же особенности свойственны и предстоятельному прочтению Презенса, см ниже

Параллельная Презенсу форма прошедшего времени, Имперфект, выражает те же значения, перенося их в план прошлого ср актуально-длительное в (56) и хабитуальное в (57)

(56) zun abawa(n) Xula-s šu-guna, gı Xal **aka-ji.**
я тетя(Gen) дом-Dat пойти Pf-когда она Erg дом **белить:Ipf-Pst**
Когда я пошла к тете домой, она (как раз) дом ***белила***

(57) wun hamıša kıtab-ar **ruXa-ji.**
ты всегда книга-Pl **читать:Ipf-Pst**
[*Помнится, в детстве*] *ты всегда книги* ***читала*** *(вот такой умной и стала)*

2.4.2. Предстоятельное значение

Предстоятельное значение, т е обозначение предопределенной или запланированной ситуации, которая осуществится в будущем, характерно для презентных

форм во многих языках (' настоящее в значении будущего ', ср русск *Завтра я **иду** в театр* или *Дума **рассматривает** этот закон на следующей неделе* и т п) Агульский Презенс также используется в таких контекстах, ср типичные примеры

(58) dad bagah ap q ana Hurı-s **quʕ∘a-a.**
отец завтра обед Adv село Dat **ехать:Ipf-Prs**
*Отец завтра в середине дня в село **едет***

(59) [Согласно расписанию,]

p̄ojezd seʔet c'aʔujı s **ʕ∘a-a.**
поезд час 12-Dat **идти:Ipf-Prs**
*Поезд **отходит*** (= *идет*) *в 12 часов* (FTRQ, 23)

(60) sara ısa zun mask̄awdı ʔ **jašamiš-xa-a.**
будущий год Adv я Москва In **жить-стать:Ipf-Prs**
На будущий год я буду жить (= ***живу***) *в Москве*

(61) Xuūrf, wun bagah Hurı s **quʕ∘a-a** ha'
смотреть Imp ты завтра село-Dat **ехать:Ipf-Prs** Ptcl
*Смотри, ты завтра в село **едешь***' {Мы с тобой раньше договаривались, я тебе напоминаю }

Предстоятельное прочтение агульского Презенса имеет две существенные особенности

Во первых, наиболее широко форма Презенса используется с третьим лицом субъекта В контексте же 1-го лица она достаточно свободно употребляется с рядом глаголов (прежде всего глаголами движения[13], в контекстах типа 'завтра я **еду** в го род'), но в целом для выражения личных планов говорящего предпочтительно использование Будущего основного или Будущего интенционального Если же Пре зенс употреблен с 1-м лицом, то он скорее указывает на то, что участие говорящего в ситуации является вынужденным или решено, возможно, без его участия, ср

(62) zun Xula-ʔ **ilg∘a-a.**
я дом In **оставаться:Ipf-Prs**
[*Как решили родители, вечером*] *я **остаюсь** дома*

(63) [Не обнаружив в холодильнике еду, говорящий понял, что ему придется есть вчерашний суп Через некоторое время на вопрос мамы, не приготовить ли ему что-нибудь поесть, он отвечает]

– zun šurpa **ʕut'a-a.**
я суп **есть:Ipf-Prs**
[*Нет, ладно –*] *я* (*уже*) *суп **ем***

Подобная ситуация (предпочтительность Презенса в предстоятельном прочтении с 3 м, а не с 1-м лицом) достаточно неожиданна, поскольку обычно предполагается обратное ср , в частности, некоторые статистические данные по романским языкам в [Dahl 2000a 316], показывающие, что контексты с 1 м лицом более благоприятны для выбора презентных, чем каких-либо маркированных форм' (имеются в виду маркированные футуральные формы) Агульскии же Презенс по всей видимости,

---

[13] Глаголы движения типологически являются, по видимому прототипическими лексема ми с предстоятельным прочтением презенса

подчеркивает объективный, установленный, "решенный' характер будущей ситуации, а не только (и не столько) субъективное намерение участника осуществить действие

Во-вторых, часто использование Презенса указывает на то, что информация о некоторой решенной, запланированной ситуации является новой для говорящего и/или что он узнал об этом недавно от третьих лиц

(64) bagah xın kar **aq'a-dawa.**
завтра мы дело **делать:Ipf-Prs.Neg**
Завтра мы ***не работаем*** {Мне сейчас только об этом сообщили } (≈FTRQ, 12)

(65) bagah raR seʔet ɟerxıjı s **Rajša-a.**
завтра солнце час 6 Dat **вставать:Ipf-Prs**
Завтра солнце ***встает*** *в 6 часов* {Я только что услышал об этом на лекции } (≈FTRQ, 53)

В подобных контекстах для обозначения ситуации, неизбежность осуществления которой хорошо известна говорящему, также предпочтительно использование Будущего основного или Будущего интенционального[14], ср следующие пары, в первых вариантах которых использовано Будущее интенциональное, а во вторых Презенс

(66а) dad ɟaʕa **quʕ₀a-je-f-e.**
отец сегодня **возвращаться:Ipf-Part2-A-Cop**
Отец сегодня ***возвращается/вернется*** {Еще уезжая, он сказал, что вернется в этот день}

(66б) dad ɟaʕa **quʕ₀a-a!**
отец сегодня **возвращаться:Ipf-Prs**
Отец сегодня ***возвращается***! {Неожиданное известие говорящий только сейчас узнал это от кого-то, возможно от самого отца (например, тот звонил по телефону и сообщил, что взял обратный билет) }

(67а) ču **ilg₀a-je-f-e.**
брат **оставаться:Ipf-Part2-A-Cop**
(*Сегодня*) *брат* ***остается*** {Это было оговорено давно, и я это знаю }

(67а) ču **ilg₀a-a.**
брат **оставаться:Ipf-Prs**
(*Сегодня*) *брат* ***остается*** {Мне только что сказали }

Форма Презенса в (67б) могла бы быть использована также в ситуации, когда говорящий и его брат только что решили, что брат останется дома, и говорящий сообщает об этом адресату

Презенс значительного числа глаголов (порядка 20% из исследовавшегося списка, включавшего около 200 лексем) не имеет предстоятельного значения[15], в первую очередь это

---

[14] Аналогично, в (64) использование формы Будущего интенционального *aq ajef-ī̄awa* не работаем было бы уместно в ситуации, когда говорящии заранее знает о будущей ситуации (например, завтра же суббота, завтра мы не работаем')

[15] Аналогичные ограничения на предстоятельную интерпретацию Презенса обычно отмечаются и для других языков ср [Булыгина 1982 80, Comrie 1985 47–48, Кибрик 2001 346–349] и др

* глаголы с субъектом, не являющимся человеком *mew q'as* 'мяукать', *q̄aq̄ra jarHas* 'кудахтать', *č'aq'raq' aq'as* 'скрипеть', *ut'as* 'гнить', *šınt'e xas* 'вянуть', *uc'as* 'таять', *ugas* 'гореть', *adaqas* 'рассыпаться', *arʃas* 'ломаться, биться', *č'urXas* 'рваться' и т п.,

* неконтролируемые глаголы – *kurq'as* 'касаться', *Hemčı(jar) aqas* 'чихать', *uHu(jar) aq'as* 'кашлять', *zurzas* 'дрожать, трястись', *šawla-xas* 'уставать', *k'es* 'умирать', *un-xas* 'слышать', *kʿalas ʃ̊as* 'забывать', *k̄andea* 'нравиться, любить, хотеть', *guč'aa* 'бояться', *īīaa* 'болит, болеет' и др.[16]

Следует отметить, что предстоятельное значение Презенса не является некоторым особым "временным" его значением, но является фактически одним из частных значений НСВ Так, Имперфект также может обозначать ситуацию, которую предстояло осуществить в некоторой точке отсчета, в данном случае, в прошлом

(68) pul	ǯık'ı-naj-č'ı,	**ʃ̊a-ji**	ge	šahardı-s
деньги	найти Pf-Res-Cond	**ехать:Ipf-Pst**	она	город-Dat

*Она **собиралась поехать** (≈ поехала бы) в город, если бы нашла деньги*

Именно видовой, а не временной характер "предстоятельности подчеркивался и в работах по русской аспектологии, ср [Падучева 1996 116] В работах [Булыгина, Шмелев 1997 168, Зализняк, Шмелев 2000 30] указывается также, что в предложениях с настоящим 'в значении будущего ' речь идет, в действительности, все же о настоящем 'проверка истинности высказываний рассматриваемого типа осуществляется не в будущем, а в настоящем ', в силу чего термин ' настоящее в значении будущего" оказывается не вполне адекватным, т к речь идет именно о "настоящем в значении настоящего" Например, для того, чтобы убедиться в истинности высказывания *Завтра я **читаю** лекцию*, не надо ждать завтрашнего дня, ср также пример, из которого можно сделать вывод, что как раз в будущем ситуация скорее всего не осуществится *Завтра я **читаю** лекцию, но думаю ее отменить* [Булыгина, Шмелев 1997 168]

Тем самым, Презенс описывает ситуацию в будущем, как если бы она уже происходила сейчас, в момент речи, и действительно, уже в момент речи (или точке отсчета в прошлом в случае с Имперфектом) имеется некоторая определенность, решенность по поводу того, что ситуация будет иметь место

По-видимому, можно утверждать, что предстоятельное значение является одним из значений НСВ настоящего времени, появляющимся на достаточно поздних стадиях грамматикализации данной формы "новый презенс ' начинается обычно как чисто актуально-длительная форма, в дальнейшем же его значение все более обобщается (в т ч ослабевают ограничения на сочетаемость только с динамическими глаголами) и он превращается в стандартный презенс", выражающий также хабитуальное и предстоятельное значения, дальнейшая эволюция может привести к превращению в общую форму настояще-будущего времени В дальнейшем, при появлении другой формы нового презенса , для выражения актуально-длительного значения "старый презенс' перестает использоваться, и сфера его употребления сужается до обозначения хабитуальности и/или будущего времени (см также 2 5 3)

2.5. Хабитуалис настоящего времени

Основным значением данной формы является хабитуальное (ср "настоящее общее" [Магометов 1970 129], "настоящее обобщенное" [Тарланов 1994 116]), в качестве второстепенного, а по диалектам основного, зафиксировано также значение будущего времени (ср "будущее общее" [Сулейманов 1993· 146–147])

---

[16] Некоторые из перечисленных глаголов являются лабильными и имеют предстоятельное значение при переходной модели управления (ср , *uc'as* 'таять, растапливать', *ugas* 'гореть, жечь', *adaqas* 'рассыпаться, рассыпать', *arʃas* 'ломаться, ломать', *č urXas* 'рваться, рвать')

2.5.1. Хабитуальное значение

Форма Хабитуалиса в хпюкском говоре является специализированной хабитуальной формой настоящего времени она обозначает регулярно повторяющиеся события (69)–(70), в т ч такие ситуации, участие в которых является характерным для субъекта (71)–(72)

(69) [– Что твой брат обычно делает по утрам?]

– gɪ k'eǯ-ar **lik'a-j-e.**
он Erg письмо-Pl **писать:Ipf-Conv-Cop**
*Он **пишет** письма*

(70) ze gadajɪ har bagajmɪ zaradk̄a-jar **aq'a-j-e.**
мой сын·Erg каждый утро Adv зарядка-Pl **делать:Ipf-Conv-Cop**
*Мой сын каждое утро зарядку **делает***

(71) gɪ p̄ara p'ap'ruc-ar **dua-j-e.**
он Erg много папироса Pl **тянуть:Ipf-Conv-Cop**
*Он много **курит** [= папиросы тянет]*

(72) hıč, adı-guna, sa ısītık'an čaj = ra **uXa-j-dewa,**
совсем приходить.Pf-когда один стакан чай = и **пить:Ipf-Conv-Cop:Neg**

sa q'ac' gunı = ra **ʕut'a-j-dewa.**
один кусок хлеб = и **есть:Ipf-Conv-Cop:Neg**
*Он, когда придет, никогда [= совсем] ни стакана чая **не выпьет**, ни куска хлеба **не съест***

Особенностью хабитуального значения данной формы является подчеркивание повторяемости некоторого события (так называемый "узитативный" тип хабитуальности, следуя терминологии из [Плунгян 2000. 295–296])

Параллельная форма прошедшего времени, т.е. Хабитуалис в прошлом, выражает то же значение в плане прошлого (напомним, что Хабитуалис в прошлом в утвердительной форме совпадает с Имперфектом)

(73) caca-n ıs-t̄ı uRal-ar **uRa-j-i.**
прошлый год-Gen год-Adv дождь-Pl **выпадать:Ipf-Conv-Cop:Pst**
*Весь прошлый год **шли** дожди*

(74) bıc'ı waXt-una = ra **aq'a-j-düj** gɪ pu kar
маленький время-Adv = и **делать:Ipf-Conv-Cop:Pst** он Erg говорить.Pf дело
*Он и когда маленький был, **не делал** того, что ему говорят [= сказанное дело]*

2.5.2. Значение будущего времени и другие функции

По данным Н.Д Сулейманова, в керенском диалекте и некоторых говорах собственно агульского диалекта эта форма функционирует в качестве будущего времени ("будущее общее"), ср *q'aj-e* 'буду делать', *c'aj-e* 'дам' и пр [Сулейманов 1993. 146–147]. К сожалению, более подробные сведения об употреблении этой формы в указанных диалектах отсутствуют

В хпюкском говоре Хабитуалис также может выражать будущее время, однако лишь в специфическом прагматическом контексте – при **категорическом отказе** в ответ на просьбу о немедленном осуществлении действия (≈ 'я так делаю и буду делать по-своему!'), ср

(75) [– Зачем ты это пишешь? Не пиши!]

– **lik'a-j-e** zun!
писать:Ipf-Conv-Cop я
[*Нет,*] *я* ***буду писать***!

(76) [– Иди туда!]

– ʕ̊a-j-dewa zun!
идти:Ipf-Conv-Cop:Neg я
Да ***не пойду*** *я*!

В данном употреблении Хабитуалиса большую роль играет модальный – а именно, дезидеративный – компонент 'я хочу и буду это делать (несмотря ни на что)' Как правило, в этом значении форма используется с 1-м лицом, в контексте 3-го лица она может использоваться разве что в том случае, если говорящий отвечает на чью то просьбу, принимая решение за другого (скорее всего, за ребенка) ср *ʕ̊aj-dewa ge*! 'да **не пойдет** он!' В любом случае, употребление данной формы подразумевает явное "сопротивление" предложению или просьбе слушающего, т е она является достаточно резкой и вряд ли приемлема, например, в разговоре с посторонними людьми

Еще одно употребление Хабитуалиса характерно для ситуаций, когда говорящий (обычно несмотря на свое внутреннее несогласие) показывает адресату, что предоставляет ему делать то, что тот желает, ср

(77) [– Вот, меня друзья зовут в гости, так бы хотелось туда съездить]

– quʕ̊a-j-e sara!
ехать:Ipf-Conv-Cop Ptcl
Ну так езжай // Так надо поехать (≈ *Езжай, раз так хочется, что тогда меня спрашивать*!)

Параллельной форме плана прошлого это своеобразное значение "уступки слушающему" также свойственно речь в данном случае идет, однако, уже о нереализованном действии в прошлом, которое, по мнению говорящего, стоило осуществить, т е о некоторой "упущенной возможности" Как и в настоящем времени, Хабитуалис в данном употреблении обычно сочетается с усилительной частицей *sara*

(78) [– Эх, зря же я туда тогда пошел!]

– **ʕ̊a-j-dúj** sara!
ехать:Ipf-Conv-Cop:Neg Ptcl
Так не ходил бы! *// Не надо было идти*!

Наконец, еще одно специфическое употребление Хабитуалиса характерно для **частных вопросов** о ситуации в плане будущего При этом в вопросительных предложениях с конечной позицией глагола-сказуемого вновь проявляется дезидеративный компонент (о котором уже шла речь выше), хотя на этот раз речь идет о желании не говорящего, а адресата, которого говорящий просит сообщить, как именно (в соответствии с решением адресата) будет развиваться ситуация Ср вопросительные предложения, описывающие ситуацию в будущем, с формами Будущего основного (без каких-либо специфических модальных оттенков), Презенса (с указанием на решенный, предопределенный характер ситуации) и Хабитуалиса (с дезидеративным компонентом)

(79a) ge najč **ʕ̊a-s-e?**
он куда **идти:Ipf-Inf-Cop**
Он куда ***пойдет***? {Стандартный вопрос о будущем, говорящий хочет нечто узнать у адресата }

(79б) ge najč **ʕ̥a-a?**
он куда **идти:Ipf-Prs**
Куда он (завтра) идет? {*как было решено ранее*}

(79в) ge najč **ʕ̥a-j-e?**
он куда **идти:Ipf-Conv-Cop**
*Ему куда **пойти**?* {Каждому надо куда то пойти, реши, куда ты хочешь, чтобы пошел он?}

Интересно, что при изменении порядка слов – а именно, при расположении вопросительного слова в начале, а именной группы, соответствующей одному из основных актантов, после глагола – характер вопроса меняется подобные вопросы имеют чисто **риторический** характер, т е говорящий в данном случае не ожидает от адресата ответа Ср (80), соответствующий (79в) выше

(80) najč **ʕ̥a-j-e** ge?
куда **идти:Ipf-Conv-Cop** он
*Куда ему **пойти**? (≈ Да куда он пойдет!? ведь идти то ему некуда)*

Логическое ударение в примерах типа (80) приходится на вопросительное слово, тогда как в (79в) выделен именно актант, выраженный расположенной в начале предложения именной группой Ср также другие примеры вопросительных предложений с Хабитуалисом, имеющих по два прочтения, в зависимости от порядка слов

(82а) gɪ fi **q'a-j-e?**
он Erg что **делать:Ipf-Conv-Cop**
*Ему что **делать**? (≈ Скажи, что из дел, распределенных между разными людьми, ты отводишь для него?)*

(82б) qa fi **q'a-j-e** gɪ?
Ptcl что **делать:Ipf-Conv-Cop** он Erg
*Что же ему **делать**?* {безвыходное положение сделать ничего нельзя}

(83а) wun fi **ʕut'a-j-e?**
ты что **есть:Ipf-Conv-Cop**
*Ты что **будешь есть**? (≈ Выбери, что из нескольких имеющихся блюд ты хочешь есть?)*

(83б) fi **ʕut'a-j-e** wun?
что **есть:Ipf-Conv-Cop** ты
*Что же ты **будешь есть**? (≈ Что бы тебе поесть? поесть нечего)*

2.5.3. Эволюция значения будущего времени

Возможная полисемия футурального и хабитуального значений отмечалась в литературе, и в качестве объяснения причин такой полисемии в работе [Bybee et al 1994] была выдвинута следующая гипотеза (получившая дальнейшее развитие в специальном исследовании [Haspelmath 1998]) Формы, совмещающие хабитуальное и футуральное значения, являются бывшими презентными формами ("old presents"), которые в свое время обладали полным набором прочтений, свойственных таким формам актуально-длительным, хабитуальным, а также 'настоящим в значении будущего" (см также 2 4), такие формы со временем могут приобрести общее значение настояще-будущего времени При этом конструкциям, выражающим только актуально-длительное значение, свойственно 'обновляться соответственно, если в

языке возникает новая форма с таким узким значением, то форма "старого презенса' постепенно выходит из употребления в соответствующих контекстах Тем самым, "появившийся новый презенс забирает себе ряд ядерных функций прежнего презенса, оставляя ему набор разрозненных функций" [Bybee et al 1994 277] Среди таких функций часто оказываются именно выражение хабитуалиса и будущего времени, хотя если в языке имеется самостоятельное будущее время, то и футуральное значение "старого презенса" постепенно утрачивается [Haspelmath 1998 35]

По всей видимости, в случае агульского Хабитуалиса можно предполагать аналогичную линию развития Актуально длительное значение выражается в настоящее время Презенсом, имеется и специальная форма будущего времени, вместе с тем, футуральное значение Хабитуалиса не полностью исчезло в некоторых диалектах данная форма функционирует как будущее время, в хпюкском же говоре она выражает хабитуалис, но существует ряд контекстов, в которых именно эта форма, а не Будущее основное используется для описания будущей ситуации

Полисемия футурального и хабитуального значений, проистекающая из сокращения функциональной сферы 'старых презенсов', отмечалась для ряда нахско-дагестанских языков (хотя специально она не исследовалась) так, в работе [Haspelmath 1998 38–39] к формам с такой полисемией автор относит лезгинское будущее время с суффиксом *-da*, в работе [Мусаев 1983 47–49] высказывается предположение о том, что будущие времена одних даргинских диалектов и настоящие общие" (хабитуальные) времена других возводятся к более древней форме настояще-будущего времени, в [Кибрик 2001 360–362] рассматривается (хотя и отвергается) гипотеза о том, что хабитуальная форма, имеющая также футуральное прочтение, может являться 'старым презенсом'

Не исключена, конечно, и возможность того, что специфические значения хпюкского Хабитуалиса (в частности, связанные с дезидеративным оттенком) развились каким-либо самостоятельным путем, а не в результате исчезновения части функций "старого презенса'[17] Тем не менее, для объяснения диалектных различий (хабитуалис в одних и будущее время в других говорах) наиболее приемлемой кажется именно эта гипотеза В целом, явление 'хабитуально-футуральной' полисемии характерно для всех трех восточнолезгинских языков, о лезгинском речь уже шла выше, а в табасаранском языке наблюдается явление, сходное с агульским аналитическая форма, состоящая из деепричастия несовершенного вида и вспомогательного глагола в настоящем времени, в северном диалекте выступает в качестве "настоящего общего" (при наличии особой формы будущего времени), а в южном (в частности, в хивском говоре) – еще и в качестве единственного будущего времени [Магометов 1965 247–249]

2.6. Другие формы, выражающие временную референцию к будущему

Описание средств выражения временной референции в будущем в агульском языке было бы неполным без упоминания еще трех форм это причастие будущего времени, которое используется для обозначения ситуации, которая должна осуществиться в будущем, в зависимых предложениях, это особая конструкция со значением 'еще предстоит сделать', а также форма прошедшего времени СВ, имеющая "превентивное" значение

2.6.1. Причастие будущего времени

Причастие будущего времени, или третье причастие НСВ (с показателем {-de-}) используется только в типичных функциях причастия в качестве определения име-

[17] В этой связи можно вспомнить английскую конструкцию с глаголом *will*, которая сохраняет как исходное дезидеративное значение (а исходно данный глагол означал 'хотеть'), так и используется для выражения будущего времени (ср *will do* 'будет делать'), а в прошедшем времени может передавать также хабитуальное значение (ср *would do* 'делал, бывало')

ни и в именных сказуемых, оно также может субстантивироваться Аналитических форм сочетания глагола *е* с этим причастием не образуют причастие в данном случае выполняет функцию именной части сказуемого На это указывает как то, что субъект глагола *е* оформляется номинативом (а не эргативом, как это было бы в аналитической форме переходного глагола *ruXas*), так и согласование причастия с субъектом по числу (ср *kıtab-ar zun ruXajde-ī-ar e* 'книги, **которые я буду читать**'), чего также не происходит в аналитических формах

Как правило, третье причастие имеет значение 'тот (или такой), кто будет/собирается участвовать в данной ситуации', ср данное причастие в сравнении с двумя другими причастиями НСВ, имеющими хабитуальное (причастие 1) и актуально-длительное (причастие 2) значения

(84а) qab-ar ʕuča-f fiš eʔ
посуда-Pl **мыть:Ipf-A** кто Erg Cop
Кто (есть тот, который) ***моет*** *посуду?* {вообще, по роду занятий}

(84б) qab-ar ʕuča-je-f fiš eʔ
посуда-Pl **мыть:Ipf-Part2-A** кто Erg Cop
Кто (есть тот, который) ***моет*** *посуду?* {сейчас, в данный момент}

(84в) qab-ar ʕuča-jde-f fiš eʔ
посуда-Pl **мыть:Ipf-Part3-A** кто Erg Cop
Кто (есть тот, который) ***будет/собирается мыть*** *посуду?*

Ср также другие типичные примеры употребления причастия будущего времени (причастие маркируется показателем *-f* || *-ī-* и изменяется по числам и падежам только при субстантивации или в именном сказуемом)

(85) zawarı-as **uRa-jde** ıxp̄-arı-q e = wa wun Ruzu-naje-fʔ
небо-In Elat **выпадать:Ipf-Part3** снег-Pl-Post Cop = Q ты ждать Pf-Part2-A
Ты, что, ждешь снегов, ***которые выпадут*** *с неба?*

(86) bagah **quʕ̥a-jde** Hul-arı-s qa-ık'a-ī-ar
завтра **возвращаться:Ipf-Part3** гость-Pl-Dat Re-класть Ipf-A-Pl
Hazur q'e
подготовка делать Imp
Гостям, ***которые*** *завтра* ***уезжать собираются****, приготовь подарки* (= *то, что обратно кладут*)

(87) [Вот увидишь, узнав об этом,]

quʕ̥a-jde-f e ge, wallah, ɟaʕa,
возвращаться:Ipf-Part3-A Cop он клянусь сегодня
он наверняка ***приедет*** (= *он есть тот, который приедет*) *сегодня* (*Наверняка он не выдержит*)

(88) [– Давайте на Новый год всю ночь праздновать! – Да я не смогу,]

zun **Rarxa-jde-f** e, wallah!
я **засыпать:Ipf-Part3-A** Cop клянусь
я наверняка ***усну!*** (≈ *уж я знаю я по нутру такой, что точно усну*)

(89) [Поднялся ветер, кузнечики трещат, птицы низко летают]

uRa-jde-f e
дождить:Ipf-Part3-A Cop
(*на улице все такое, что кажется –*) ***будет дождь***

Как видно по приведенным примерам, причастие будущего времени может выражать те же оттенки значений, которые передаются различными финитными формами как "просто' ситуацию в будущем (85), так и намерение в плане настоящего осуществить в будущем действие (86), и будущее время, связанное с генеричностью ('ситуация произойдет, поскольку участник таков, что ему свойственно участвовать в такой ситуации', ср (88)), и проспективность (89)

Причастию в функции определения имени, обозначающего неодушевленный предмет, свойственно также значение 'то, что предназначено для участия в данной ситуации', ср

(90) kun-ar **ʕuča-jde** p̄arašuk'
одежда-Pl **стирать:Ipf-Part3** порошок
стиральный *порошок* (= *предназначенный для стирки одежды*)

(91) me p̄eš-ar **ʕut'a-jde-t̄-ar** e
этот лист-Pl **есть:Ipf-Part3-A-Pl** Cop
Это ***съедобные*** *листья* [= *эти листья есть такие, которые для еды*]

(92) **ʕut'a-jde** k̄art̄uf-ar **masa c'a-jde-t̄-ari-q-as** ǯure q'e
есть:Ipf-Part3 картофель-Pl **продавать:Ipf-Part3-A-Pl-Post-Elat** отделять Imp
Картофель, ***который будем есть****, отдели* ***от того, который на продажу***

2.6.2. Конструкция с глаголом atea 'оставаться'

Конструкция с инфинитивом смыслового глагола и вспомогательным глаголом *atea* 'оставаться' указывает на действие, которое, возможно, уже осуществляется в момент речи (или было осуществлено до него) и которое еще предстоит осуществлять в будущем, ср
(93) [– Сколько же ты уже спишь¹]

– zun **Rarxa-s** **ame-a.**
я **спать:Ipf-Inf** **оставаться-Prs**
Я еще (*и дальше*) ***буду спать*** (≈ *Мне еще спать и спать*¹)

(94) [– Ты знаешь, он написал жалобу¹]

– gı **lik'a-s** **ame-a.**
он Erg **писать:Ipf-Inf** **оставаться-Prs**
Да он еще (*много чего*) ***напишет***¹ (≈ *Ему еще писать и писать*¹)

В некоторых случаях акцент при употреблении данной конструкции делается не на осуществлении ситуации в будущем ('еще предстоит сделать'), а скорее на ее неосуществлении в прошлом, ср

(95) gena = ra **quʕ◦a-s** **ame-a** ılsan-ar
вдобавок = и **приезжать:Ipf-Inf** **оставаться-Prs** человек-Pl
Есть еще люди, которые ***приедут*** [= *остаются приехать*]

(96) hal = la **quʕ◦a-s** **ame-a.**
сейчас = и **приезжать:Ipf-Inf** **оставаться-Prs**
Он ***все еще*** [= *и сейчас*] ***не приехал*** [= *остается приехать*]

2.6.3. "Превентивное" значение прошедшего времени СВ

Прошедшее перфективное, которое является основной агульской формой прошедшего времени (совершенного вида), может использоваться при указании на событие, которое вот-вот неминуемо случится, ср

(97) laha nek̄ **lajšu-ne!**
вон там молоко **убегать:Pf-Aor**
Смотри, сейчас молоко ***убежит*** [= *вот убежало*]'

(98) laha **alurq'u-ne!**
вон там **падать:Pf-Aor**
Осторожно, ***упадешь*** [= *вот упал*]'

Данная форма представляет еще не совершившееся событие как уже совершившееся и используется в тех случаях, когда говорящий хочет как можно быстрее обратить внимание адресата на некоторую ситуацию (и, скорее всего, предотвратить ее) Прошедшее перфективное – это единственная форма системы СВ, которая может обозначать временную референцию в плане будущего

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано выше, агульскую видо-временную систему отличает многообразие способов выражения будущего времени Особо стоит отметить целый ряд случаев совмещения футурального значения и хабитуального значения (хабитуалиса настоящего времени либо вневременного) имеется целый ряд форм, способных выражать именно эти два значения, при том, что распределение контекстов предпочтительности каждой из форм достаточно нетривиально и связано с дополнительными семантическими оттенками Формы "плана настоящего", образуемые от основы НСВ при помощи вспомогательного глагола настоящего времени, фактически составляют группу форм настояще-будущего времени (они противостоят формам от основы СВ как группе форм прошедшего времени)

Как представляется, исходным значением во всех случаях является значение НСВ, значение будущего времени появляется различными путями, но общее заключается в постепенном процессе "темпорализации" исходных аспектуальных (или производных от них модальных) значений Подобная вторичность темпоральных значений, прежде всего будущего, отмечалась в литературе, см , из последних работ, [Dahl 2000a 313] Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что будущее время возникает как одно из частных значений НСВ, в первую очередь – настоящего времени НСВ (Эти же частные значения проявляются, как правило, и в параллельных формах НСВ "плана прошлого ')

Агульский язык демонстрирует следующие пути развития значения будущего времени у форм несовершенного вида

* будущее время как одно из частных значений **презентных форм** на определенной стадии грамматикализации презенс начинает использоваться для указания на событие в будущем, "как если бы оно уже осуществлялось в момент речи" (планирование/предстояние, форма Презенса), это значение становится все более общим, но на поздних этапах существования "старого презенса" сохраняются лишь некоторые специфические контексты, в которых форма описывает ситуацию в будущем (форма Хабитуалиса),

* будущее время как вторичное значение формы с **генерическим**, т е "вневременным , значением на основе знания общей закономерности появляется возможность делать прогноз об осуществлении ситуации в будущем (форма Настоящего генерического)

Эволюция Будущего интенционального еще нуждается в дальнейшем изучении и объяснении Предполагать в данном случае полисемию футурального и хабитуального значений на основе развития "старого презенса", по-видимому, нет оснований во-первых, таких "старых презенсов" вряд ли может быть много, а во-вторых, интенциональное значение, как правило, является одним из ранних и первичных в футуральной области, а не, напротив, поздним и ' остаточным"

Агульский язык демонстрирует и определенную тенденцию Будущего основного к модализации (прежде всего это касается форм с глаголом *xas*, а также формы Ирреалиса, т е. бывшего "Будущего основного в прошедшем") Интересна также асимметрия плана выражения (основа НСВ) и плана содержания (перфективность) Будущего основного

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 1985 – *М Е Алексеев* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков Морфология Синтаксис М , 1985

Алексеев 1988 – *М Е Алексеев* Сравнительно историческая морфология аваро-андийских языков М , 1988

Алексеев, Сулейманов 2001 – *М Е Алексеев, Н Д Сулейманов* Агульский язык // Языки мира Кавказские языки М , 2001

Булыгина 1982 – *Т В Булыгина* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов М , 1982 [См также *Т В Булыгина, А Д Шмелев* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М , 1997]

Булыгина, Шмелев 1997 – *Т В Булыгина, А Д Шмелев* Идентификация событий онтология, аспектология, лексикография // *Т В Булыгина, А Д Шмелев* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М , 1997

Дирр 1907 – *А Дирр* Агульский язык Тифлис, 1907

Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А Зализняк, А Д Шмелев* Введение в русскую аспектологию М , 2000

Кибрик 2001 – *А Е Кибрик* (ред -сост) Багвалинский язык Грамматика Тексты Словари М , 2001

Магометов 1965 – *А А Магометов* Табасаранский язык Тбилиси, 1965

Магометов 1967 – *А А Магометов* Агульский язык // Языки народов СССР Том IV Иберийско-кавказские языки М , 1967

Магометов 1970 – *А А Магометов* Агульский язык Исследования и тексты Тбилиси, 1970

Маслов 1990 – *Ю С Маслов* Будущее время // Лингвистический энциклопедический словарь М , 1990

Мерданова, Майсак 2002а – *С Р Мерданова, Т А Майсак* Будущее время в агульском языке типологические особенности // Третья зимняя типологическая школа Международная школа по лингвистической типологии и антропологии М , 2002

Мерданова, Майсак 2002б – *С Р Мерданова Т А Майсак* Агульский язык (Серия 'Языки народов России") М , 2002 [Рукопись]

Мусаев 1983 – *М -С М Мусаев* Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение) Махачкала, 1983

Падучева 1996 – *Е В Падучева* Семантические исследования М , 1996

Плунгян 2000 – *В А Плунгян* Общая морфология введение в проблематику М , 2000

Серебренников 1974 – *Б А Серебренников* Вероятностные обоснования в компаративистике М , 1974

Сулейманов 1993 – *Н Д Сулейманов* Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка Махачкала, 1993

Сулейманов 2000 – *Н Д Сулейманов* Агульский язык // Языки Дагестана Махачкала, М , 2000

Тарланов 1994 – *З К Тарланов* Агулы их язык и история Петрозаводск, 1994

Тарланов 1997 – *З К Тарланов* Агульский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств Т 1 М , 1997

Шаумян 1935 – *Р М Шаумян* Предварительное сообщение об агульском языке // Язык и мышление III–IV Л , 1935

Шаумян 1941 – *Р М Шаумян* Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем) М , Л , 1941
Bybee et al 1991 – *J L Bybee W Pagliuca, R Perkins* Back to the future // E C Traugott, B Heine (eds) Approaches to grammaticalization V 1 Amsterdam, 1991
Bybee et al 1994 – *J L Bybee R Perkins W Pagliuca* The evolution of grammar Tense, aspect and modality in the languages of the world Chicago, 1994
Comrie 1976 – *B Comrie* Aspect Cambridge, 1976
Comrie 1985 – *B Comrie* Tense Cambridge, 1985
Dahl 2000a – *O Dahl* The grammar of future time reference in European languages // *O* Dahl (ed) Tense and aspect in the languages of Europe Empirical approaches to language typology Berlin 2000
Dahl 2000b – *O Dahl* (ed) Tense and aspect in the languages of Europe Empirical approaches to language typology Berlin, 2000
Emanatian 1992 – *M Emanatian* Chagga 'come' and 'go' metaphor and the development of tense-aspect // Studies in language 16–1 1992
Fleischman 1982 – *S Fleischman* The future in thought and language diachronic evidence from Romance Cambridge, 1982
Haspelmath 1998 – *M Haspelmath* The semantic development of old presents New futures and subjunctives without grammaticalization // Diachronica 15–1 1998
Heine 1994 – *B Heine* On the genesis of aspect in African languages The proximative // Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society Special session on historical issues in African linguistics Berkeley, 1994
Ultan 1978 – *R Ultan* The nature of future tenses // J H Greenberg (ed) Universals of human language V 3 Word structure Stanford, 1978

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

© 2003 г. Х. ПФАНДЛЬ

О СИЛЕ И БЕССИЛИИ ПУРИЗМА. АНГЛИЦИЗМЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, СЛОВЕНСКОГО И ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящается XIII МСС

Все языки мира, в том числе и славянские, на протяжении всей своей истории сталкивались и сталкиваются до сих пор со множеством других языков, будь то по принципу соседства (напр , русский язык и финский, польский, скандинавские и тюркские языки, словенский и немецкий, итальянский, хорватский, хорватский и венгерский, сербский, словенский), или культурного влияния (русский и церковно славянский, греческий, все указанные языки и латынь) В работе о роли Других языков в истории хорватского языка Р Катичич приходит к выводу, что влияние латыни на хорватский было настолько сильным, что, "писать по хорватски в некотором смысле означает писать по-латински" [Katičić 1997 111] Церковнославянский язык же многие исследователи считали "переодетым греческим"

Когда названные языки сталкивались друг с другом в истории, чужой языковой материал либо перенимался (прямое заимствование), либо переводился (калька), и этот процесс продолжается по сей день, правда, в разных языках в разной степени и по-разному Между этими крайними возможностями существует ряд переходных стадий, и не всегда легко определить, идет ли речь о заимствовании, полупереводе/полукальке, семантической кальке или другой разновидностью этого явления В частности, это касается определения степени зависимости неологизма (см об этом [Muhvic-Dimanovski 1992]) Проиллюстрируем это на примере нескольких слов из русского, хорватского и словенского языков, которые в давние времена были образованы на базе классических или европейских моделей При этом мы не будем вдаваться в подробные рассуждения об источнике каждого отдельного слова в каждом отдельном языке, так как возможный европейский язык-посредник или даже славянский язык-посредник не всегда возможно определить с достаточной определенностью (примеры отчасти взяты из работ [Арапова 2000, Prunč 1967])

Подобные кальки вовсе не обязательно приживались в языке, и нередки случаи, когда попытки адаптации не увенчались успехом В работе [Арапова 2000· 40–41] приводится ряд примеров, свидетельствующих о том, что некоторые замены, кажущиеся на первый взгляд удачными, не вошли в русский язык и сегодня напрочь забыты Так, *аквамарин* не стал *мореводом*, *антрацит – угляком*, *безе – поцелуем*, *бинокль – двуглазом*, *доминанта – владычественной*, *калория – теплушкой*, *колоннада – столпением* (к слову *столп* 'колонна'), и даже *патриотизм*, предназначенный, казалось бы, для исконно русской альтернативы, не стал ни отечественностью (предложенной А В Суворовым в 1796 году), ни чем-либо другим Заметим, что все приведенные слова-интернационализмы вошли также в словенский и хорватский языки и не встречали там каких-либо серьезных конкурентов

Если против внедрения прямых заимствований в разных языках и в разной степени предпринимались попытки альтернативных решений, то перенос значения того

Таблица 1

Словообразовательные кальки XVIII–XIX вв. в трех славянских языках

Модель	Русский	Словенский	Хорватский
лат *conscientia*	*сознание*	*zavest*	*savjest*
научнолат *consonans* (лингв)	*согласный*	*soglasnik*	*suglasnik*
лат *aequilibrium*	*равновесие*	*ravnotežje*	*ravnoteža*
лат *aquaeductus*	*водопровод*	*vodovod*	*vodovod*
лат *satisfactio*	*удовлетворение*	*zadoščenje*	*zadovoljenje zadovoljština*
научнолат *oxygenium*	*кислород*	*kisik*	*kisik*
англ *horse power*	*лошадиная сила*	*konjska sila*	*konjska sila*
англ *freethinker* или нем *Freidenker*	*вольнодумец*	*svobodomislec*	*slobodan mislilac*
англ *freemason*	*(масон)*	*prostozidar (fra)mason*	*slobodan zidar mason*
нем *Kinderkrankheit*	*детская болезнь*	*otroška bolezen*	*dječja bolest*
нем *Unterbewusstsein*	*подсознание*	*podzavest*	*podsvijest*

Таблица 2

Семантические кальки в трех славянских языках

Языки-источники (типа Д)	Принимающие языки (типа П)		
модель в языке Д	русский	словенский	хорватский
франц *goût*	*вкус* (1 еды, 2 эстетический)	*okus*	*okus*
франц *gauche*	*левый* (1 одна из сторон, 2 [политическое значение])	*levo*	*lijevo*
лат *fungus*	грибок (болезнь)	*gljivice* (в лесу *goba*)	*gljivica gljivice* (в лесу *gljiva*)
греч *glossa* и/или лат *lingua*	*язык* (1 орган, 2 средство коммуникации)	*jezik*	*jezik*
научно-лат *cellula* или англ *cell*	*клетка* (1 помещение, 2 единица организма)	*celica*	*stanica*
франц *couronne* или нем *Krone*	*коронка* (зуба)	(*zobna*) *krona*, также *prevleka*	(*zubna*) *kruna*

или иного слова под влиянием другого языка чаще всего оставался незаметным В таблице 2 показаны случаи, когда существующее в языке слово приобрело второе значение под влиянием полисемии данного или соответствующего слова в одном из доминантных ("дающих") европейских языков По аналогии с классификацией Й Топоришича, разделяющего языки, участвующие в языковом контакте, на языки типа V (от словенского *večina* 'большинство') и языки типа M (от слов *manjšina* 'меньшинство', ср [Toporišič 1991 14], предлагается здесь говорить о языках типа Д (дающих) и языках типа П (принимающих), что соответствует немецкой терминологии Geber- и Nehmersprachen, или же, по Х Бекеру [1948], Meister- и Schulersprachen

Как нетрудно убедиться на приведенных примерах, в прежние столетия калькирования, и, добавим, заимствования происходили из самых разных языков немецкий

язык снабжал славянские языки лексическим материалом в области ремесла, философии, науки; из французского языка были заимствованы или калькированы термины моды, кулинарии, искусства; из итальянского перенимались слова из мира музыки и архитектуры; голландский язык, как известно, подарил русской лексике огромное количество слов, связанных с морским делом. Даже словенский и хорватский языки, находившиеся в течение многих столетий под господством немецкого языка, принимали лексику из самых разных языков, вплоть до венгерского и турецкого. Пуризм, возникший в этих языках в первой половине XIX века, был обращен главным образом против главной угрозы, т.е. немецкого языка. Как отмечает хорватский лингвист Степан Бабич, результатом этой четырехсотлетней угрозы со стороны немецкого языка и реакции на нее оказались всего-навсего два десятка слов, оставшихся как заимствования в литературном хорватском языке [Babić 2000: 80].

Бабич здесь намеренно оставляет в стороне и кальки, возникшие по немецким моделям, и калькирование в области семантики, синтаксиса и фразеологии. Бабич, таким образом, является представителем первого, чистого типа пуризма, т. е. такого пуризма, который борется с прямыми, осязаемыми, видными заимствованиями, с тем, что в немецкой терминологии традиционно называлось *Fremdworter* (дословно "чужие слова"), а теперь называется *Lehnworter* ("заимствованные слова"). Бабича ничуть не беспокоят словообразовательные кальки, например, им же в другой работе приведенные *brzokuhalo* (по нем. *Schnellkocher*), *velepogon* (*Großbetrieb*) и т.п. [Babić 1998: 117]. Такова позиция "чистого" пуризма: иностранные слова, ввиду своей непрозрачности, следует заменить исконными – в данном случае славянскими – словами, пусть и кальками, которые, благодаря своей прозрачной внутренней форме доступны для народа. Бабич, однако, не является представителем бескомпромиссного, догматического пуризма, который пытается искоренить любое иностранное слово, даже если оно давно приобрело право гражданства и хорошо вписывается в язык.

Именно этот последний, воинствующий, как его называет Катичич [Katičić 1986: 72], пуризм стал мишенью справедливой критики со стороны лингвистов. Однако, как отмечает тот же ученый, и обратная позиция – безапелляционное принятие всех иностранных слов, является своего рода пуризмом [Там же: 70], причем с тем негативным эффектом, что оно приводит к ослаблению творческих возможностей собственного языка. Примером такой позиции может послужить родной язык автора этих строк, немецкий, в котором любая попытка найти исконно-немецкий эквивалент очередному англицизму оценивается как крайне негативное проявление вредного пуризма, а порою даже как проявление шовинизма и/или почвенничества. Результатом этой всеядности по отношению к англицизмам является нынешняя языковая ситуация немецкоязычных стран, где во многих типах текста (рекламные брошюры или спортивные журналы, издания по современной поп-музыке или моде, тексты, использующие дискурс авангардного искусства) трудно с первого взгляда определить, на каком языке говорится или пишется – на английском или немецком.

Итак, в отличие от предыдущих столетий, сегодня фактически единственным источником заимствований в интересующих нас языках является английский, чаще всего в его американском варианте. Число англицизмов трудно определить, так как распространение большинства англицизмов ограничивается групповыми языками – профессиональными жаргонами (например, компьютерщиков, музыкантов, спортсменов, бизнесменов) или молодежным сленгом. Рассмотрим теперь несколько англицизмов, которые прижились во многих западноевропейских языках, и для которых удалось в одном, двух или всех трех из интересующих нас языков образовать кальку.

Как видно, с помощью механизмов калькирования, т. е. языковой практики, которая сегодня иногда несправедливо называется пуристской, во многих языках активируются возможности, отчасти совпадающие с языком-источником, а отчасти и рас-

Таблица 3

Кальки английских слов и выражений XX века в трех славянских языках и судьба англицизмов в других европейских языках

Английское слово	**Русский**	**Словенский**	**Хорватский**	**Языки, в которых англицизм прижился** (по словарю [Gorlach, 2001]; **жирный** шрифт. полностью)
brainwashing (социол)	*промывание мозгов*	*pranje možganov* (166)[1]. *brainwashing* (3)	*pranje mozgova, brainwashing*	голл , итал
brain drain (социол)	*утечка мозгов*	*beg možganov* (110), *brain drain* (18)	*odljev mozgova*	почти все
cruise missile (военн)	*крылатая ракета*	*manevrirne rakete* (113), *izstrelki m-ih raket*	*krstareća raketa*	**голл.**, франц., норв., итал
email (комп)	*электронная почта + англ*	*elektronska pošta* (3942), *homepage* (42)	*elektronička/elektronska pošta, email*	почти все
flashback (кино)	*ретроспекция*	*flashback* (12)	*retrospekcija, osvrtanje, flashback*	почти все (спец.)
grand slam (теннис)	*большой шлем*	*grand slam*	*grand slam*	герм. яз. и др (не. польский, болг)
home page (комп.)	*домашняя страница / страничка*	*domača stran* (846), *homepage* (46)	*homepage*	**герм. яз.** кроме исл , ром., кроме исп., фин., венг., греч
safe sex	*безопасный секс*	*varen seks* (ок. 70), *safe sex* (2)	*sigurni seks*	**нем., голл.**, франц., **фин.**
soap opera	*мыльная опера*	*soap opera* (83), (*filmska*) *limonada* (35)	*sapunica, sapunska opera*	герм и ром., польск , фин. (везде наряду с кальками)
tv-serial	*(теле)сериал*	*nanizanka*, (*španska*) *nadaljevanka, serial* (ок 20)	*tv-serijal, tv-serija*	
gentleman's agreement	*джентельменское соглашение*	*džentelmenski sporazum* (0), *gentleman['s] agreement* (3)	*džentelmenski sporazum, gentlemen's agreement*	**голл.**, другие герм и ром яз. (кроме рум.), венг., польский
cold war[2]	*холодная война*	*hladna vojna*	*hladni rat*	кальки
sky scraper	*небоскреб*	*nebotičnik* (368), *stolpnica* (481)	*neboder*	кальки
native speaker (лингв.)	*носитель языка*	*materni govorec, naravni govorec jezika, nativni govorec*	*izvorni govornik*	почти все + кальки

[1] Числа в скобках после словенских слов обозначают частотность по базе данных www.fida net.

[2] Более подробно о словах *cold war* и *sky scraper* ср. [Muhvić-Dimanovski 1992: 128].

Таблица 4

Укоренившиеся кальки в словенском и хорватском языках (XX век)

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
football	*футбол*	*nogomet* (5071), *fuzbal* (сленг 109)	*nogomet fudbal* (уст и серб), *foot ball* (редко), *fuzbal*	исп , франц , итал , рум , польск , венг , алб , греч
handball	*гандбол*	*rokomet*	*rukomet*	исл , алб , греч
volleyball	*волейбол*	*odbojka*	*odbojka volleyball*	почти все
basketball	*баскетбол*	*košarka* (3151), *basket* (4)	*košarka basket(bol)*	почти все
computer	*компьютер*	*računalnik* (11294), *PC (pi-si)* (ок 1000), *kompjuter* (10)	*računalo, kompjutor* (редко)	почти все
jeans	*джинсы*	*kavbojke* (442), *jeans* (ед число) (ок 150)	*traperice farmerice farmerke jeans* (ед число)	почти все

ходящиеся с ним, как в последнем примере, где ни одна из приведенных калек не совпадает полностью по своей внутренней форме с английской моделью

Вопрос в том, когда такие альтернативы имеют шанс заменить возникающий, или, что еще сложнее, уже существующий и укоренившийся англицизм Для того, чтобы ответить на этот вопрос, в дальнейшем рассматривается несколько англицизмов новейшего времени и судьба предложенных в трех рассматриваемых языках альтернативных моделей, в том виде, в котором они нам известны Анализ опирается на собственные наблюдения, для хорватского языка также на работы Filipovic [1990], Muhvić-Dimanovski [1992], для словенского языка на работу Сихерль [Sicherl 1999], для русского языка на работы Тимофеева [1995] и некоторых других авторов (ссылки в тексте) Сведения о распространении отдельных форм опираются на личные опросы носителей языка (для словенского – также с помощью формализованного анкетирования 62 респондентов), а также на несистематичные поиски в интернете (для русского языка с помощью сайтов www google ru, www yandex ru и др , для словенского – www fida net)

Рассмотрим для начала несколько английских слов, которые в русский язык вошли в виде заимствований, а в южнославянских языках были заменены кальками, полукальками или новообразованиями

Приведенные слова словенского и хорватского языков давно укоренились в соответствующих языках и фактически вытеснили оттуда английские слова Разумеется, носитель словенского или хорватского языка понимает и приведенные английские лексемы, некоторые из них он может даже сам употреблять с определенной стилистической целью, но нейтральными словами являются собственные образования, так же как и в русском языке нейтральными являются англицизмы, для которых, как правило, даже не существует замены

Но далеко не всегда замены являются такими успешными, как в приведенных в Табл 4 примерах Рассмотрим подробнее некоторые из слов, для которых существуют собственные альтернативы (кальки, полукальки, неологизмы), которые, однако, (еще) не смогли полностью отодвинуть на задний план заимствованные слова Начнем при этом с понятий из области спорта, одной из сфер, наиболее затронутой англицизмами во всех языках Европы, если не всего мира

Прежде чем начать анализ, следует оговориться В Мухвич-Димановски [Muhvić-Dimanovski 1992 114–118) делит неологизмы на две группы те, которые заменяют

существующие заимствования, и те, которые пытаются заменить уже существующие новообразования другими, лучшими Такое разделение целесообразно, когда автор хочет продемонстрировать, что бороться с устоявшейся привычкой сложнее, чем ввести неологизм в самом начале появления новой реалии (*компакт-диск*) или нового концепта (*тинейджер*) В нашем случае, когда речь идет о сравнении трех языков, такое разделение трудно провести, тем более что не всегда возможно установить хронологию появления заимствований, калек или независимых новообразований

Слова из области спорта·

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с интернационализмом
backhand	*удар слева*	*udarec pri tenisu* [Skaza 2000], *bekhend* (1)	*bekhend*	подобно *forhand*
forhand	*удар справа*	– [Skaza 2000], *forhend* (4)	*forhend*	норв , голл , нем рум , польск , болг , венг , греч (отчасти наряду с кальками)

Это слово здесь рассматривается как часть терминологии тенниса, хотя употребляется также за ее пределами (бадминтон, бокс) *Forhand* обозначает удар, когда ладонь игрока обращена к партнеру игры, а в случае *backhand* рука обращена своей тыльной стороной к партнеру Отсюда авторы русского словаря спорта сделали вывод, что *forhand* является ударом справа, а *backhand* соответственно ударом слева [Вайцеховский 1989] Однако такое толкование верно лишь для игрока-правши, в то время как у левши эти термины применимы в обратном порядке Разумеется, английский концепт более мощный, так как он более абстрактный и описывает ситуацию для обоих типов игроков Еще менее удачным является попытка словенского пособия [Skaza 2000], предлагающего почему-то лишь кальку для маркированного члена этой оппозиции – *backhand* Решение, однако, нельзя считать удачным, так как предложенная калька не описывает специфику удара, и неудивительно, что для *forhand* не предлагается никакой кальки

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с интернационализмом
offside	*вне игры* *офсайд*	*prepovedan položaj* (1), *prehitek* [Skaza 2000] (3)	*ofsajd zaleđe zastrana*	все кроме нем , фин

Данное слово перешло в качестве англицизма во все три языка, и его судьба в них сложилось по разному В русском языке оно попало в число русифицированных в сталинское время англицизмов в области спорта и было заменено двусоставным сочетанием *вне игры* В словенском и хорватском англицизм пока что жив, хотя с ним конкурируют слов *prepovedan položaj* 'запрещенное положение' и хорв *zaleđe* 'за спиной' Пока что в этих языках употребляется *ofsajd*, что в хорватском также объясняется полувековым господством англицизма, продолжающего свое бесконкурентное существование в сербском и боснийском языках В рассмотренных в слова-

ре [Gorlach 2001] европейских языках лишь финская и немецкая кальки укорени лись, полностью вытеснив англицизм

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
play off	*плей офф плей оф плэй офф*	*končnica* (в разных значениях ок 1000), *playoff* (7)	*dogravanje razigra vanje završnica* (финал') *play off*	все кроме исл алб венг

Этот термин, который обозначает заключительное соревнование (особенно в хоккее на льду) не имеет параллелей в русском языке В словенском пока что конку рируют англицизм с калькой *končnica*, которая, однако, по своей внутренней форме могла бы обозначать также 'финал' По свидетельству многих хорватских источников, предложенная еще в 1982 году С Бабичем (подробнее ср [Babić 2000 83–87]) калька *dogravanje* стала в хорватском языке успешной и полноценной заменой анг лицизма, который, правда, продолжает существовать [Muhvić-Dimanovski 1992 116] Причина этого успеха – прозрачность внутренней формы, и относительно раннее введение этой альтернативы

Некоторые товары:

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
grape fruit	*грейпфрут*	*grenivka* (226), *grapefruit* (61)	*grape fruit grejpfrut grejp u limunika*	норв , голл , нем франц (редко), рум , польск болг фин , венг , греч , алб

Интересно, что по русским толковым словарям и русскому Словарю иностранных слов этот фрукт напоминает по вкусу апельсин, что весьма спорно В то же время словенский неологизм исходит от горького вкуса этот плода (*grenek* 'горький'), а хорватский вариант (предложенный С Бабичем еще в 1975/76 гг) связывает слово с лимоном, в результате скрещивания которого с апельсином (если верить хорватскому словарю иностранных слов [Klaić 2002 498]) появился *грейп фрут* Словарь Герлиха почему-то не упоминает хорватский неологизм В обоих южнославянских языках успех собственных слов пока ограничен Мухвич-Димановски констатирует всего один-единственный случай употребления слово *limunika*, для словенского языка нет данных Слово *grenivka*, судя по результатам моего опроса, употребляется скорее в официальной сфере, в то время как на рынке его почти не слышно

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
bestseller	*бестселлер*	*uspešnica* [Gradišnik 1993] (1357) *bestseller* (118)	*bestseler*	все

Как и в предыдущих примерах, и здесь словенский язык стоит особняком потому, что единственно ему удалось противопоставить заманчивому английскому концепту адекватное новообразование Причем с легкой семантической дифференциацией если англицизм обозначает или книгу, или пластинку, то словенское слово гораздо шире в своем употреблении, ибо оно может обозначать и шлягер, и кинофильм, и видеокассету, и спектакль, и даже определенную одежду (ср примеры в [SSKJ 1991, 5 313]) Английская орфография англицизма в словенском языке подтверждает успех кальки, в то время как в хорватском и в русском английское слово давно интегрировалось в язык

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
CD (*compact disc*)	*компакт диск си ди*	*zgoščenka* (1220), *CD* [*tse de*] (более 4500 в разных знач), *cedejka* (160), *tlačenka* (ок 30)	*CD* [*tse de*]	почти все

Слово обозначает пластинку диаметром 120 мм с нестираемой сигналограммой, в последние годы появились также стираемые варианты, особенно для хранения электронной информации (*CD ROM, си-ди-ром*) В русском языке произошла адаптация английского термина, ставшего компакт-диском, его сокращение читается в английском варианте (*си ди*), кроме того существует ряд жаргонизмов вроде *компакт компашка сидюк* Этот англицизм проник во многие языки с разной степенью адаптации Лишь в словенском языке в 1990 году Богдан Градишник предложил гениальную односоставную кальку *zgoščcenka* (от глагола *zgostıtı*, который соответствует английскому *to compact*), и это слово с тех пор конкурирует с англицизмом и произведенным от него коллоквиализмом *cedejka* (см выше) Даже за пределами Словении, например, в словенских передачах австрийского радио и телевидения, употребляется именно этот неологизм По своей внутренней форме он соответствует русскому *сгущенка*, семантика которого, как известно, давно занята Предложенное в ходе дискуссии слово *tlačenka* не было принято и уступило место слову *zgoščenka* Попытки заменить этот англицизм в хорватском языке мне неизвестны

Понятия из области техники:

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с интернационализмом
helicopter (англ из франц)	*вертолет*	*helıkopter*	*helıkopter*; *zrakomlat* (90-е гг), *vrtolet, uvrt njak* (устное сообщ)	почти все кроме нем
avıon (франц)	*самолет* (раньше *аэроплан*)	*letalo* (заменяет *avıon aeroplan*)	*zrakoplov* (заменяет *avıon*)	почти все кроме нем

Приведенные близкие по семантике слова позволяют наметить историю технических нововведений в трех языках В русском языке эти два предмета появились в эпоху, когда пуристские силы были еще достаточно мощны, а страна уже достаточно закрыта, для того, чтобы пуристские альтернативы могли победить интернационализмы для обозначения *самолета* использовалось народное слово, известное в ди-

алектах и в фольклоре (напр , в сказках), а искусственный технический неологизм *вертолет* стал постепенно заменять близкое по значению слово *автогир* или *авто жир*, которое обозначало летательный аппарат, исчезнувший к началу 40-х гг (ср семантизацию в словаре [Ушаков 1935, 1 9], в котором *вертолет* отсылается к лем ме *автогир*) В словенском был принят *helikopter*, в то время как *letalo* довольно скоро заменило заимствованные слова В хорватском же, начиная с 90-х гг , *avion* заменяется словом *zrakoplov*, введенным во время Второй мировой войны, т е в пуристскую эпоху "Независимой державы Хорватской" Меньшим успехом пользуется попытка оживить пуристский *zrakomlat* (от *zrak* 'воздух' и *mlatiti* 'молоть'), который, как и уж совсем анекдотический *uvrtnjak* (к глаголу *uvrtati* 'поворачивать', 'ввинтить'), используется разве что в издевательских целях В словаре Анича слово *zrako mlat*, которое в прямом значении "helikopter" дается с пометой "neodom ", т е "не укоренившееся", во втором значении толкуется как человек, занятый пустым придумыванием каких угодно слов и неологизмов (ср [Anič 2000 1384]), ср также фразеологизмы *mlatiti jezikom, mlatiti praznu slamu* (аналогично русскому *молоть чепуху* и т п) Неудивительно поэтому, что слово *zrakomlat* стало нарицательным для пуристской мании последних лет

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с интернационализмом
Waschmaschine	*стиральная машина*	*pralni stroj*	*stroj za pranje* (*rublja*), *perilica vešmašina* (разг), *peračica* (*реко*), *rubljoper* (неол Любич, цит в [Babic 1990])	разные кальки

В словенском и русском языках давно укоренились приведенные кальки, в то время как хорватский язык дает нам интересное поле для выявления механизмов, действующих при конкурентной борьбе разных форм Первую форму Мухвич-Димановски справедливо критикует и отвергает как "неудобную и длинноватую" [Muhvic-Dimanovski 1992 118] Из-за распространенного германизма *vešmašina*, поддерживаемого еще словом *veš*, т е 'одежда', славянские альтернативы долго не могли укорениться, а из приведенных альтернатив побеждает, если не победила, видимо, *perilica*, которая в 2003 году встречается и в рекламе, и в разговорной речи

Рассмотрим теперь понятие, появившееся в 1930-е гг

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки, в которых интернационализм прижился
television (*set*)	*телевизор*	*televizor*, *gledalnik*	*televizor*, *dalekovidnica* (сер 90-х гг)	? (не нем)

Русское слово обозначает аппарат для приема телевизионных передач и является не прямым англицизмом, а скорее интернационализмом, так как оно образовано от греческой основы *tele-* 'далеко' с латинским элементом *visor* (от *videre* 'видеть') Такой гибрид скорее всего обусловлен тем, что второй греческий элемент дал бы как результат **телескопия*, слово, занятое из-за существования слова *телескоп* (ср [Snoj 1997 660]) В словенском и хорватском языках либо перенималось русское слово, зафиксированное впервые в 1937 году в Словаре иностранных слов, либо было образовано по аналогии с тем же словом (как считает Сной, там же) Что же ка-

сается упомянутых в списке пуристских альтернатив в словенском и хорватском, то перед нами явный пример запоздалых попыток такого рода, так как ко времени возникновения этих слов интернационализм употреблялся уже едва ли не полстолетия Обе пуристские формы явно находятся под влиянием успешной немецкой альтернативы *Fernseher*, придуманной еще до конца Второй мировой войны, и в соответствующих языках употребляются разве что в шутку

Компьютерная лексика дает широкое поле для рассмотрения внедрения новых понятий, которые почти без исключения появляются во всех языках сначала в английской форме В качестве примера рассмотрим лишь два понятия, находящиеся в семантической оппозиции

Англий-ское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
hardware	*хардвер аппаратные средства* [СКИТ 2000]	*hardver* (46) *strtrojna oprema* [Sršen 1992] (1771)	*hardware*, *željezarija* [Škarić 1983], *strojevina* [Šarija 1997], *računalna oprema* [Михалевич 1999], *očvrsje*, *sklopovlje* (цит в [Babić 2001 242])	все кроме исл , фин , алб
software	*софтвер*, программные средства, программное обеспечение [СКИТ 2000]	*softver* (235) *programska oprema* [Sršen 1992] (3478)	*software*, *softver*, *programska/rač unalna podrška*, *napudbena sredstva* (все [Mihaljevic 1999]), *napudbina* [HP 1996]	все кроме исл , фин , алб

Данный пример показывает со всей убедительностью причины успеха многих англицизмов ни русские, ни словенские альтернативы не в состоянии заменить удобный и короткий термин, предлагаемый английским языком Даже немецкий язык, который в данном случае, казалось бы, мог просто перевести английские термины в виде *Hardware* и *Weichware* ('твердый/мягкий товар, материал'), отказался от этой очевидной возможности В русском и словенском, где найдены похожие эквиваленты, английская терминология также преобладает, и предложенные выражения употребляются достаточно редко

Несколько иначе дело обстоит в хорватском языке Как справедливо указывает Мухвич-Димановски [Muhvić-Dimanovski 1992 116], неудача семантической кальки *željezarija* связана не только с коннотациями слова (ср значения, приведенные в словаре [Anić 2000] 'магазин железных товаров' и 'продукция и предметы из железа'), но и со сложностью найти адекватную замену слову *software*, теснейшим образом связанному с *hardware* Ведь недаром относительно пуристский и воспитательный словарь Анича при семантизации слов *hardware* и *software* отказывается от приведенных альтернатив, а словарь иностранных слов Клаича приводит термин *željezarija* не в электронном значении слова *hardware* Показательно также отсутствие слова *software/softver* – при присутствии *hardware*[1] – в языковом "советнике" Шамия [Šarija 1997], одной из самых пуристских хорватских книг М Михалевич, посвятивший специальную работу хорватской компьютерной терминологии, признает, что двучленность терминов типа *računalna oprema* является серьезным недостатком по сравнению с англицизмом [Mihaljević 1999 236] Поэтому думается, что единственным серьезным конкурентом для англицизма *software* является приведенный в [HP 1996 385] и повторенный в работе Михалевича

термин *napudbina*, но время покажет, насколько специалисты готовы принять этот неологизм

Другие общественные понятия:

Английское слово	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
teenager	*тинеиджер*	*najstnik* (758)/*najstnica* (479) *pubertetnik* (125) *adolescent* (12) *teenager* (2)	*teenager* *tine(j)džer/ tinejdžerica* *pubertetnik*	все кроме исл , рум фин алб

Вышеприведенное слово обозначает в английском языке молодого человека от 13 (*thirteen*) до 19 (*nineteen*) лет Несмотря на то, что в большинстве европейских языков этот англицизм широко распространен, начиная с 50-х гг (ср данные в [Gorlach 2001 319])[3], в Словении было аналогичным способом придумано слово *najstnik* и *najstnica* т е человек от 11 (*enajst*) до 19 (*devetnajst*) лет Словенцы гордятся этой находкой, и большинство опрошенных обнаружило знакомство с этим неологизмом или даже его активное употребление Можно предположить, что успех этого слова обязан тому, что в главном словенском толковом словаре англицизм *teenager* толкуется в соответствии с семантикой *najstnik* как человек мужского пола от 11, 12 до 18, 19 лет [SSKJ 1991, 5 41], в то время как английская форма подсказывает возраст от 13 лет Конечно, в словенском существует ряд конкурентов для слов *teenager* и *najstnik*, как, в первую очередь, *mladoletnik* и *mladostnik*, в русском же предлагались *пацан* и *подросток* [Костомаров 1999 130–131], или указывалось на разнообразие обозначений для молодых людей 'подросток, юноша, пацан, мальчик, парнишка, парень, отрок, [ ] девчонка, девушка, барышня [Shakhovsky 2000 17] Успех англицизма в русском и кальки в словенском, однако, заложены в том, что ни одно из приведенных именований не в состоянии охватить тот широкий концепт, который выражает англицизм, не говоря уже о коннотациях При определении этого понятия в русском языке словари, кстати, расходятся подросток, молодой человек 14–17 лет [Кузнецов 2000 1323], "подросток [ ] в переходном возрасте [Скляревская 2001 781], в новейших изданиях словаря Ожегова, Шведовой [Ожегов, Шведова 1999] слово отсутствует Показательна также цитата, приведенная в словаре Скляревской большинство тинейджеров, начиная с 11 лет, [ ]' [Скляревская 2001 781], что говорит о ре-семантизации этого слова на русской основе (от одиннадцати до девятнадцати лет, таким же образом, в разрез с английскои семантикой, слово понимается многими носителями немецкого языка)

Как покажет следующий пример, не всегда словенские пуристские альтернативы могут заменить популярный англицизм

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ языки с интернационализмом
striptease	*стриптиз*	*striptiz* (210) *striptease* (22), *slačiples* (1), *slacenje* (0), *ples s slačenjem* (0)	*striptiz*	все

[3] В немецком языке на основе слова *teenager* был даже придуман псевдоанглицизм *twen* т е человек от 20/21 до 29 лет

Предложенный в некоторых словенских источниках термины *slačenje, slačıples*, или, чаще, *ples s slačenjem* (напр [Sršen 1992 171]) по своей семантике недостаточно точны, так как не любой танец с раздеванием (таков перевод последнего из приведенных вариантов) является стриптизом Выражение имеет слишком много недостатков, чтобы быть успешным оно длиннее, чем англицизм, менее специфично, и прагматически неадекватно вряд ли турист, гуляющий по ночной Любляне, зайдет в заведение, название которого ему непонятно, а если и понятно, то слишком конкретно и прямолинейно и не может конкурировать с интернационализмом *par excellence*, каким является стриптиз с 50-х гг XX века В связи с этой неуспешной калькой было предложено назвать стриптизершу *slačıpunca* (от *slačıtı* 'раздевать', и *punca* 'девушка'), а стриптизера *slačıfant* (*fant* 'мальчик, парень'), и эти слова оказались более успешными, чем абстрактное существительное (частотность в www gıdle net 16 и 24)

Интернационализм	**Русский**	**Словенский**	**Хорватский**	**Европ. языки, в которых интернационализм прижился**
ınterview	*интервью* *разговор беседа*	*ınterviju* (2502) *pogovor beseda*	*ınterviju subesjeda* [Šamıja 1997 229]	все

Англицизм *интервью*, восходящий, заметим в скобках, к французскому *entrevue*, обозначает в рассмотренных языках беседу журналиста с каким-нибудь, чаще всего известным, лицом Это обстоятельство побудило многих лингвистов и блюстителей языка призвать к замене этого слова существующими словами, приведенными в таблице Неуспех этой попытки обусловлен специфической семантикой англицизма

Интернационализм	**Русский**	**Словенский**	**Хорватский**	**Европ. языки, в которых интернационализм прижился**
ımage	*имидж образ* [Костомаров 1999]	*ımıdž* (801), *podoba* *vıdez vtıs* (все [Sršen 1992]), *ugled*	*ımıdž, ugled,* *slıka, predodžba,* *ızgled*	германские славянские, фин , алб

Альтернативы для хорватского языка взяты из крайне пуристского языкового Советника ' И Б Шамии [Šamıja 1997 225], кстати, единственного источника последних лет, в котором данный англицизм фигурирует Слово *ımıdž* или *ımage*, хотя я его сам неоднократно слышал и читал в Хорватии, почему-то отсутствует в словаре Анич [Anıč 2000] и даже в новом, обширном и солидном Словаре иностранных слов [Klaıć 2002] Что касается предложенных хорватских, словенских и русских альтернатив, то ни одна из них не соответствует той семантике, которая присуща англицизму, в результате чего англицизм продолжает существовать во всех трех языках Нетрудно доказать, что, к примеру, *имидж* журнала, университета или компартии нельзя заменить предложенным В Г Костомаровым "не менее точн[ым] русск[им] эквивалент[ом]" *образ* [Костомаров 1999 110]

Интернационализм	Русский	Словенский	Хорватский	Европ. языки с англицизмом
self service (1 как абстрактное понятие 2 ресторан с самообслуживанием)	1 *самообслуживание*	1 *samopos trežba* 2 *samopostrežna* [*trgovina*], *self service* (1)	1 *samoposluživa nje*[4], *-posluga*, 2 *samo posluživaonica, poslužba, služ(io)nica, usluga* (босн), *self service*	1 нет данных в [Gorlach 2001] 2 нем франц исп , **ит., рум., венг., греч.**

Как видно из приведенного материала, самую неясную картину представляет хорватский язык, что отчасти связано с распадом сербохорватского языка на три С целью дифференцирования в каждом из этих языков теперь выставляются 'свои ' суф фиксы, и традиционное *samoposluživanje* получает ряд конкурирующих терминов В словенском и русском приведенные слова давно укоренились, однако англицизм не только понятен, но и кое-где завоевывает прочную позицию Занятно в этой связи, что аналогичный термин *drive in*, т е кино или ресторан (преимущественно типа Мак-Дональдса), в котором посетители обслуживаются, оставаясь в своих машинах, во всех языках не нашел замены в хорватском и в словенском используется англицизм, чаще всего в сокращенном виде (*D I*), в то время как в русском фирма Мак-Дональдс образовала неологизм (своего рода псевдо-англицизм) *Мак авто*

Перейдем к выводам и попытаемся ответить на вопрос, в каких условиях пуристская альтернатива может заменить англицизм или интернационализм, и когда такая попытка обречена на неуспех

1. Альтернативная модель имеет больше шансов быть принятой языковым коллективом, если она предлагается и распространяется в о в р е м я, т е в момент, когда интернационализм еще не охватил целиком речевую деятельность языкового коллектива Заменить слово *телевизор/televizor* было бы возможным в 50-е или 60-е гг XX века, но не к его концу, когда слово уже вошло в повседневную речь всех слоев общества Примером своевременного введения кальки является словенская *zgoščenka*, введенная в 90-е годы, когда массовое распространение компакт дисков только что началась, а судьба заимствований еще не была решена (вопрос произношения сокращения по словенскому – *tsede* – или английскому – *sidi* – типу, суффикс коллективизма и т п) Заменить уже существующий интернационализм пуристским эквивалентом удается лишь тогда, когда его возможно внедрить с помощью государственных мер и вдобавок при поддержке СМИ, как это происходит в данный момент в Хорватии, где, к примеру, давние *avion* и *aerodrom* успешно заменяются словами *zrakoplov* и *zračna luka* Немаловажную роль при этом играют также антисербские настроения в Хорватии, так как приведенным интернационализмам приписывается характер сербизмов

2. В н у т р е н н я я ф о р м а альтернативных моделей должна быть п р о з р а ч н о й для пользователя Успех приведенных обозначений разных видов спорта, таких как слов и хорв *nogomet*, *košarka* и *odbojka* отчасти объясняется тем, что их значение понятно с самого начала, в то время как русский ребенок должен сперва выучить значение соответствующих слов *футбол*, *баскетбол* и *волейбол* Стоит вспомнить в этой связи успешную русификацию русской футбольной терминологии 50-х и 60-х гг (*голкипер – вратарь*, *корнер – угловой удар* и др) Если же внутренняя форма новообразований вызывает смех, как плоды хорватского пуризма *zrako*

[4] В словаре Герлиха [Gorlach 2001 274] опечатка *samoposlužiranje* вм *samoposluživanje*

mlat 'вертолет', *munjovoz* 'трамвай', *dalekovidnica* 'телевизор', эти попытки, как правило, не принимаются языковым коллективом

3. К р а т к о с т ь – сестра таланта ' Это чеховская формула является также залогом успеха альтернативных моделей Своевременное введение и прозрачность выражения *печатающие устройства* не могут заменить краткость и меткость англицизма *printer*, для которого в словенском была найдена и введена замена *tiskalnik* (от *tiskati* 'печатать'), а в хорватском были предложены *štampač, ispisivalo, ispisnik* и др *Менеджмент* победил во всех рассмотренных языках именно благодаря своей краткости, которой явно уступают предложенные альтернативы русская – *управление предприятием* и словенская – *vodenje, upravljanje podjetja* (в хорватском и вовсе не было попыток найти адекватную замену) Ср также успех англ *Email* и неуклюжесть альтернатив типа *электронная почта, электронное письмо*

4. С е м а н т и к а альтернатив должна максимально совпадать с семантикой англицизма Почему во многих европейских языках употребляется англ *come back*, когда во всех нами рассмотренных языках существует замена (*возвращение, vrnitev, povratak*), совпадающая с традиционной семантикой англ *come back*? Дело, видимо, в специализации семантики англицизма, обозначающего особый тип возвращения, а именно возвращения спортсмена в большой спорт, актера на сцену или в кино Попытка заменить англицизм существующим понятием часто обречена на неуспех, так как семантическое поле языка таким образом обедняется Подобные случаи были рассмотрены на примерах *image, interview* и *striptease*

5. Наконец, следует упомянуть о п р а г м а т и ч е с к и х аспектах этого вопроса Уже говорилось о поддержке со стороны властей и СМИ, облегчающей внедрение пуристской альтернативы Однако любая поддержка бессильна, если слово употребляется ' не по адресу", т е если предполагаемый пользователь слова по каким-либо причинам не в состоянии принять альтернативу (вспомним опять-таки слово *striptease* и его словенские эквиваленты) Словенское *deskanje*, которое по первым четырем критериям способно заменить английское *(wind)surfing*, имеет шанс заменить англицизм лишь во внутрисловенском контексте, а предприятия, занятые в соответствующей сфере туристического бизнеса, вряд ли ограничатся этим словом, так как их клиенты – иностранные туристы, не владеющие словенским языком

Сравнивая рассмотренные языки, можно прийти к выводу, что русский язык в его российском варианте, обслуживающий около 150 миллионов говорящих, оказывается самым открытым для влияния со стороны англо-американской лексики, в то время как словенский язык (2 миллиона пользователей) в этом отношении самый пуристский Хорватский язык (ок 5 миллионов) занимает положение посередине и может быть охарактеризован термином ' умеренная приемлемость", употребляемым Й Вармбрунном [Warmbrunn 1994] для позиции чешского языка Пресловутый пуризм хорватского языка обращен в первую очередь против сербского языка, что является, однако, темой, выходящей за пределы настоящей работы

Хочется надеяться, что данные заметки показали многоликость и неоднозначность такого сложного явления, каким является забота о состоянии родного языка Культура речи как раз и состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае задумываться о целесообразности прямого заимствования, калькирования или выбора другого пути Если бы не было таких попыток в прошлом, в немецком языке не было бы теперь слов *Fernsehern* 'телевизор', *Kuhlschrank* 'холодильник', *Schreibmaschine* 'пишущая машинка' и многого другого, в русском не было бы слов *рукопись, поезд, обогреватель* и т д Как нам представляется, из рассмотренных в настоящей статье языков наиболее перспективным представляется языковая практика словенского языка, в то время как языковое планирование в области русского (а тем более немецкого!) языка оставляет желать лучшего Ввиду невиданного в истории влияния одного единственного языка – английского – на все языки мира необходимо привлечь лучших специалистов каждой нации, способных найти ту золотую середину развития собственного языка, которая

позволяет, с одной стороны, не обеднять его возможности тупым очищением языка от иностранного влияния, а с другой, не принимать безоговорочно слова и конструкции, для которых могут быть вовремя найдены равноценные замены

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова 2000 – *Н С Арапова* Кальки в русском языке послепетровского периода Опыт словаря М , 2000

Вайцеховский 1989 – *С М Вайцеховский* Немецко-русский спортивный словарь М , 1989

Костомаров 1999 – *В Г Костомаров* Языковой вкус эпохи Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа Изд 3-е СПб , 1999

Кузнецов 2000 – *С А Кузнецов* Большой толковый словарь русского языка СПб , 2000

Ожегов, Шведова 1999 – *С И Ожегов, Н Ю Шведова* Толковый словарь русского языка Изд 4-е М , 1999

СКИТ 2000 – Словарь компьютерных и интернет-терминов Англо-русский М 2000

Скляревская 2001 – *Г Н Скляревская* Толковый словарь современного русского языка Языковые изменения конца XX века СПб , 2001

Тимофеева 1995 – *Г Г Тимофеева* Новые английские заимствования в русском языке Написание Произношение СПб , 1995

Ушаков 1935 – *Д Н Ушаков* (ред) Толковый словарь русского языка Т 1 М , 1935

Anič 2000 – *Vl Anič* Rječnik hrvatskoga jezika Treće, proširenо izdanje Zagreb, 2000

Babic 1990 – *St Babic* Rubljoper // Jezik god 38 1990

Babic 1998 – *St Babic* Tvorba riječi // M Lončaric (ed) Hrvatski jezik Opole, 1998

Babic 2000 – *St Babic* Vedre priče Zagreb, 2000

Babić 2001 – *St Babic* Hrvatska jezikoslovna prenja Zagreb, 2001

Filipović 1990 – *R Filipović* Anglicizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku Porijeklo – Razvoj – Značenje Zagreb, 1990

Gorlach 2001 – *M Gorlach* A dictionary of european anglicisms A usage dictionary of anglicisms in sixteen european languages Oxford OUP, 2001

Gradišnik 1993 – *J Gradišnik* Slovensko ali angleško? Priročnik za dobro slovenščino Celje 1993

HP 1996 – *St Babic, B Finka, M Mogus* Hrvatski pravopis 4 izd Zagreb, 1996

Katičic 1986 – *R Katičic* O purizmu (1973–74) // Novi jezikoslovni ogledi Zagreb, 1986

Katičić 1997 – *R Katičic* Drugi jezici u povijesti hrvatskoga // Suvremena lingvistika 1997 № 43/44

Klaic 2002 – *B Klaic* Rječnik stranih riječi Zagreb, 2002

Mihaljević 1999 – *M Mihaljević* Kako se na hrvatskome kaže WWW? // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje Knj 25 1999

Muhvić-Dimanovski 1992 – *V Muhvić–Dimanovski* Prevedenice – jedan oblik neologizma // Rad hrvatske akademije znanosti i umjetnosti Knj 446 Zagreb, 1992

Prunč 1967 – *E Prunč* Das innere lehngut in der slovenischen Schriftsprache Versuch einer Typologie der Lehnpragungen im Slovenischen Diss phil Graz, 1967

Shakhovsky 2000 – *V Shakhovsky* Die Amerikanisierung Russlands und seiner Sprache // *Fink H , Fijas L Shakhovsky V* Angloamerikanisches in der russischen Gesellschaft sowie Wirtschafts und Allgemeinsprache Frankfurt-am-Main 2000

Sicherl 1999 – *E Sicherl* The English element in contemporary standard Slovene phonological, morphological and semantic aspects Ljubljana, 1999

Skaza 2000 – *J Skaza* Pravopisni priročnik Dobrna, 2000

Snoj 1997 – *M Snoj* Etimološki slovar slovenskega jezika Ljubljana, 1997

Sršen 1992 – *J Sršen* Jezik naš vsakdanji Ljubljana, 1992

SSKJ 1991 – Slovar slovenskega knjižnega jezika T 5 Ljubljana, 1991

Šamija 1997 – *I Šamija* Hrvatski jezikovnik i savjetovnik Zagreb, 1997

Škaric 1983 – *J Škaric* Harware je zapravo željezarija // Jezik god 30 1983

Toporišič 1991 – *J Toporišič* Družbenost slovenskega jezika Sociolingvistična razpravljanja Ljubljana, 1991

Warmbrunn 1994 – *J Warmbrunn* Englische lexikalische Entlehnungen im Wortschatz der tschechischen Gegenwartssprache Munster, 1994

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2003

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2003 г Н В. ПЕТРОВА

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Анализ специальных работ показывает, что понятие "текст" имеет сегодня как узкое, так и широкое значение При узком или традиционном понимании, характерном для исследований филолого-лингвистического направления, под текстом понимается любое речевое высказывание независимо от объема, но непременно обладающее признаком завершенного смыслового единства и коммуникативной значимостью Данные критерии могут быть применены как к отдельному слову, так и к предложению и даже к букве Приведем рассуждения И Н Горелова и К Ф Седова "Видим перед собой табличку "Выхода нет" (перед лестницей в метро) Вроде бы предложение, да еще очень пессимистичное Но табличка эта висит перед лестницей в метро Получается, что никакому пессимизму автор не предавался – просто указал, что именно в этом месте из метро выйти нельзя, надо искать место с табличкой "Выход" Казалось бы – одно слово, а содержит всю необходимую нам для данной ситуации информацию Это – текст, как и многие другие тексты "Осторожно!", "Не ходить!" (текст понятен, словесная часть как бы слита с несловесным фрагментом действительности – газоном или клумбой), "Продуктовый магазин", "Цветы", "Зоопарк" Несомненными текстами являются буквы "Т", "А", "М" (метро, например)" [Горелов, Седов 1997 51–52]

В свое время О И Москальская также отмечала, что поскольку объем – это не характеристика текста, то этим термином могут быть обозначены различные речевые единицы «Под "текстом" понимается, – писала О И Москальская, – с одной стороны, любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений, несущее в себе по замыслу говорящего законченный смысл, а с другой стороны, такое речевое произведение, как повесть, роман, газетная или журнальная статья, научная монография, документы различного рода и т п В качестве текстов рассматриваются также части целого речевого произведения – главы, параграфы, абзацы» [Москальская 1981 12]

В соответствии с изложенными наблюдениями, к которым также можно добавить точки зрения И В Арнольд [Арнольд 1999], М.А К Хэллидея [Хэллидей 1980] и многих других авторов, число единиц, образующих текст, при его определении не является релевантным признаком В связи с этим И В Арнольд обращала внимание на напрашивающуюся аналогию с математическим понятием множества "Подобно тому, что в математике множество считается множеством, даже если оно содержит только один элемент, а возможны и пустые множества, так и в языке слово может состоять из одной только морфемы, предложение – из одного слова, а текст – из од-

ного предложения. Вероятность таких случаев невелика, но они не исключаются" [Арнольд 1999: 149].

В настоящее время термин "текст" перенесен на многие жизненные явления, причем под текстом не обязательно понимается связное и законченное образование. Благодаря психоаналитическим теориям и, прежде всего, теориям З. Фрейда [Фрейд 1990], К.Г. Юнга [Юнг 1997], Дж. Лакана [Lacan 1977], в качестве текстов рассматриваются сновидения. Дж. Лакан однозначно утверждал, что "сон есть текст", поскольку он "структурирован как текст", хотя и не всегда сопровождается речью [Lacan 1977: 161]. П.А. Флоренский сновидения рассматривал как переход жизни человека из мира видимого в мир невидимый, утверждая, что "в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом". То, что сновидения есть тексты, следует из анализа сновидений с точки зрения их композиции и семантического наполнения: "сонная фантазия представляет нам ряд лиц, местностей и событий, целесообразно сцепляющихся между собой, т.е., конечно, не глубокой осмысленностью событий", "отдельные события, как бы ни казались они нелепыми, однако связаны в сновидении причинными связями", "сновидение ... приводит к некоторому заключительному событию, являющемуся развязкой и завершением всей системы последовательных причин и следствий" [Флоренский 2001: 3–8].

Э. Бенвенист тексты сновидений уподоблял художественным произведениях: «подсознание использует подлинную "риторику", которая, как и стиль, имеет свои фигуры»; "мы находим здесь и там все способы субституции, порождаемые табу: эвфемизм, намеки, антифразы, умолчание, литоту", а также метонимию, все виды метафор; «"синтаксис" сновидений напоминает стилистический прием эллипсиса» [Бенвенист 1974: 126].

Термин "текст" используется также в семиотическом смысле. В качестве текстов рассматриваются, например, такие знаковые образования невербального происхождения, как произведения изобразительного искусства, музыкальные сочинения, немое кино, ритуальные действия [Горелов, Седов 1997: 281; Бахтин 1986: 51; Успенский 1995], и т. п. Иными словами, культура в целом, как это показано в работах Ю.М. Лотмана [Лотман 1999а, б], представляет собой текст в ее знаковом воплощении.

Широкое понимание термина "текст" утвердилась сравнительно недавно. Оно связано с ныне общей тенденцией трактовки культуры как сложного семиотического образования. Такой подход обусловлен развитием семиотики, науки о знаках, восходящей к идеям Ч. Пирса [Peirce 1960]. Речь, конечно же, здесь идет о современной семиотике, хотя, как было установлено, семиотические идеи прослеживались в классической древнегреческой традиции, в работах Блаженного Августина и его последователей (подробно об истории семиотики, начиная с древних греческих мыслителей, см. у А.В. Кравченко [Кравченко 2001: 43–52]).

Напомним, что идея создания науки о знаках возникла не только у Ч. Пирса. Ф. де Соссюр [Соссюр 1977] сформулировал основы науки о знаках, предложив для нее термин "семиология". Однако, несмотря на общую идею создания науки о знаках, Ч. Пирс и Ф. де Соссюр по-разному представляли себе основания этой науки; расходились они и в понимании знака. Ч. Пирсу и его последователям, в отличие от Ф. де Соссюра, свойственно широкое определение знака (под знаком понимается некий материальный носитель, представляющий другую сущность), распространяемое на разнообразные объекты: естественные и искусственные языки, неязыковые системы коммуникации, искусство, литературные произведения и т. д.

Вклад в развитие семиотической теории культуры внесли Ч. Моррис [Моррис 1983], Р. Карнап [Карнап 1959], Э. Кассирер [Кассирер 1983] и многие другие. В отечественной науке развитию семиотической теории культуры способствовало научное объединение исследователей, известное под названием Тартуско-Московской лингвистической школы. Особо следует выделить работы философов и литературоведов, прежде всего французской традиции, многие из которых постепенно перешли от структуральной к постструктуральной парадигме. С этим течением связаны та-

кие имена, как Р. Барт [Барт 1989; 1994], Ж. Делез и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 1990], Ж. Деррида [Деррида 2000а, б], Ю. Кристева [Kristeva 1967, 1978], М. Фуко [Фуко 1994; 1996; 1998].

При теоретическом осмыслении постструктурализма И.П. Ильин говорил о неоднородности данного научного направления, о смыкании постструктурализма с постмодернизмом (имеется в виду не литературное, а общефилософское течение) и деконструктивизмом, об отсутствии четких границ между ними и вытекающей отсюда возможности использовать термины "постструктурализм", "постмодернизм" и "деконструктивизм" как близкие по значению [Ильин 1998: 44]. Чтобы не вносить терминологической путаницы, далее под постструктурализмом будем иметь в виду обобщенное название для разных научных течений, объединяемых по принципу более или менее единого научно-методологического подхода к осмыслению культуры, сложившихся в 70–80-х годах XX века на основе преодоления и трансформации структуральной парадигмы.

Основным постулатом семиотической теории культуры является положение о культуре как системе знаков. Согласно этому положению, каждая культура представляет собой определенную систему конвенциональных знаков. Естественный язык, язык математики, нотная запись и т.д. – примеры знаковых систем, при помощи которых осуществляется кодирование феноменов культуры, хранение знаний человека о мире. Феномены культуры становятся, таким образом, знаковыми сущностями, в которых внешне воспринимаемая форма наделена значением, однако доступ к значению является уделом посвященных, т.е. тех, кто владеет знаниями о кодировании и декодировании семиотических систем. В связи со сказанным, можно утверждать, что культурные знаки – это знаки, наделенные неким тайным значением [Сакун 2001: 249].

Положение о культуре как знаковой сущности ведет к тому, что все явления культуры мыслятся как тексты. Идеолог концепции сплошной текстуализации, или теории "текста без берегов" Ж. Деррида, утверждает: "Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность ... Это означает, что текст – это не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол, – долингвистическое восприятие – уже само по себе для меня текст" (цит. по В.Е. Хализеву : [Хализев 2000: 246]). Поскольку культура и все, что существует в мире, есть текст, субъект неизбежно находится внутри текста. В результате его сознание есть тоже некая сумма текстов. Под текстом, таким образом, понимается решительно все, что порождает и воспринимает человек. Из сказанного следует, что текст – это не только вербальное образование. Этим термином можно обозначить все то, что попадает под определение знака в этом мире, будь то текст культуры, текст сознания, текст сновидения. Оснований для такого широкого применения термина "текст", как следует из предшествующего изложения, оказывается более чем предостаточно.

Распространение понятия "текст" на разные жизненные явления – это только часть вопроса. В связи с вхождением в научное пространство постструктуральной парадигмы несколько изменилось представление о тексте. Если в структуральной парадигме каждый текст рассматривается как замкнутая структура, в постструктурализме текст – это открытая структура, поскольку в любом тексте обнаруживаются следы других текстов. Присутствие текста в тексте, обозначаемое термином "интертекстуальность", введенным в научный обиход Ю. Кристевой [Kristeva 1967], предполагает, что текст порождается как интертекст и он может быть понят лишь в связи с другими текстами. Поскольку текст порождается и воспринимается как интертекст, о тексте как автономном образовании не может быть и речи. Отсюда вытекает важнейший тезис постструктурализма о несамотождественности текста.

В концепции постструктурализма текст – это не только интертекстуальная модель. У каждого текста есть "изнанка". В интерпретации В.Н. Дубровина, "этой изнанкой, определяющей все неструктурное в структуре, является чистое бытие жела-

ния" [Дубровин 2001: 69–70]. Для французского постструктурализма в лице М. Фуко [Фуко 1996] "чистое бытие желания" выражается в понятии "желание власти".

М. Фуко считает, что для каждой исторической эпохи характерна более или менее единая система знаний, образуемая из дискурсивных практик различных научных дисциплин. Согласно его наблюдениям, научные дисциплины в ту или иную эпоху поразительно обнаруживают одинаковые правила исследования и построения своих теорий, которые исследователями не осознаются (см., в частности, работу М. Фуко "Рождение клиники", в которой он прослеживает развитие медицины [Фуко 1998]). Совокупность этих правил М. Фуко обозначил термином "эпистема", которая реализуется как языковая норма, бессознательно предопределяющая мышление представителей культур. Поскольку эпистема всегда подчинена структуре властных отношений, она не может быть объективной.

Таким образом, "изнанкой" текста культуры, по М. Фуко, являются властные отношения. Удержанию власти служат средства массовой информации, находящиеся в распоряжении властных структур. Мистифицируя массовое сознание, они ведут к фундаментальной, онтологической трансформации культуры. Уничтожить жажду власти, руководимую человеком, как считает М. Фуко, невозможно, поэтому единственным противодействием является изобличение власти. Отсюда интерес исследователей к тексту, вскрытию в нем "властных мифологем" (см., например, работы Р. Барта [Барт 1989]), изучению стратегий власти в дискурсе (см., например, исследования Р. Блакара [Блакар 1987], Р. Водака [Водак 1997], Н.Л. Фэйрклау [Fairclough 1989]). Отсюда критика политической некорректности языка, особенно характерная для США, ведущая к пересмотру ряда словесных обозначений (см., например, работу С.Г. Тер-Минасовой, в которой обобщены результаты исследований в данном направлении [Тер-Минасова 2000]).

Термин "дискурс" не менее распространен, чем термин "текст" [Арутюнова 1990; Борботько 1981; Водак 1997; Макаров 1998; Мокрецова 2001; Плотникова 2000; Пушкин 1989 и др.]. Этим термином пользуются не только лингвисты, но также философы, этнографы, социологи, психологи. В.А. Канке, к примеру, отмечает, что в современной философии термин "диалектика", введенный древнегреческими мыслителями Зеноном и Сократом и означавший "искусство выяснения истины в столкновении противоположных истин", все более и более вытесняется термином "дискурс", под которым понимается "процесс получения нового знания на основе философски и научно самостоятельных суждений, представленных в языковой форме" [Канке 2001: 162–163].

Не преследуя цель рассмотрения всех возможных значений термина "дискурс", далее остановимся только на более или менее устоявшихся и получивших в последнее время широкое применение в ряде наук, и в первую очередь в филолого-лингвистических исследованиях.

Одно из значений термина "дискурс" направлено на уточнение традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Вместо выражений типа "стиль Хемингуэя", "язык Хемингуэя", "язык политической партии" становятся привычными выражения: "дискурс малой группы" [Макаров 1998], "дискурс мемуаров" [Мокрецова 2001], "дискурс бизнес-плана" [Хобракова 2001] и т. п. При таком понимании термина "дискурс" осуществляется описание способа говорения в различных разновидностях дискурса, при этом значимость имеют не только чисто языковые черты, стилистические особенности, специфика тематики, система убеждения и т. д., а также идеологическая окраска дискурса, исходящая из разнообразных социальных институтов. Ю.С. Степанов, раскрывая понятие дискурса в рассматриваемом значении, говорил, в частности, о том, что дискурс при таком подходе представляет собой особое использование языка (например, русского) для выражения особой ментальности и особой идеологии [Степанов 1995: 38]. Несложно обнаружить связь вышеизложенного понимания дискурса с принятыми в отечественной филологии терминами: "функци-

ональные стили речи" [Брандес 1983; Разинкина 1989], "языковые стили" [Будагов 1967], а также "регистры" [Шубин 1972].

Термин "дискурс" имеет иные значения, возникшие в связи с переориентацией лингвистики на изучение связных отрезков речи (60-е – 70-е года XX века). В исследованиях англо-американских авторов, благодаря З.С. Хэррису, который применил понятие дискурса для обозначения связного фрагмента речи, в котором он решал проблему встречаемости морфем [Harris 1963], сразу же наметилась стойкая тенденция обозначать такие отрезки термином "дискурс".

Во французской традиции одним из первых термин "дискурс" для связной речи употребил Э. Бенвенист, обозначив им "речевое произведение (discours), которое возникает каждый раз, когда мы говорим" [Бенвенист 1974: 312].

В ряде европейских стран на начальных этапах изучения связных отрезков речи предпочтительным все же оказалось использование термина "текст" [Agricola 1979; Dressler 1973; Isenberg 1974; Kahlverkamper 1981; Vieweger 1978]. Подобная тенденция имелась и в отечественном языкознании, обусловленная тем, что теоретики, стоявшие у истоков отечественной лингвистики текста, свой объект исследования назвали текстом [Гальперин 1981; Москальская 1981; Реферовская 1983; Тураева 1986].

Сказанное не означает, что термин "дискурс" в отечественной лингвистике не употреблялся. У И.Р. Гальперина, например, при определении сверхфразового единства приводится ряд синонимов к данному термину, в число которых попадает и термин "дискурс" [Гальперин 1981: 67]. В.А. Звегинцев предпочел именно термин "дискурс" для обозначения двух или нескольких предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи [Звегинцев 1976: 170]. В последующем в этом же значении термин "дискурс" продолжали употреблять и ряд других исследователей [Борбатько 1981; Слюсарева 1982].

То, что термин "дискурс" начал свое интенсивное шествование в отечественной лингвистике, в свое время констатировала Т.М. Николаева. Произведенный ею срез возможных значений данного термина в 1970-х годах, период его вхождения в терминологическое пространство отечественной лингвистической науки, позволил исследовательнице выделить следующие значения дискурса: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение (письменное или устное) как данность [Николаева 1978].

Допускающий различного рода толкования, термин "дискурс" естественным образом был сразу же зачислен в разряд многозначных. В последующем ситуация не изменилась ни в зарубежной, ни в отечественной лингвистике. Для сравнения можно привести две точки зрения, относящиеся к периоду, когда термин "дискурс" уже достаточно прочно вошел в научный обиход отечественной лингвистики. У В.А. Бухбиндера [Бухбиндер 1983] и А.Н. Мороховского [Мороховский 1989] дискурс определен как связный текст. Однако далее их точки зрения расходятся. У В.А. Бухбиндера дискурсом может быть как устный, так и письменный текст. По мнению А.Н. Мороховского, на статус дискурса может претендовать только текст устной формы речи. По поводу понятия "дискурс" А.Н. Мороховский, в частности, писал следующее: "Дискурс целесообразно определить как последовательность взаимосвязанных высказываний, принадлежащих разным коммуникантам (диалог)" [Мороховский 1989: 4].

Подход, в соответствии с которым в качестве дискурса анализируется только связный звучащий текст, не является случайным. Д. Кристал, рассматривая понятие "дискурс" в историческом аспекте, связывал его появление с направлением, получившим название "дискурсивный анализ", которое концентрирует свое внимание на структуре естественно возникающего устного сообщения; при этом под дискурсом понимается непрерывный, протяженный отрезок языка в его актуальном употреблении, например, интервью, диалог, лекция и т.д. Продолжая свой экскурс в разви-

тие понятия "дискурс" в лингвистических исследованиях, Д. Кристал писал также о том, что параллельно с исследованием устной речи появляется и другое направление, известное под названием текстовый анализ или лингвистика текста и основанное на изучении особенностей организации единиц, больших, чем предложение, но, главным образом, в письменной речи [Crystal 1987: 116].

Получается, что в этих направлениях термины "дискурс" и "текст" различаются на основе противопоставления устность / письменность речи. Однако нельзя не заметить, что оба направления при различии в именовании объекта исследования, тем не менее имеют много общего: и то и другое направление имеет дело с единицей, большей, чем отдельное предложение. Иными словами, и в том, и в другом случае перед исследователем предстает связный, законченный в смысловом отношении знаковый продукт. Поэтому разграничение понятий "дискурс" и "текст" носит довольно условный характер, в результате чего термины "текст" и "дискурс" в принципе оказываются взаимозаменяемыми. Такую точку зрения высказывали лингвисты, полагавшие, что термин "дискурс" – это английский эквивалент слову "текст", а направление "дискурсивный анализ" соответствует направлению, которое получило название "лингвистика текста", т.е. разница в терминах связана с тем, что они возникли в различных научных национальных школах [Kahlverkamper 1981].

По мере накопления знаний в области изучения связных единиц речи терминологический аппарат как-то уточнялся, пересматривался. Если в 1970-х годах, как подчеркивали Ю.С. Караулов и В.В. Петров, термину "дискурс" соответствовало его понимание как связной последовательности предложений или речевых актов, то начиная с 80-х годов, под дискурсом стали понимать сложное коммуникативное явление, для понимания которого необходимо привлечение экстралингвистических факторов (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) [Караулов, Петров 1989: 6]. Заметим, что в этом же смысле оказался использованным и термин "текст" [Дридзе 1984; Каменская 1990; Шабес 1989].

В настоящее время понимание дискурса как сложного коммуникативного явления свойственно многим современным исследователям. Приведем, к примеру, точку зрения Т.А. ван Дейка по поводу интерпретации понятия "дискурс" в этом ракурсе. Заметим, что его понимание дискурса не всегда было устойчивым, со временем оно как-то уточнялось, что представляется естественным, поскольку с каждым новым этапом в изучении речевого образования любому исследователю приходится как-то адаптировать понятийный аппарат к изменившимся условиям.

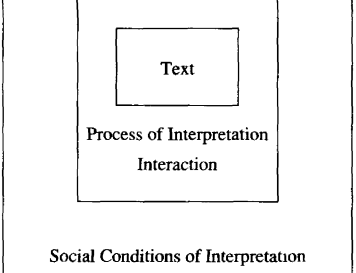
В одной из своих поздних работ термин "дискурс" по сложности его определения был поставлен Т.А. ван Дейком в ряд с такими понятиями, как "язык", "коммуникация", "взаимодействие", "общество", "культура". Начинать интерпретацию данного понятия следует с утверждения о том, что дискурс – это использование языка, хотя, как подчеркивает исследователь, эта формулировка ясного представления о том, что такое дискурс, еще не дает, а только отграничивает лингвистическую интерпретацию данного понятия от его интерпретаций в других дисциплинах. Более точная формулировка, раскрывающая суть дискурса, по Т.А. ван Дейку, состоит в том, что дискурс – это коммуникативное событие (communicative event). Как коммуникативное событие, дискурс не мыслим без участников общения, что предполагает их взаимодействие (интеракцию) в социальных ситуациях. Поскольку дискурс – это коммуникативное событие, то в нем задействованы не только язык в его актуальном употреблении, а также те ментальные процессы, которые непременно имеют место в процессе коммуникации [Dijk 1997: 1–3]. Следует особо подчеркнуть, что Т.А. ван Дейком высказывается точка зрения о том, что актуальное употребление языка, а, следовательно, и понятие дискурса не ограничено исключительно сферой устной речи. Для распространения понятия дискурса на письменный текст аргументов оказывается предостаточно: письменный текст – это произведение речевое, есть участники, находящиеся во взаимодействии; порождение и восприятие письменного текста невозможно без ментальных процессов и социального контекста. Безусловно, своя

специфика здесь имеется, проистекающая из особенностей письменной речи. Задача как раз и состоит в том, чтобы изучить эту специфику [Dijk 1997: 3–5].

Возможность использования понятия "дискурс" как к устному, так и письменному тексту ставит вопрос о соотношении понятий "дискурс" и "текст". Т.А. ван Дейк в более ранней работе говорил о том, что дискурс – это актуально произнесенный текст: текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного; дискурс – это понятие, относящееся к речи, текст – это понятие, касающееся системы языка [Дейк 1989]. Иными словами, текст и дискурс здесь соотнесены точно также, как и предложение и высказывание.

В понимании Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, "под дискурсом следует иметь в виду когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Такое противопоставление реального говорения его результату помогает понять и то, в каком смысле текст может трактоваться как дискурс: только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. Точно так же верно и обратное, когда мы наблюдаем за созданием текста, состоящего из последовательности предложений, связанных по смыслу, обладающих внутренней грамматикой, имеющей прагматическую установку и содержащих элементы, выполняющие функцию воздействия". Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова подчеркивают, что дискурс следует рассматривать как "явление процессуальное, деятельностное, т.е. как синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия (говорение, сказывание и т.д.)" [Кубрякова, Александрова 1997: 19].

Такое разграничение понятий "дискурс" и "текст" звучит достаточно убедительно, хотя М.К. Бисималиева в своей статье, посвященной анализу понятий "текст" и "дискурс", не могла не указать на следующий очевидный факт: «исследователи нередко, оперируя понятием "текст", рассматривают языковой отрезок текста как динамически развивающийся» [Бисималиева 1999: 82]. Приведем еще одну точку зрения по поводу установления соотношения между понятиями "текст" и "дискурс", принадлежащую Н.Л. Фэйрклау и во многом сходную с изложенным выше разграничением данных понятиях в толковании Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой. Н.Л. Фэйрклау соотношение понятий "текст" и "дискурс" представляет при помощи следующей схемы:



Текст есть продукт процесса порождения и интерпретации. Дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст. Таким образом, анализ текста – это есть лишь часть анализа дискурса. Кроме анализа текста, дискурс

включает социальные условия, которые предопределяют порождение и восприятие текста, ментальные процессы и т д [Fairclough 1989 24–25]

Итак, в результате рассмотрения понятия дискурса вырисовывается довольно пестрая картина, свидетельствующая о том, что однозначного толкования данного термина, как, впрочем, и текста, не существует Однако понимание дискурса как сложного коммуникативного события при лингвистическом подходе (как сложного семиотического события – при широкой трактовке понятия "текст") становится более или менее устойчивым на настоящем этапе развития науки, как и различение понятий "дискурс' и ' текст" текст (вербальный или невербальный) рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд 1999 – *И В Арнольд* Семантика Стилистика Интертекстуальность СПб , 1999

Арутюнова 1990 – *Н.Д Арутюнова* Метафора и дискурс // Теория метафоры М , 1990

Барт 1989 – *Р Барт* Избранные работы Семиотика Поэтика М , 1989

Барт 1994 – *Р Барт* S / Z М , 1994

Бахтин 1986 – *М М Бахтин* Эстетика словесного творчества М , 1986

Бенвенист 1974 – *Э Бенвенист* Общая лингвистика М 1974

Бисималиева 1999 – *М К Бисималиева* О понятиях текст ' и дискурс ' // Филологические науки 1999 № 2

Блакар 1987 – *Р Блакар* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия М , 1987

Борботько 1981 – *В Г Борботько* Элементы теории дискурса Грозный, 1981

Брандес 1983 – *М П Брандес* Стилистика немецкого языка М , 1983

Будагов 1967 – *Р А Будагов* Литературные языки и языковые стили М , 1967

Бухбиндер 1983 – *В А Бухбиндер* О предмете текстуальной лингвистики // Проблемы текстуальной лингвистики Киев, 1983

Водак 1997 – *Р Водак* Язык Дискурс Политика Волгоград, 1997

Гальперин 1981 – *И Р Гальперин* Текст как объект лингвистического исследования М , 1981

Горелов, Седов 1997 – *И Н Горелов К Ф Седов* Основы психолингвистики М , 1997

Дейк 1989 – *Т А ван Дейк Язык* Познание Коммуникация М , 1989

Делез, Гваттари 1990 – *Ж Делез Ф Гваттари* Капитализм и шизофрения Анти-Эдип М , 1990

Деррида 2000а – *Ж Деррида* О грамматологии М , 2000

Деррида 2000б – *Ж Деррида* Письмо и размышление М , 2000

Дридзе 1984 – *Т М Дридзе* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации Проблемы семиосоциопсихологии М , 1984

Дубровин 2001 – *В Н Дубровин* Постструктурализм // Философия Краткий тематический словарь Ростов-на Дону, 2001

Звегинцев 1976 – *В А Звегинцев* Предложение и его отношение к языку и речи М , 1976

Ильин 1998 – *И П Ильин* Постмодернизм от истоков до конца столетия эволюция научного мифа М , 1998

Каменская 1990 – *О Л Каменская* Текст и коммуникация М , 1990

Канке 2001 – *В А Канке* Философия Исторический и системный курс М , 2001

Караулов Петров 1989 – *Б С Караулов В В Петров* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // *Т А ван Дейк* Язык Познание Коммуникация М , 1989

Карнап 1959 – *Р Карнап* Значение и необходимость Исследования по семантике и модальной логике М , 1959

Кассирер 1983 – *Э Кассирер* Опыт о человеке Введение в философию человеческой культуры // Проблемы человека в западной философии М , 1983

Кожина 1983 – *М Н Кожина* Стилистика русского языка М , 1983

Кравченко 2001 – *А В Кравченко* Знак Значение Знание Очерк когнитивной философии языка Иркутск , 2001

Кубрякова, Александрова 1997 – *Е С Кубрякова О В Александрова* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира пространство и время М , 1997

Лотман 1999а – *Ю М Лотман* Беседы о русской культуре Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб , 1999

Лотман 1999б – *Ю М Лотман* Внутри мыслящих миров Человек – текст – семиосфера – история М , 1999
Макаров 1998 – *М Л Макаров* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1998
Мокрецова 2001 – *Н М Мокрецова* Схематизм дискурса мемуаров // Языковая реальность познания Вестник ИГЛУ Сер Лингвистика Иркутск 2001 № 3
Мороховский 1989 – *А Н Мороховский* К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки Киев, 1989
Моррис 1983 – *Ч Моррис* Основания теории знаков // Семиотика М , 1983
Москальская 1981 – *О И Москальская* Грамматика текста М , 1981
Николаева 1978 – *Т М Николаева* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике М ,1978 Вып VIII
Плотникова 2000 – *С Н Плотникова* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) Иркутск, 2000
Пушкин 1989 – *А А Пушкин* Прагматические характеристики дискурса личности // Лингвистические аспекты языкового общения Калинин, 1989
Разинкина 1989 – *Н М Разинкина* Функциональная стилистика М , 1989
Реферовская 1983 – *Е.А Реферовская* Лингвистические исследования структуры текста Л , 1983
Сакун 2001 – *Ю П Сакун* Культурные символы // Философия Краткий тематический словарь Ростов-на-Дону, 2001
Слюсарева 1982 – *Н А Слюсарева* Лингвистика речи и лингвистика текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста М , 1982
Соссюр 1977 – *Ф де Соссюр* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию М , 1977
Степанов 1995 – *Ю С Степанов* Альтернативный мир, дискурс факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века М , 1995
Тер-Минасова 2000 – *С Г Тер Минасова* Язык и межкультурная коммуникация М , 2000
Тураева 1986 – *З Я Тураева* Лингвистика текста (Текст структура и семантика) М , 1986
Успенский 1995 – *Б А Успенский* Семиотика искусства М , 1995
Флоренский 2001 – *П А Флоренский* Иконостас М , 2001
Фрейд 1990 – *З Фрейд* Психология бессознательного М , 1990
Фуко 1994 – *М Фуко* Слова и вещи Археология гуманитарных наук М , 1994
Фуко 1996 – *М Фуко* Воля к истине По ту сторону знания, власти и сексуальности М , 1996
Фуко 1998 – *М Фуко* Рождение клиники М , 1998
Хализев 2000 – *В Е Хализев* Теория литературы М , 2000
Хобракова 2001 – *Л М Хобракова* Оценочность в дискурсе бизнес-плана // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества Иркутск, 2001
Хэллидей 1980 – *М А К Хэллидей* Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике М , 1980 Вып IX
Шабес 1989 – *В Я Шабес* Событие и текст М , 1989
Шубин 1972 – *Э П Шубин* Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам М , 1972
Юнг 1997 – *К Г Юнг* К вопросу о подсознании // К Г Юнг, М -Л фон Франц, Дж Л Хендерсон, И Якоби, А Явве Человек и его символы М , 1997
Agricola 1979 – *E Agricola* Textstruktur Textanalyse Informationenkern Leipzig, 1979
Crystal 1987 – *D Crystal* The Cambridge encyclopedia of language Cambridge , 1987
Dijk 1997 – *T A van Dijk* The Study of discourse // T A van Dijk (ed) Discourse as structure and process Discourse Studies A multidisciplinary introduction V I London, New Delhi, 1997
Dressler 1976 – *W Dressler* Einfuhrung in die Textlinguistik Tubingen, 1976
Fairclough 1989 – *N.L Fairclough* Language and power London, New York, 1989
Fairclough 1995 – *N L Fairclough* Critical discourse analysis Papers in the critical study of language London, 1995
Isenberg 1974 – *H Isenberg* Texttheorie und Gegenstand der Grammatik Berlin, 1974
Harris 1963 – *Z S Harris* Discourse analysis Mouton, 1963
Kahlverkamper 1981 – *H Kahlverkamper* Orientirung zur Textlingustik Tubingen, 1981
Kristeva 1967 – *J Kristeva* Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique Paris, 1967 № 23
Kristeva 1978 – *J Kristeva* Desire in language A semiotic approach to literature and art New York, 1978
Lacan 1977 – *J Lacan* Ecrits A selection London, 1977
Peirce 1960 – *Ch S Peirce* Elements of logic // Collected papers of Ch S Pierce V 2 Cambridge (Mass), 1960
Vieweger 1978 – *D Vieweger* Struktur und Funktion nominativer Kette im Text // Kontexte der Grammatiktheorie / W Motsch (Hrsg) Berlin, 1978

№ 6 2003

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Dimensions of possession / Ed by I Baron, M Herslund, F Sørensen Amsterdam, Philadelphia John Benjamins, 2001 337 p (Typological studies in language V. 47)

Тематика посессивных конструкций в последнее время активно разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике Это проявляется, в частности, во все возрастающем количестве монографий и конференций, посвященных данной области грамматики Результатом одной из таких конференций, проводившейся в 1998 г в Копенгагене, и стал сборник "Dimensions of possession '

Учитывая место проведения симпозиума, не удивительно, что основной состав авторов – это скандинавские лингвисты, большинство из которых, к тому же, представляют Данию Многочисленные и продуктивные датские исследования по типологии и семантике не относятся к числу широко известных – может быть, из-за относительной недоступности сборников, издаваемых в Копенгагене (кстати, один из этих сборников, "Possessive structures in Danish" [1997], и по составу авторов, и по затрагиваемым проблемам можно считать непосредственным предшественником "Dimensions of possession") Рецензируемое издание в значительной степени восполняет указанный пробел, хотя и не в полной мере· так, в сборнике практически отсутствуют работы датских формальных лингвистов, занимающихся той же тематикой

Сборник ориентирован, в первую очередь, на функционально-семантический подход к посессивным конструкциям Это фактически заявлено уже в пространном введении, написанном М Херслундом и И Барон, это же прочитывается и в названии сборника, которое недвусмысленно отсылает к одному из важнейших функционалистских трудов по посессивным конструкциям – книге Х Зайлера 'Possession as an operational dimension of language" [Seiler 1983] И неслучайно именно статья Зайлера, посвященная общему представлению посессивности в свете корреляций между семантикой (связываемой, в частности, с градуальным противопоставлением отторжимой' и "неотторжимой" принадлежности) и формальным типом конструкции, открывает основную часть сборника

Несмотря на явный типологический настрой, задаваемый введением и статьей Зайлера, немалая часть последующих работ имеет дело с преимущественно теоретическим обсуждением довольно известных конструкций романских и германских языков К ним относятся статьи О Тогебю, Ф Серенсена, Л Хельтофта, И Барон и М Херслунда по датскому языку, И Бартнинг и М Ригеля по французскому, Х.Х Мюллера по испанскому, А -М. Спаноге по португальскому, А Махтелта Болкенстайна по классическому латинскому К этому же списку примыкает и работа хорошо у нас известного слависта П Дурст-Андерсена, применяющего свою весьма своеобразную падежную концепцию для описания родительного, дательного и творительного падежей русского языка (некоторое представление о теоретических взглядах этого автора на категорию падежа российский читатель мог получить, например, из статьи [Дурст-Андерсен 2000])

Хотя предлагаемые подходы к описанию посессивности существенно разнятся (например, в том, какая роль в них отводится грамматическим и лексическим средствам), лейтмотивом, проходящим через многие теоретические статьи, является локалистская концепция, рассматривающая в качестве исходных пространственные отношения К сожалению, многие работы, претендующие на построение достаточно общей теории посессивности, охватывают лишь небольшой круг подчас периферийных конструкций, связываемых с этим понятием Кроме того, для прояснения сущности ряда явлений нередко привлекаются их

"перифразы" (например, с глаголом 'иметь'), что приводит к смешению характеристик совершенно разных конструкций Что же касается частных исследований, посвященных отдельным фрагментам языковой структуры, то основным их достижением нередко оказывается лишь подробная (и навряд ли исчерпывающая) классификация значений и/или функций – сродни тем, что обычно приводятся в дескриптивных грамматиках

Правда, немало статей сборника все-таки включают обсуждение конструкций, не получивших достаточного внимания в теоретической литературе Несомненно, что исследования, включенные в ' Dimensions of possession" могут показаться в этом аспекте интересными многим из тех, кто занимается проблематикой посессивности, причем отнюдь не только лингвистам, в сферу интересов которых входит датский язык Из работ, посвященных экзотическому" материалу, следует указать описание предикативных посессивных конструкций (со значением обладания) в австралийских языках группы нюлнюл (У МакГрегор) и в койсанском языке кхое (Б Хайне), а также обсуждение конструкций с ' внешним посессором ' (об этом популярном ныне в типологии термине см , например [External possession 1999, Кибрик 2000]) в представительной выборке североамериканских языков (М Митун)

Работы, привлекающие материал разноструктурных языков, стоят в сборнике несколько особняком Э Даль и М. Копчевская-Тамм подробно обсуждают типологически релевантные особенности терминов родства, указывая при этом на не столь очевидную (для языковедов) гетерогенность этой лексической категории. Статья замечательна уже тем, что она пытается суммировать довольно разрозненные факты, касающиеся как грамматического, так и лексического аспектов терминов родства, задавая тем самым основу для более обширного исследования Другая интересная работа, связанная со сравнением генетически и ареально далеких языков, принадлежит К Фраурюд, которая ставит под вопрос встречающееся в отношении некоторых языков с вершинным маркированием утверждение о развитии новых показателей определенности из посессивных аффиксов Как показано в статье, хотя посессивные показатели в этих языках действительно имеют более широкое употребление, нежели их аналоги в языках "среднеевропейского стандарта", говорить о том, что эти морфемы развились в маркеры определенности, как правило, нельзя

В целом, сборник 'Dimensions of possession" оставляет несколько противоречивые впечатления С одной стороны, книга содержит немало любопытных наблюдений. С другой стороны, некоторые теоретические заключения, на наш взгляд, не являются ни в полной мере обоснованными, ни достаточно проиллюстрированными Более того, с теоретической точки зрения в книге можно найти, пожалуй, не так уж много нового Например, та же локалистская концепция посессивных конструкций активно разрабатывалась многими (в том числе и отечественными) лингвистами, но при этом неоднократно оспаривалась Заметим, кстати, что в то время, как большинство локалистских авторов сборника ссылаются – вероятно, в качестве поддержки своих тезисов – на недавнюю монографию Б Хайне [Heine 1997], для самого Хайне локативные конструкции – это лишь один из многих источников грамматикализации посессивных конструкций Отсюда, конечно, следует, что у двух типов конструкций должно иметься нечто общее, но включения посессивных отношений в число пространственных это все же не требует Аналогичные замечания можно отыскать и в статье Хайне, опубликованной в рецензируемом издании

Вероятно, некоторые недостатки сборника можно отнести на счет того, что по существу он включает материалы конференции, а следовательно, сам формат статей оказывается в какой-то степени ограничен Нам представляется, однако, что есть и другая причина – а именно отсутствие четких представлений о том, что следует считать посессивными конструкциями Отчасти это связано с неразграничением понятий типа 'владеть', 'иметь при себе' и грамматического понятия посессивности, вследствие чего становятся возможными даже такие курьезные высказывания, как, например, "посессивность не является грамматикализованным концептом в датском языке" (О Тогебю) Впрочем, и определить, что есть "лингвистически релевантная посессивность" не так просто, соответственно, каждый автор оказывается волен понимать это по-своему (здесь можно, например, вспомнить, что П. Дурст-Андерсен отказывает русскому родительному падежу в выражении посессивности) Тем более размытость объекта исследования проявляется, когда исследователь сталкивается с переходным явлением – по крайней мере две статьи (исследование А Махтелта Болкенстайна, посвященное латинскому дативу, и обзорная работа М Митун) отстаивают ту точку зрения, согласно которой некоторые

конструкции, традиционно считавшиеся посессивными, на самом деле выражают другие (экспериенциальные) значения Наконец, вполне показательно и включение в сборник статьи Э Даля и М Копчевской-Тамм, где авторы, хотя и рассматривают класс слов (термины родства), чрезвычайно важный для понимания приименных посессивных конструкций, в то же время фактически затрагивают и другие языковые области (например, словообразование, категорию числа и даже поведение в дискурсе)

Как кажется, до тех пор, пока не будет сформировано достаточно четкое представление о сфере посессивности, говорить даже о возможности законченных теорий, описывающих устройство посессивных конструкций и их отношение к другим грамматическим явлениям, еще рано Мы уверены, однако, что на 'Dimensions of possession' можно посмотреть и под другим углом – как на множество фактов и концепций, которые еще ждут своего осмысления И, вероятно, не случайно, что зайлеровское "измерение" (dimension) в названии сборника получило форму множественного числа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дурст-Андерсен 2000 – *П Дурст-Андерсен.* Предложно-падежная система русского языка Понятие контакт vs неконтакт" // Логический анализ языка Языки пространств / Отв ред Н Д Арутюнова, И Б Левонтина М , 2000

Кибрик 2000 – *А Е Кибрик* Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и в словаре Сб статей к 70-летию академика Ю Д Апресяна / Отв ред Л Л Иомдин, Л П Крысин М , 2000

Possessive structures in Danish 1997 – Possessive structures in Danish / Ed by I Baron, M Herslund Copenhagen, 1997

Heine 1997 – *B Heine* Possession Cognitive sources, forces, and grammaticalization Cambridge, 1997

External possession 1999 – External possession / Ed by D L Payne, I Barshi Amsterdam, Philadelphia, 1999

Seiler 1983 – *H Seiler* Possession as an operational dimension of language Tubingen, 1983

Ю А Ландер

***Р.К. Потапова.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика.** М , УРСС, 2001, 564 стр Издание второе, дополненное

Родмонга Кондратьевна Потапова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой экспериментальной и прикладной лингвистики Московского Государственного Лингвистического Университета, академик Международной Академии Информатизации, заведующая отделением экспериментальной и компьютерной лингвистики МГЛУ, хорошо известна в научном мире в нашей стране и за рубежом своими основополагающими работами в области фонетики, фонологии, распознавания устной речи, а также как специалист и в более широких и фундаментальных проблемах общего и прикладного языкознания, особенно в актуальных сейчас областях общения с компьютером Автор книг "Речевое управление роботом" (М , Радио и связь, 1989), 'Слоговая фонетика германских языков' (М , Высшая школа, 1986), "Введение в лингвокибернетику" (М , МГЛУ, 1990), 'Тайны современного Кентавра' (М , Радио и связь, 1992) и ряда других В данном, втором и дополненном издании книги "Речь коммуникация, информация, кибернетика' помимо изложения основных принципов взаимодействия человека и машины, построения лингвистических и математических алгоритмов распознавания речи и управления роботами приводятся новые данные и результаты, как полученные автором лично и под ее руководством, так и те, которые известны из публикаций и вносят существенные дополнительные и новые знания в актуальную и развивающуюся область прикладной и экспериментальной лингвистики

Книга состоит из трех частей и 11 глав Часть I – Речевая коммуникация Часть II – Речевая информация Часть III – Речевая кибернетика К каждой части дается список литературы В книге также есть словарь терминов и два приложения

В предисловии говорится, что в данном втором дополненном издании книги описаны результаты новейших исследований в названных областях модели речевой коммуникации, речь в общей системе средств коммуникации, полифункциональность речевого сигнала, специфика речевого сигнала с позиций речеобразования, акустики и перцепции, речевой сигнал и новейшие способы анализа и синтеза речи, современные способы кодирования речи, экспертные системы с речевым управлением, речевая кибернетика и искусственный интеллект Содержатся новей-

шие сведения и конкретные данные, позволяющие наиболее полно освещать феномен коммуникации как между людьми, так и между машиной и человеком

Специальный материал посвящен физиологии восприятия с позиций современных достижений в этой области Описание строится по принципу от психофизики и первичной обработки простых и сложных стимулов к восприятию сложных естественных и искусственных стимулов Освещаются механизмы адаптации и маскировки При описании закономерностей слухового восприятия речевых сигналов и слитной речи большое внимание уделено существенным для восприятия признакам речи, речевой избирательности, категориальности восприятия речи, моделям слухового восприятия, активным и пассивным, специфике восприятия единиц сегментного и супрасегментного уровней языка, коартикуляции, а также речи в условиях различного рода помех Рассматриваются соотношения речи и теории информации, метаязык описания речевой информации, способы передачи информации по каналам связи, специфика акустического представления речевого сигнала и т д

Речевая коммуникация понимается как процесс обмена языковыми сообщениями между динамическими системами В связи с этим речевой сигнал описывается с учетом специфики сообщения, специфики получателя (адресата) и отправителя (адресанта), особенностей канала, по которому передается акустическая информация

Особое внимание уделено трудностям выделения и описания речевого сигнала в связи с комплексным характером структуры последнего Рассматриваются базовые составляющие речевого сигнала, входящего в состав сегментных и супрасегментных единиц речевого сообщения Представлены различные виды анализа речевого сигнала Большое внимание уделяется различным способам акустического анализа речевого сигнала с помощью современных ПЭВМ Описываются различные аппаратно-программные средства акустического анализа речевого сигнала Излагаются результаты собственных исследований в данной области

Совместно с описанием современных методов анализа речевого сигнала производится описание синтеза сигнала, проводимого с помощью самых различных способов, практикуемых в разных странах мира с привлечением аппаратных и программных средств Подробно рассматриваются такие способы синтеза речевого сигнала, как синтез по правилам, формантный синтез, синтез на базе линейного предсказания, синтез текст-речь', артикуляторный синтез, компилятивный синтез и пр Детально освещаются особенности синтеза сегментных единиц речи (дифонов, звуков, аллофонов, псевдослогов, слогов, слов, ритмических структур, синтагм, фраз, текста), а также супрасегментных единиц (ударения, мелодики, пауз, темпа и т д) Принципиально новым по сравнению с имеющимися работами по синтезу речи является освещение современных способов синтеза с помощью ПЭВМ Приводятся различные программные способы решения задачи качественного синтеза речи Описаны результаты собственных исследований, проведенных на базе различных синтезаторов

Обосновывается целесообразность введения новой отрасли науки и техники – лингвокибернетики и ее раздела – речевой кибернетики В связи с этим определяются основной объект речевой кибернетики, аппарат исследования этого объекта, методы исследования, способы описания и классификации, основные понятия

В качестве базового понятия лингвокибернетики рассматривается естественный языковой код при условии его полиинформативного функционирования Речевая кибернетика входит составной частью в лингвокибернетику, основываясь на речевом сигнале в его устной разновидности

Лингвокибернетика соотносится со специфической сферой деятельности человека – взаимодействием человека и машины, что порождает ряд трудностей психологического, физиологического, этического, эргономического, инженерного и информационного характера

Рассматриваются новые поколения автоматизированных распознающих речь систем Причем представлено не только их описание, но и дан анализ положительных и отрицательных решений проблемы При рассмотрении последних вариантов подобных систем наибольшее внимание уделяется экспертным системам США, Японии, ФРГ Анализируются пути решения проблемы баз данных и баз знаний с позиций речевого управления системами

Речевой сигнал рассматривается не только как носитель акустической и фонетической информации, но и комплексной многоярусной лингвистической информации, что позволяет увеличить надежность автоматического распознавания и понимания речи Соответствующее место отведено последним достижениям в области автоматического распознавания речи, передаваемой по телефонным трактам Освещены перспективы развития систем ре-

чевого управления с элементами искусственного интеллекта, базирующихся на исследованиях автора Намечены приоритетные направления в развитии современного речеведения и определена концепция использования новых информационных технологий в лингвистике

Часть I – Речевая коммуникация , – содержит четыре главы Во введении говорится, что развитие любой науки в конечном счете определяется потребностями практической деятельности людей Речеведение как самостоятельная отрасль представляет собой сравнительно молодую науку Традиционные прикладные задачи в данной области связаны с созданием систем транскрипции устной речи, транслитерации иноязычных слов, стенографии, письма для слепых С развитием цивилизации возникают более сложные задачи повышение скорости типографского набора на основе рационального использования свойств языка, упорядочение, унификация и стандартизация научно-технической терминологии, изучение процессов и создание правил образования названий новых изделий – товаров, химических веществ, разработка методов смыслового отождествления текстов (например, при информационном поиске), аннотирования, а также адекватного преобразования текстов в иноязычную форму (перевод), отбор языкового материала в целях совершенствования преподавания языков, создание специальных лингвистических справочников для решения перечисленных задач, создание и изучение развития искусственных языков

До середины XX века лингвистика решала практические задачи, обеспечивающие прежде всего удовлетворение нужд человека Потребителем словарей, грамматик, практических учебников по языку является человек, который владеет реально по крайней мере одним языком, на котором он общается с другими людьми Прикладная лингвистика второй половины XX века рассматривает методы решения указанных выше задач не только человеком, но также и автоматами – цифровыми электронными вычислительными машинами Термин прикладная лингвистика появился в конце 20-х годов XX века, когда была осознана необходимость строгого научного решения соответствующих задач с использованием методов формального лингвистического анализа письменных и акустико-лингвистического анализа устных сообщений

Общие методы решения задач прикладной лингвистики разрабатываются теоретическим языкознанием, прежде всего той его областью, которая изучает формальные алгоритмические процедуры анализа языка, а также математической лингвистикой Основными направлениями прикладной лингвистики в целом и речеведения в частности являются автоматическое распознавание и синтез речи, автоматические методы переработки текстовой информации, автоматизация информационных работ, создание автоматизированных систем информационного поиска, автоматических словарей, разработка методов автоматического аннотирования, реферирования и автоматического (машинного) перевода, лингвистическое обеспечение автоматизированных систем управления (АСУ), стандартизация научно технической терминологии

Сфера практических задач лингвистики резко расширяется в период возникновения технических систем коммуникации Передача сообщений по телефону и радио выдвигает ряд инженерных задач, требующих исследования тех свойств звуковой речи, которые влияют на надежность передачи сообщения по каналам связи

Рождение кибернетики в особенности сказалось на технических формах применения лингвистики Развитие быстродействующих ЭВМ создало условия для автоматизации различных видов умственной деятельности человека Принципиальное значение этого факта состоит в том, что появляется возможность создания новых каналов передачи сообщений, новых коммуникативных систем человек-машина человек Перед лингвистикой встает задача такого описания языка, которое отвечало бы требованиям общения с машиной Поэтому естественные для обычных грамматик и словарей неполнота и неточности формулировок не могут быть исправлены автоматом Недоступным для ЭВМ является также смысл языковых выражений в их обычном представлении

Неправильным было бы считать, что новые технические применения языка представляют интерес сами по себе только в связи с возможностями новой электронной техники Результаты в этом направлении оказываются полезными и при решении традиционных прикладных задач языкознания Предлагаются новые приемы обучения языку совершенствуются методы составления словарей и т д

Наибольшую популярность среди технических приложений лингвистики получил машинный перевод Эксперименты по применению электронных вычислительных устройств для перевода с одного языка на другой имеют фундаментальное значение для языкознания Они открывают возможность моделирования процесса перевода, который в обычных условиях протекает в скрытом виде и не

может быть описан явным образом во всех де
талях Передача функций переводчика авто
матическому устройству оказывается возможной только при условии составления точных правил перевода Необходимо составление особых словарей и грамматик для системы машинного перевода на компьютере

Поиски путей решения проблемы создания совершенных систем машинного перевода усложняют процесс преобразований входного языка приводят к структурированию этого процесса, разделению его на ряд самостоятельных этапов Анализ и синтез текста расчленяются на отдельные блоки, иногда при этом разделяются морфологический и синтаксически анализ и синтез Современные системы машинного перевода работают по принципу передачи в первую очередь переводных соответствий в рамках конкретной языковой пары Более сложные процедуры анализа и синтеза позволят учесть многие дополнительные факторы, которые способствуют правильной передаче плана содержания входного текста

Иллюзии и реальности машинного перевода имели очень важные последствия для языкознания в целом В теоретическом отношении они позволили уточнить важные исследовательские проблемы В прикладной лингвистике машинный перевод привел к постановке целой серии частных задач Среди них особое место занимает автоматизация ввода и вывода информации в ЭВМ

Идеальным было бы общение с ЭВМ на естественном языке В частности, производственное решение проблемы машинного перевода предполагает наличие автомата для считывания письменного текста, а затем и для автоматического восприятия устной речи Простые входные устройства в будущем должны обеспечить визуальную и слуховую связь с машиной

Над созданием специальных устройств для автоматического ввода информации в ЭВМ работают инженеры и специалисты по распознаванию образов Уже созданы модели электронных читающих устройств, которые способны считывать машинописный текст Сложнее пока обстоит дело с чтением рукописного текста Полностью решена задача вывода информации из ЭВМ в печатном виде

Сложные проблемы возникают в связи с созданием слушающих автоматов Начали ставиться и решаться задачи распознавания устной слитной речи, а также задачи развития диалоговых систем в робототехнике Особый интерес вызывает разработка многодикторских систем, способных распознавать слова и фразы, произнесенные разными дикторами Диалог ' человек-машина станет неэффективным, если возможности человека будут изучены хуже, чем возможности ЭВМ Это обстоятельство повышает важность изучения средств автоматизированного диалога, который становится комплексным с применением зрительного, речевого, слухового и тактильного каналов Для успешного развития робототехнических систем, управляемых с помощью речи, особое значение приобретает решение таких задач как изучение специфики обмена информацией между людьми, функционирование органов чувств в процессе распознавания и ориентации, моделирование языка и речи, моделирование творчества и автоматизации научно исследовательской деятельности, формализация средств ведения диалога и многих других видов человеческой деятельности Перспективными представляются дальнейшее развитие и разработка робототехнических систем, управляемых речью, с использованием марковских моделей и экспертного подхода

Ведутся работы по автоматическому синтезу звуков речи Они важны для автоматизации вывода информации в форме устной речи в таких ситуациях, когда необходима быстрая реакция со стороны человека при решении задач управления сложными производственными процессами, а также при синхронном машинном переводе с голоса

Проблемы устного ввода и автоматического синтеза речи представляют собой комплекс исследовательских задач не менее сложный, чем машинный перевод Для их решения наука о языке должна серьезно изучить процессы функционирования языка

Весьма актуальной задачей для народного хозяйства становится автоматическая переработка информации в разных системах справочно-библиографических информационно-поисковых системах (ИПС), в АСУ предприятиями и целыми отраслями промышленности Внедрение автоматизации в информационное дело в настоящее время приобретает первостепенное значение На базе исследований в этой области сложилось особое научное направление – теория научной информации или информатика, или документалистика Центральное место в информатике (термин "информатика в настоящее время чаще используется во втором значении заимствованном из французского языка, а именно "программирование, компьютерные технологии, вычислительная техника – прим рецензента) занимает общая теория знаковых систем (семиотика) и лингвистика, а также теория больших систем, управления и другие математические дисциплины Перед

информатикой стоят сложные задачи смысловой обработки текста индексирование документов и автоматизация его обработки, построение классификации документов, автоматическое получение различных смысловых преобразований – аннотаций, рефератов, обзоров, информационно-поисковых тезаурусов Основные трудности, возникающие при этом, носят лингвистический характер

Одним из последних по времени появления среди новых технических приложении лингвистики явилось компьютерное обучение В эпоху научно-технической революции непрерывно увеличивается объем знании, подлежащих усвоению Вместе с тем время затрачиваемое человеком на обучение, не может расти в такой же мере

Новые технические приложения лингвистики, связанные с распространением ЭВМ, существенно отличаются от классических приложений языкознания Ранее лингвисты составляли словари и грамматики отдельных языков для нужд человека Кибернетические' приложения лингвистики значительно изменили наши взгляды на формы грамматик и словарей, показали зависимость типа описания от практических задач Новые технические средства предъявляют жесткие требования к форме записи грамматических правил и словарных характеристик Каждый знает, что такое правильно построенная фраза, как согласуются слова друг с другом, но никто пока не может исчерпывающе адекватно передать эти знания машине Требования полноты, однозначности и формализации всех аспектов языка – основные условия для составления машинных грамматик и словарей

Задачи прикладной лингвистики приводят к уточнению и корректировке центральной проблемы языкознания – соотношения языка и мышления В цепи феноменов язык мысль промежуточное место теперь занимает искусственный язык, который можно использовать для эксплицитного фиксирования смысла

Лингвистика как наука, способная решать практические задачи, тесно связана с точными науками логикой, математикой Язык математики считается наиболее точным, но он своими корнями уходит в естественныи язык и поэтому в основе любого логического исчисления лежит естественный язык

Следующей областью, тесно связанной с лингвистикой, является коммуникация Вся коммуникация исторически осуществлялась на трех уровнях обмен сообщениями, обмен удобствами (товарами, услугами), обмен брачными партнерами На всех трех уровнях ведущая роль принадлежит языку так как виды коммуникации предполагают его существование и сопровождаются речевыми актами Случаи же неречевого поведения (если они имеют место) могут быть переведены в речевые, при этом компонент внутренней речи присутствует всегда Рассматривая проблемы коммуникации, следует обратить внимание на связь лингвистики с социологией и психологией Ни одна психологическая школа не обошлась без данных лингвистики Среди вопросов, находящихся в поле зрения психологов, можно выделить речевое программирование и речевое восприятие, внимание и утомление слушающего оперативную память, способность запоминания и забывания информации, использование языкового кода при синтезе и анализе речи, значение языка для мыслительных процессов Поэтому лингвисты и психологи взаимодействуют в тесном сотрудничестве, комбинируя приемы исследования и извлекая нужные данные из опыта друг друга

Можно сказать, что лингвистика тесно связана практически со всеми науками Исходя из этого, можно выделить те области, в которых лингвистика выполняет вполне конкретные практические задачи Основной из них является компьютеризация человеческой деятельности в целях экономии времени и усилий

Проблема искусственного интеллекта – одна из главных проблем прикладной лингвистики Еще в 70-е годы в исследованиях по искусственному интеллекту сформировалось самостоятельное направление, ориентированное на разработку экспертных систем (ЭС) Эти системы нацелены на решение задач, которые долгое время считались малодоступными для вычислительной техники Экспертные системы предназначены для решения задач, трудных в ряде ситуаций для человека

Основным источником мощности ЭС являются знания Процесс создания экспертной системы включает в себя несколько этапов, которые в конце концов приводят к промышленной или коммерческой системе Оценка ЭС пользователем зависит от того насколько общение с системой является естественным, подобным общению с человеком Так, при условии использования результатов лингвистических исследований, вычислительной техники и требований тех или иных наук ЭС могут найти применение в медицине, математике и т д

Метод моделирования языка и языковых процессов широко используется лингвистами, так как дает возможность реализовать теоретические знания на практике Он со

стоит в введении принципа упрощения, в чет кой фиксации исходного материала и совершаемых над ним операций Моделирование – это в первую очередь упрощение Однако прикладная лингвистика не останавливается на простых моделях Наоборот, для более адекватного моделирования языка понадобятся более сложные модели Путь построения последних будет лежать через самые простые модели В процессе построения моделей, как правило, используются достижения информатики и математики

Если говорить о симбиозе прикладной лингвистики, информатики и речеведения, то можно отметить следующие тенденции

1) растущий интерес к устной речи (активная работа ученых над созданием синтезаторов речи и некоторые другие направления),

2) все более тщательный подход к ограничениям, накладываемым на язык для общения с компьютером,

3) разработка систем, объединяющих естественные языки с формальными

В главе 1 (Речевая коммуникация как объект эволюционного подхода в речеведении") рассмотрение начинается с общего вопроса о естественном языке и эволюции человека (параграф 1 1) Явление коммуникации в широком смысле трактуется в различных областях знаний по-разному Если сузить рас смотрение коммуникации до двух областей – технической и биологической, то можно констатировать, что при подходе к пониманию коммуникации с позиции теории информации (по сравнению с биологическим подходом) отсутствует важнейший признак – наличие цели общения В теории информации коммуникация определяется как процесс взаимного обмена сообщениями между динамическими системами При обращении к биологическому аспекту ясно, что коммуникация как взаим ный обмен информациями с учетом наличия цели присуща не только человеку, но и всем живым существам даже в самой примитив ной форме

Признак цели служит дифференциации биологического и технического подходов к рассмотрению коммуникации в целом Аспект цели в технических системах находится вне самих систем Машина, производящая, перерабатывающая, воспринимающая информацию, обменивающаяся информацией с другой машиной, не преследует этими действия ми какой-либо собственной цели Последняя задается машине человеком, который ею управляет При коммуникации же в биологичес кой среде аспект цели подчинен определен ной потребности самих общающихся биологических систем Развитие особенностей коммуникации в биологической среде характеризуется длительным историческим этапом в жизни нашей планеты

Автор далее детально рассматривает вопрос становления и развития речевого аппарата человека и отличие его от акустических органов у животных Ранний фактор эволюции языка – возникновение специальной анатомии надгортанной части речевого тракта Этот раздел голосового аппарата играет решающую роль в производстве речи, и его эволюционная перестройка значительно расширила фонетические возможности человека Еще одно свойство языка – синтаксическое кодирование и декодирование Синтаксис в данном случае обнаруживает сходство с фонетикой несколько простых предложений глубинной структуры преобразуются в одно сложное на основе трансформационных правил Синтаксическое кодирование дает также временную компрессию речи При декодировании восстанавливаются исходные составляющие, непосредственно соотнесенные со смысловой структурой высказывания

Следующий по временной глубине фак тор эволюции языка – его автоматизация Производство и восприятие речи автоматичны и бессознательны – человек осознает лишь смысл (семантику) высказывания Речь в этом отношении подобна таким видам дея тельности как использование орудий труда, охота, танцы Автоматизация речи – результат перенесения на нее особенностей указан ных форм поведения

Высказываемое иногда мнение о произвольности набора звуков, используемых в языке, ошибочно Этот набор ограничен, и в нем имеется базисная часть, которая присут ствует почти во всех языках

Далее в первой главе последовательно рассматриваются вопросы акустической информации и речевой коммуникации и модели речевой деятельности Следует сказать, что изложение иллюстрируется четкими схема ми и примерами

Глава 2 (Специфика речевой артикуляции в процессе речеобразования) также имеет три параграфа, в которых разбираются вопросы слитной речи в коммуникации и ее структурные особенности, эффект коар тикуляции в речеобразовании, общий подход к временному структурированию речевого высказывания Главу 3 можно считать основной в первой части работы Она посвящена основным аспектам процесса речевосприятия и понимания при коммуникации Однои из первых теорий речевосприятия считается знаковая теория Она оперирует символами (или знаками), которые обозначают то или

иное слово в словаре Каждый знак содержит информацию об определенном слове включая информацию о значении слова, его потенциальных синтаксических связях и фонетических и орфографических особенностях Информация любого уровня может способствовать активизации данного знака В этом смысле знаковая теория представляет собой модель восприятия речи, основанную на взаимодействии информации разных уровней языка

Восприятие речи тесно связано с контекстом Различают структурный и неструктурный типы контекстов Структурный контекст является результатом применения ограничений, накладываемых на способы объединения элементов в единицы более высокого уровня Этот тип ограничений может быть применен на уровне фонем, морфем, фраз, высказывании, а также на уровне дискурса Структурному контексту может быть противопоставлен контекст, в котором взаимодействие между отдельными элементами не оказывает влияния на единицы более высокого уровня Примером неструктурного контекста могут служить ассоциативные связи между словами (врач – медсестра, учитель – школа) Эти слова являются родственными по семантическим, но не структурным признакам в том смысле, что они не образуют единиц более высоких уровней Помимо структурного и неструктурного типов контекста выделяются также следующие виды контекста лексический, синтаксический семантический и интерпретативный Глава 4 – Соотношение звучащеи речи и языковой структуры в акте коммуникации

Часть II книги – Речевая информация – состоит из трех глав – пятой шестой и седьмой Во введении к этой части говорится, что элементы плана выражения характеризуются своими свойствами комбинаторики и контраста Комбинаторика определяется способностью единиц сочетаться друг с другом свойство контраста предполагает наличие отличии друг от друга

На каждую языковую единицу в большей или меньшей степени накладываются ограничения со стороны контекстов, в которых эта единица употребляется Благодаря возможности своего появления в определенном контексте языковая единица вступает в отношения двух планов парадигматические и синтагматические

Далее в главах этой части рассматриваются вопросы фонолого-морфологической информации, содержащейся в речевом сообщении синтактико-семантической и прагматической информации в речевом высказывании, акустико фонетической информации и методы ее извлечения из речевого сигнала

В части III – Речевая кибернетика – содержатся четыре главы – с восьмой по одиннадцатую Во введении прослеживается история возникновения речевой кибернетики Конец 70 х и начало 80 х годов характеризуются появлением первых коммерческих систем распознавания и синтеза речи Постепенно задачи усложняются Все системы, которые должны перерабатывать звучащую речь в какой-либо форме занимаются декодированием информации содержащеися в устном высказывании Пока еще неясно можно ли найти способ, обеспечивающий распознавание речи без каких-либо технических или лингвистических ограничений Главы третьей части книги Единицы сегментно-звукового уровня в системах автоматического распознавания речи , Анализ просодических характеристик в системах автоматического распознавания речи , «Преобразование текст-речь в автоматизированных системах», Новые речевые технологии в автоматизированных системах управления

До настоящего времени еще не было разработано эффективных критериев высокоселективной предварительной классификации просодических параметров в самом общем виде и в этом направлении требуются дальнейшие исследования В связи с этим кажется необходимым исследовать различные источники акустических знаний с тем, чтобы можно было выполнять точный, надежный анализ входного сигнала, независимый от шаблонов В устройствах распознавания речи часто пренебрегали информацией об одном из аспектов звучащеи речи который, как известно во многом определяет ее разборчивость и естественность – просодией, или характеристикой более крупных единиц высказывания

Поскольку просодическая информация может оказывать влияние на результаты работы системы распознавания то считается, что необходим источник знаний о просодической информации который является в системе распознавания определенным модулем, который может генерировать гипотезы или же вырабатывать другие знания Так как практически все просодические алгоритмы основаны на точной входной информации, извлекаемой из акустического сигнала то большое внимание уделяется разработке и организации этих алгоритмов извлечения просодических параметров

Вклад просодии в речевое общение лучше всего определяется на уровне высказываний, прагматики и эмоций Наиболее эффективным просодическим параметром является частота основного тона Изменения этой частоты в большой степени влияют на оценку слушающим состояния говорящего

Особый интерес в данном втором, дополненном издании книги представляют приложения в которых дается развернутая картина состояния современных разработок Приложение I, 'Приоритетные направления в развитии современного речеведения (с 515–540) содержит анализ наиболее актуальных проблем и разработок За последние десять лет (1991–2001 гг) просматривается тенденция к росту числа речевых исследований Наблюдается увеличение междисциплинарных изысканий с доминантой в области речевых технологий В орбиту речеведческих исследований вовлечены самые разнообразные проблемы в области социофонетики, речевых технологий, судебной фонетики, лингводидактики, просодии, интонации, речепроизводства и т п Особое внимание уделено развитию фонетических наук, что соотносится с рядом речеведческих направлений в сфере акустической фонетики, диалектальной фонетики, реформы орфоэпии, полевой фонетики, перцептивной фонетики, физиологической фонетики и т д Успехи в области акустического и лингвистического моделирования еще не так велики, однако существенный прогресс в этой области есть Если, по материалам Eurospeech десятилетней давности, системы распознавания речи были ориентированы на словарь в 1 000 слов и на такой вид речевой деятельности, как чтение, то сегодня системы могут распознавать 64 000 и более слов с привлечением грамматики естественного языка и на базе спонтанной речи

Одним из приоритетных направлений современного речеведения является судебная (криминалистическая) фонетика Ее современное состояние характеризуется наличием трех основных направлении оценка показаний лиц, не являющихся профессионалами экспертами, вопросы методологии в области идентификации говорящего, средства технологий обработки (анализа) речи и интерпретации полученных данных

На этом последнем направлении разработана база лингвистических данных для электронной энциклопедии, предназначенной для экспертов-фоноскопистов применительно к русскому языку и охватывающей как различные теоретические аспекты, так и практическое ее использование Назначение энциклопедии информационное обеспечение эксперта-фоноскописта теоретическими основами анализа устной речи и идентификации говорящего, пошаговые инструкции и методические рекомендации к выполнению фонологических экспертиз с помощью автоматизированных средств, обучение специалистов

Прогресс в области распознавания речи и говорящего, а также в синтезе речи был достигнут благодаря статистическим подходам прежде всего таким как HMM (Hidden Markov Model – скрытые цепи Маркова) и стохастические модели языка

В то время как модели акустических источников речи и анализ слуховой картины исследованы достаточно глубоко механизмы понимания речи и смыслового порождения речи еще не вполне ясны Активно изучаются чтение новостей на радио, чтение газет, распознавание разговорной речи, стенограммы новостей Однако мы еще далеки от нашей конечной цели, состоящей в достижении понимания свободной разговорной речи, произнесенной любым говорящим в любой ситуации В существующих компьютерных программах автоматического распознавания и понимания слитной речи, ориентированных на дикторонезависимый интерфейс, все еще наиболее уязвимым является отсутствие базы параметрических данных в области просодии того или иного языка В недостаточной степени используются также знания экспертов-фонетистов, разрабатывающих критерии макросегментации слитной речи

Особое место занимает проблема смыслового членения, реализующегося средствами сегментного и супрасегментного уровней

В исследованиях по автоматическому распознаванию речи выделяют в основном два направления В рамках первого при создании систем используется ограниченное число сведений о структуре речевого сигнала Имеет место чисто инженерный подход Конечная цель достигается путем использования методов распознавания образов и выбора ключевых признаков При помощи систем подобного рода распознается ограниченный набор изолированно произнесенных слов-команд Второе направление, находящееся на менее продвинутой ступени развития, ориентируется на разработку адекватной модели речевого процесса речевой коммуникации При этом широко привлекается информация всех звеньев динамической модели речевой цепи и всех языковых уровней, что в конечном счете позволяет обеспечить наиболее надежное автоматическое распознавание и понимание слитной речи

Поиск критериев вычленения из непрерывного речевого потока ограниченного числа элементарных смысловых отрезков нереален без привлечения дополнительных сведений о вероятных признаках границ единиц речи (слогов, фонетических слов, фраз) соотносящихся в ряде случаев с иерархически организованными единицами языка (морфемами, лексемами, предложениями)

Информация об ударении, мелодике пауз и временной структуре речевого сообщения позволяет в определенной мере повысить качество систем распознавания Коммуникация человек – машина посредством речи экономна, эффективна и удобна Современные системы распознавания речи (в том числе и военного назначения) включают различные языковые уровни каждый из которых несет свою функциональную нагрузку акустический параметрически лексический, синтаксический семантический и прагматический Целью современных систем распознавания речи является использование как можно большего объема неакустической информации особенно информации более высоких уровней – семантической и прагматической

В настоящее время существует ряд диалоговых систем Например диалоговая система KEAL предназначена для решения конкретных задач (запроса информации приказа или ввода информации) Режим диалога предполагает постановку вопроса пользователем Каждый цикл работы устройства включает посылку устного сообщения прием устного сообщения формулировку ответа выполнение действий, определяемых ответом, переход к следующему циклу Наиболее продвинутыми и отвечающими современным требованиям к автоматизированным распознающим системам являются системы типа DRAGON Например, система DRAGON DICTATE с голоса распознает дискретные речевые высказывания отделенные друг от друга паузой При общении с этой системой начинающий пользователь произносит 15 слов в минуту, опытный – до 60 К семейству подобных систем работающих с голоса относится также система фирмы IBM TANGORA которая распознает словарь объемом в 20 000 слов и словосочетаний произнесенных раздельно Настройка на пользователя реализуется в течение 20 минут

Что касается синтеза речи, то технологическая разработка большинства современных систем основана на одном из трех подходов 1) синтез заключается в воспроизведении заранее закодированной речевой волны 2) моделируется голосовой тракт, и эта модель контролируется при помощи параметров, значения которых получены на основе анализа входного текста, 3) используется метод коэффициента линейного предсказания при котором контроль осуществляется при помощи заранее полученных параметров не выводимых из входного текста и выделяемых из речевой волны

Интересны также новые разработки в области экспертных систем В основе экспертной системы лежит обширный запас знаний о предметной области Подход к конструированию современной экспертной системы отличается от принятого ранее когда он осуществлялся по принципу ДАННЫЕ + АЛГОРИТМ = ПРОГРАММА Теперь имеет место новая архитектура, а именно ЗНАНИЯ + ВЫВОД = СИСТЕМА Центральным в этой схеме является машина логического вывода из базы знаний Если для экспертных систем первых поколений важно было получить правдоподобные рассуждения то на сегодняшний день актуальна проблема самообучения экспертных систем В любой такой системе должна быть база знаний машина логического вывода, лингвистический процессор и интерфейс, связанный с объяснением

В приложении далее приводятся примеры использования лингвистических знаний в прикладных целях информационно-справочная служба на авиалиниях, контроль воздушных полетов, проверка готовности ракеты наговаривание в ЭВМ медицинской информации, ввод информации с голоса в задачах искусственного интеллекта, управление поведением робота с помощью устных команд и т п

В Приложении II, Концепция использования новых информационных технологий в лингвистике и речеведении , конкретно рассматривается вопрос о разработке и использовании экспертных обучающих систем (ЭОС) Проблема преподавания лингвистических дисциплин с помощью ЭОС интересна прежде всего тем, что она нацелена на выработку новой концепции компьютерного обучения Аппаратное и системно-программное обеспечение соединяется с новеишими теориями в области лингвистики К числу конкретных типов электронных продуктов лингвистического профиля относятся 1) различные типы электронных словарей (одноязычные толковые словари и тезаурусы, двуязычные переводные словари многоязычные терминологические словари и т п), 2) системы автоматизированного перевода (разной степени автоматизированности), 3) гипертекстовые системы энциклопедического типа (электронные энциклопе

дии), 4) экспертные лингвистические системы, 5) обучающие программы по кон кретным задачам и этапам обучения В авто матическом режиме может производиться многофакторный сбор и анализ статистичес кой информации, получаемой в процессе компьютерного урока, без нарушения есте ственности его протекания При этом ком пьютерная система способна фиксировать большое количество параметров

Оценивая работу в целом, можно утверж дать, что мы имеем дело с актуальным учеб ным пособием написанным на высоком на учном уровне и вместе с тем достаточно до ходчиво Читатель и пользователь, в том числе не только студент или аспирант но и исследователь-разработчик, получают всю нужную им информацию Книга существен но поможет внедрить и использовать новые технологии в решении многих насущных за дач науки образования и просвещения

Ю Н Марчук

Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв ред Н Д Арутюнова М Индрик 2002 648 с

Несомненная ценность рецензируемого сборника состоит в том, что в нем представ лены взгляды ведущих российских лингвис тов, входящих в проблемную группу Логи ческий анализ языка , которая успешно ис следует многочисленные проблемы семантики естественного языка, в данном случае привлекая внимание широкого круга филологов к чрезвычайно сложной теме се мантики *начала* и *конца*

Пятьдесят три статьи издания могут быть разделены на две большие группы Первая включает материалы, которые посвящены смыслам (языковым значениям) *начала* и *конца* и представлены в разделах Семанти ка и идиоматика начала и конца , Грамма тика начала и конца , Знаки начала и кон ца В статьях второй группы, которые объе динены в разделы Поэтика начала и конца Начало и конец в контексте разных культур , Философия конечного и бесконечно го , рассматриваются поэтические, фольк лорные, культурные, религиозные и фило софские концепты *начала* и *конца*

Читатель сборника найдет множество ин тересных идей о семантике *начала* и *конца*, которые невозможно полностью охватить в журнальной рецензии, и поэтому остановим ся на тех, которые касаются статуса семан тики *начала* и *конца*, подходов к ее исследованию, а также средств ее языковой и дис курсивной реализации

Общий обзор логических предпосылок формирования семантики *начала* и *конца* в ее отношении к идее *целого* дан во вступле нии (Н Д Арутюнова ВСТУПЛЕНИЕ В цело м о целом Время и пространство в кон цептуализации действительности) Редактор сборника обращает внимание читателя на первичность одного нерасчлененного поня тия конца-начала или концов (с 4), раз личия между пределом в контекстах прост ранства и времени (с 5–6) а также просле живает связь формирования семантики *начала* и *конца* с движением вообще и путешествием в частности (с 8–9) относя к усло виям дифференциации *начала* и *конца* пар ность, наличие линии (расстояния) между двумя границами (точками) и неизменность ее ориентации (направления) – (с 10)

Представляется, что отмеченная во вступ лении изначальная синкретичность понятий *начала* и *конца* сохраняется в энантиосемии, наблюдаемой в этимологии и истории слов со значением *начала* и *конца* и отчасти в со временных языках Особенности проявле ния данного явления продемонстрированы на примерах глаголов *заключать* (*заключать сообщение* и *заключать договор*) *исход* (*ждем исхода дела* и *исходное положение*) и др в статье Н Б Мечковской «Концепты начало и конец тождество, антонимия асимметричность» (с 112) Нерасчленен ность смыслов *начало* и *конец* также находит свое воплощение в явлении фазовой двойст венности которое встречается в словах, обо значающих некоторые крайние простран ственные объекты часто воспринимаемые человеком, в чем отражается влияние пер цептивного фактора на формирование се мантики *начала* и *конца* Примерами данного явления служат существительные *дверь* понимаемое как вход и выход, *берег*, трактуемое как место отплытия и причала и другие (С Ю Семенова К типологии фазовых ком понентов коннотации и ассоциаций русских лексем – с 162) .

Влияние закономерностей зрительного восприятия на семантику *начала* и *конца* учи тывается многими авторами сборника Наи более полно данную взаимосвязь характери зует Е В Падучева которая пишет У чело века есть перед и зад (лицо и спина), основные органы восприятия направлены вперед – че

ловек движется туда куда он смотрит Кроме того Конечная точка может выражать Цель движения целеполагающего субъекта и тогда это обязательный участник Так что Конечная точка как основнои ориентир движения вытекает из природы человека Между тем существование Начальнои точки обосновывается скорее логически – если X стал находиться в Y е значит он был в не Y е (Деиктические компоненты в семантике глаголов движения – с 127) С учетом данного положения в статье непроизводные и приставочные глаголы движения дифференцируются по различнои стратегии интерпретации синтаксического нуля связанного с позициеи Наблюдателя По мнению автора у непроизводных глаголов нуль с большеи вероятностью сливается с невыраженным участником (например исходная точка *отсюда* для словосочетания *идет в школу* и конечная точка *сюда* для фразы *идет из школы*) а при абсолютном употреблении приставочных глаголов Наблюдатель принимает позицию обязательного участника Соответственно у глаголов последней группы фиксирующих параметр Откуда? и имеющих обязательную валентность Исходнои точки нуль значит отсюда (*я выиду*) а у глаголов с обязательным участником Куда? нуль имеет значение сюда (*воиди*) – (с 133)

Основываясь на положении о большеи доступности восприятию конечнои точки и концептуализации исходного пункта как замкнутого пространства за пределы которого перемещается объект (с 188) А Д Шмелев показывает что в сфере коммуникативно обязательных валентностеи русских приставочных глаголов движения начальныи пункт представлен существенно менее разнообразно нежели конечныи Согласно его данным трем исходным пунктам (поверхность ориентир для измерения расстояния область досягаемости) противопоставлено разнообразие конечных пунктов (закрытое пространство ориентир для приближения место по другую сторону препятствия труднодоступное место окказиональныи конечныи пункт обобщенно понимаемыи конечныи пункт для глаголов с приставкои *при*) (Из пункта А в пункт В – с 193)

Перцептивныи принцип также используется для объяснения взаимодеиствия приставки *вы* с предлогом *в* которые выражают противоположную направленность движения к более открытому пространству в первом случае и замкнутому пространству во втором (с 253) С учетом большеи доступности для восприятия открытого пространства основу ситуации задает приставка а смысл вводимыи предложнои группои включается в эту модель (М В Филипенко О совместимости начал и концов или сочетаемость глагольнои приставки *вы* и предлога *в* – с 264)

Отсутствие перцептивных истоков у семантики *начала* требует от человека дополнительных мыслительных усилии для идентификации этои составляющеи оппозиции а поэтому по мысли И Б Шатуновского невидимым началом деиствия может быть само стоятельно возникшии в уме (душе) субъекта деиствия волевои импульс выбор совершить деиствие (с 267) Основываясь на данном положении автор показывает что в русском языке императив совершенного вида (в его ограничительнои пердуративнои результативнои разновидностях) выражает побуждение к осуществлению цепочки деиствии в целом которая включает начало совершение и окончание а императив несовершенного вида ограничивается серединнои неопределенно длительнои фазои собственно деиствия (Несовершенныи vs совершенныи вид в императиве (к проблеме начала) – с 271)

О формировании семантики *начала* и *конца* не только под влиянием процессов восприятия но и в связи с более широким контекстом жизнедеятельности групп людеи свидетельствует наличие оттенков значения у лексических единиц в разные периоды их развития например существование в древне греческом и латыни разных слов для обозначения конца в пространстве и конца во времени (Н Б Мечковская с 119)

Для анализа грамматически ориентированных единиц языка с которыми невозможно обращаться как со словами принадлежащими к трем основным частям речи (существительным глаголам прилагательным Н В Перцов с 137) авторы сборника применяют шкалы Использование данного инструмента анализа объясняется статусом шкалы как смыслового конструкта представленного в психике субъекта на vровне глубинных структур образа мира [Леонтьев 1999 217] а также сенсомоторными истоками ее формирования в сознании человека [Johnson 1987 123] что позволяет подняться над чувственным опытом полностью не порывая с ним В пользу применения скалярнои методики которая учитывает процессы ориентации человека в окружающем пространстве служат представленные в сборнике данные о том что исторически оппозиция *начало* и *конец* была первои системои координат сложившейся в индоевропеискои древности одновременно с начальными представлениями о количествах первыми счетными словами

противопоставлениями правыи – левыи и верх – низ (Н Б Мечковская с 109) а также идея о том что при описании семанти ки *начала* и *конца* способ анализа напрямую вряд ли применим так как трудно предста вить набор слотов фреима (или этапов сцена рия) НАЧАЛА вообще или КОНЦА вообще (А Н Баранов Д О Добровольськии ‹ Нача ло и конец в русскои идиоматике» – с 27) Авторы сборника используют шкалы для описания значения прилагательного *послед нии* (Н Ф Спиридонова От начала к концу семантика прилагательного *последнии* – с 169) квантора общности *все* (Н Д Арутю нова Все про все (по текстам Ф М Достоев ского) с 384) а также семантики частиц *уже* и *еще* которая связывается с временнои координатои (В М Труб Темпоральные ча стицы как знаки начала и конца ситуации – с 346) или с абстрактнои ориентированнои шкалои где *уже* указывает на начало ситуа ции а *еще* на ее окончание (Н В Перцов О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* с 140) Представляется что данные статьи свидетельствуют о формировании ориента ционнои методики анализа семантики *начала* и *конца* с применением системы координат состоящеи из шкал линии которые не обя зательно должны быть прямыми (Н Д Ару тюнова с 7)

Тесную связь семантики *начала* и *конца* с пределами человеческого восприятия и сис темои координат как конструктом сознания проявляют религиозные концепты которые формируются в условиях при которых чело век не знает и не чувствует своего физиоло гического начала но способен ощущать и осознавать свои конец (С Е Никитина О *начале* и *конце первом* и *последнем* в рус ском религиозном фольклоре с 584) По этому в религиозном дискурсе тварное свя зывается с *началом* и *концом* а духовное как недоступное восприятию представлено не имеющим ни начала ни конца В статьях по священных религиозным концептам показа но что согласно Новому Завету физическая жизнь имеет естественныи предел а духов ная жизнь то есть жизнь во Христе вечна (Е Б Яковенко Жизнь начало и конец (на материале англиских и немецких перево дов Библии) – с 534) Вечен также Господь Бог которыи – над началом и концом сверх начал и сверх конца (А В Жавнерович «Ди хотомии первого–последнего начала конца в святоотеческои традиции» – с 602) В православном миросозерцании концепты *начало* и *конец* рассматриваются как своеоб разные координаты ибо с их помощью пред ставляют апофатически (путем отрицания) или катафатически (путем утверждения) пределы и основания реальности (Божест веннои и Боготварнои) в ее динамике в трансцендентнои и имманентнои перспекти ве (В И Постовалова Начало и конец в православном миросозерцании – с 615)

Многие авторы данного издания рассмат ривают *начало* и *конец* как системообразу ющие смыслы используя их для объяснения абстрактных значении языка удаленных от процессов непосредственного восприятия Так В Г Гак относит *конец* к семантическим примитивам (Семантическое поле *конца* – с 51) С Ю Семенова более осторожна и пи шет лишь о близости *начала* и *конца* к при митивам указывая на возможность построе ния для них толковании основанных на бо лее элементарнои идее смены состоянии в разные моменты времени хотя в таких сло вах довлеет единственныи собственно начи нательныи (или противоположныи ему) ком понент (с 155) С данным направлением ана лиза связана трактовка лексем *начало* и *конец* как универсальных слов культуры (Ю Д Тильман *Начало* и *конец* в художест венном мире Тютчева – с 491)

Наиболее весомым доказательством пло дотворности использования смыслов *начало* и *конец* для анализа более сложных значении языка является пример аспектологии в кото рои содержание самих этих понятии предпола гается очевидным и не требующим дальней шего анализа (А А Зализняк и А Д Шмелев Семантика начала с аспектологическои точки зрения – с 211) В статьях сборника *на чало* и *конец* как системообразующие смыс лы использованы для объяснения значения союза *а* сигнализирующего что второе из со чиненных предложении начинает свою собст венную тему (Е В Урысон «Союз А как сиг нал поворота повествования › – с 350) а также при анализе причинно следственнои и целевои лексики (О Ю Богуславская И Б Левонтина Подведение итогов в рус ском языке – с 41) Авторы указанной ста тьи показывают что причинно следствен ная лексика сокровенным образом связана с понятиями начала и конца причина ассоци руется с началом а цель – с концом совме щая в себе идею конца как планируемого ре зультата и начала как побуждающего к деи ствию мотива В статье разграничиваются четыре метафоры используемые для выра жения идеи результата в русском языке – органическая (*плод*) динамическая (*выход исход*) акциональная (*деиствие эффект*) и счетная (*итог результат*) а также демон стрируется что за последние двести лет

счетная метафора почти полностью вытеснила органическую, а динамическая метафора была и остается на периферии.

Как семантические примитивы смыслы *начало* и *конец* использованы для построения поля начала и конца, охватывающего слова *начинать, зачинать, кончать, начало, конец, новый, старый, прежний, старопрежний, первый, последний* (Е.Ю. Кукушкина. "*Первое* и *последнее* в причитаниях" – с. 564), к которому могут быть отнесены единицы, рассматриваемые другими авторами, например, глаголы *открыть/открываться, начать/начаться*, обозначающие начало функционирования (В.И. Гаврилова. "Семантика 'начала' в спектре значений глаголов *открыть/открыться, раскрыть/раскрыться*" – с. 201).

В результате анализа метафорического использования смыслов *начало* и *конец* установлено, что последний ассоциируется с идеями *успеха, неудачи, смерти* (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, с. 28), а описанию отношения между *концом* и *смертью* посвящено несколько статей сборника. Их авторы показывают, что данная связь существовала уже в старославянском языке (В.А. Матвеенко. "Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка)" – с. 102), встречается практически у каждого из поэтов первой трети XX века (В.П. Григорьева, Л.И. Колодяжная, Л.Л. Шестакова. «Статьи **НАЧАЛО** и **КОНЕЦ** в "Словаре языка русской поэзии XX века"» – с. 406), а также является ключевой и частотной у И. Бродского (З.Ю. Петрова. "Семантика 'начала' и 'конца' в двух поэтических идиостилях (Б. Окуджава и И. Бродский)" – с. 464). В свою очередь концепт *умереть* привлекается для объяснения семантики прилагательного *ветхий*, которое имеет значение "почти умерший" (Н.В. Злыднева. "Мотив *ветхости* у А. Платонова: между концом и началом" – с. 413).

Смыслы *конец* и *последний* также связывают с предикатами разъятия, разрушения, отделения (С.Е. Никитина, с. 584), глубинные отношения между которыми обнаружены при анализе отдельного стихотворения (Л.Г. Панова. «Семантика начала–конца, создания–разрушения, памяти–беспамятства в стихотворении О. Мандельштама "Нашедший подкову"» – с. 443). Однако при описании метафорического использования смыслов *начало* и *конец* открытым остается вопрос о направленности данного процесса: от конкретных значений смерти, разрушения и подобных к более абстрактным понятиям *начала* и *конца*, что характерно для архаичных мифопоэтических представлений [Топоров 1996: 8], или наоборот, хотя нельзя исключить третьей возможности, связанной с формированием промежуточных смыслов.

Статьи сборника описывают конкретные случаи применения концептов *начала* и *конца* для организации текста и дискурса, в чем проявляется их связь с темпоральным фактором, поскольку речь развивается во времени (Н.Д. Арутюнова, с. 17). Выявлено, что *начало* и *конец* образуют особые точки в заговоре (Е.В. Вельмезова. "Начало и конец в структуре и семантике чешских заговоров" – с. 537), занимают центральное место в организации текстов агитации, которые призывают читателя начать определенное действие, положить конец процессу, завершить начатое (С.В. Шешунова. "Семантика 'начала' и 'конца' в агитационных текстах" – с. 516), а несоответствие начала и конца составляет соль русских анекдотов, у которых нет середины (Е.Я. Шмелева. "Начало и конец русского анекдота" – с. 525). В статье М.Л. Ковшовой "*У попа была собака*: о лукавой поэтике докучных сказок" отсутствие начала и конца в докучной сказке объясняется ее созданием по законам циклического времени (с. 556).

Таким образом, знакомство со сборником дает основания для вывода о существовании нескольких направлений анализа семантики *начала* и *конца*. Данные смыслы соотносят с непосредственно воспринимаемой ситуацией и перцептивным опытом человека; со шкалами как ментальными конструктами, формирующимися под влиянием сенсомоторного опыта человека; рассматриваются как семантические примитивы и системообразующие смыслы, которые определяют значение абстрактных единиц языка и метафорических выражений; привлекаются для идентификации основных точек текста. Наблюдаемое разнообразие методик косвенным образом отражает многослойность семантики *начала* и *конца*, которую невозможно описать с помощью отдельно взятого метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонтьев 1999 – *Д.А. Леонтьев*. Психология смысла. М., 1999.

Топоров 1996 – *В.Н. Топоров*. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола "стоять", преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Johnson 1987 – *M. Johnson*. The body in the mind. Chicago; London, 1987.

С.И. Потапенко

***W. Mieder* International proverb scholarschip: An annotated bibliography. Supplement III (1990–2000):** Peter Lang. New York; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt-am-Main; Oxford; Wien, 2001. 472 p.

Четвертый том аннотированной библиографии "Интернациональное исследование пословиц", опубликованный в Нью-Йоркском филиале издательства "Peter Lang" в 2001 г., является, собственно, итоговым и "юбилейным". Профессор Вермонтского университета В. Мидер, которого по праву называют самым продуктивным паремиологом мира, начал издание этой паремиографической серии в 1982 г. [Mieder 1982]. В первом справочнике регистрировалось и аннотировалось 2 142 публикации на разных языках мира. Примечательно, что выход этого монументального справочника стал своего рода продолжением библиографических разысканий по фразеологии, начатым в Ленинграде [Сергеев 1964] и интенсивно продвинутым в Самарканде [БУФ 1965; БУФ 1970; БУФ 1974; БУФ 1976; БУФ 1979; БУФ 1987; БУВТ 1986]. К середине 80-х гг., после смерти spiritus movens Самаркандской фразеологической школы Л.И. Ройзензона, эта отечественная библиографическая серия стала угасать и интернациональная паремиологическая библиография В. Мидера во многом восполнила образовавшуюся лакуну.

С публикации первого тома своего справочника В. Мидер предложил и успешно осуществил иные принципы описания мировой паремиологии и фразеологии, чем это было сделано у нас. Главным отличием явился жанр не регистрирующей, а описывающей библиографии. Лапидарные аннотации, которыми сопровождаются предыдущие три тома публикаций вермонтского паремиолога, дают точное и четкое представление о содержании соответствующих справок, что во многом облегчает ориентацию в безбрежном пространстве современной паремиологии и фразеологии. Другим отличием библиографической серии В. Мидера от ленинградско-самаркандских справочников является ориентация на описание западной (преимущественно европейской и американской) литературы, что отражается в количественном перевесе работ по английской, немецкой, французской, испанской и т.п. паремиологии над славянской, венгерской и т.п. Уже поэтому советская и американская библиографические серии могут рассматриваться как взаимопополняющие справочные источники, пользование которыми стирает грань между двумя недавними политическими полюсами мира.

Ободренный успехом первого тома библиографии, В. Мидер спустя 8 лет издает первое дополнение к нему [Mieder 1990], в котором регистрируется 892 публикации по той же проблематике. Спустя 3 года им выпущен второй том дополнений, почти вдвое (1565 позиций) превысивший по материалу предшествующую книгу [Mieder 1993]. Таким образом в библиографической "трилогии" вермонтского паремиолога к ее десятилетнему "юбилею" было зарегистрировано, аннотировано и снабжено именным и предметным указателями 4 599 перемий. Эта ценная информация потребовала значительного пространства: общий объем трехтомника – 1976 страниц.

Сам В. Мидер, оглядываясь назад в своем предисловии к 4-му тому библиографии, пишет: "Сколь мало представлял я себе, приступая к работе, какая Геркулесова задача мне предстоит…" (с. VII). И действительно – в начале 80-х гг., без компьютерного оснащения, которое для составителя этого справочника придет лишь спустя восьмилетие, и без "опоры на коллектив", облегчивший составление самаркандских библиографий, труд американского собирателя пословиц по праву можно назвать Геркулесовым подвигом. Он не только привел в библиографический порядок мировые пословично-поговорочные "конюшни", но и подвиг на увлеченное исследование паремиологией филологов, этнологов, историков и фольклористов многих стран мира, способствуя интенсивному развитию этой области знаний.

Работа над библиографической серией потребовала детализации цели и поисков новых ресурсов информации. Отсюда – ряд специальных паремиографических изданий В. Мидера (частично – в соавторстве со специалистами по разным языкам и культурам), например: "African proverb scholarship: An annotated bibliography" (Colorado Springs, Colorado: African proverbs project, 1994); "Proverbs in world literature. A bibliography" (New York: Peter Lang, 1996 – в соавт. с George B. Bryan); "Proverb iconography. An international bibliography" (New York: Peter Lang, 1999 – в соавт. с Janet Sobieski). Новейшей информацией по мировой паремиологии стал для американского библиографа и перешедший в его руки из Финляндии с 1984 г. международный журнал-ежегодник "Proverbium". В каждом его выпуске появляются не только отдельные статьи авторов разных стран, но и свежие библиографические материалы самого редактора – своего рода апробация будущих книжных публикаций. В среднем такие библиографические материалы насчитывают по 300 позиций в год.

Обозревая это необозримое паремиологическое поле библиографическим оком В Мидер констатирует возросшии в геометрической прогрессии мировои интерес к древнеи шеи и в то же время стремительно обновляющеися области гуманитарных знании в которои органически пересекаются интересы фольклористов культурологов и лингвистов В Мидер насчитывает свыше 2 500 статеи книг и диссертации появившихся в мире на данную тему лишь в последнюю декаду XX века

По нашим же подсчетам учитывающим паремиологическую и фразеологическую печатную продукцию стран так называемого бывшего социалистического лагеря где соответствующие дисциплины чрезвычаино интенсивно развивались число таких публикации за эту декаду приближается к 10 000 Об этом в частности свидетельствуют многопозиционные списки публикации представительнои плеяды русских украинских белорусских польских чешских словацких сербских хорватских болгарских азербаиджанских венгерских и других авторов имена которых не нашли к сожалению отражения в последнем том библиографии – например С Бомба Ф Г Гусеинов В И Зимин Л А Ивашко А А Ивченко В И Коваль И Я Лепешев И Либерек Р Н Попов Н И Толстой Е Тредер В Д Ужченко А И Федоров Н М Шанский Все они однако оставили в нашей дисциплине не только ощутимыи количественный но и яркии качественныи след Выбор работ отдельных славянских авторов инициировался как кажется в первую очередь их публикациями на европеиских языках Так из богатого фразеологического наследия последних лет общепризнанного флагмана нашеи фразеологии В Н Телии в рецензируемои библиографии отражен лишь ее доклад на англиисском языке на конференции Europhras 1995 (с 335) в то время как другие публикации в том числе и интенсивно цитируемая монография [Телия 1996] в этот справочник не включены

Отмеченные лакуны в рецензируемом сборнике в целом объясняются евро американоцентристскои ориентациеи и его языковыми приоритетами Необъятность необъятного каковым является современная мировая паремиология во многом оправдывает принцип разумнои избирательности без которои не может увидеть свет даже самыи полныи библиографическии указатель в даннои области Собственно отмеченные в книге В Мидера лакуны это не упрек автору справочника а имплицитныи призыв к паремиологам и фразеологам славистам продолжить информационные поиски давшие столь успешные результаты в 60–80 е годы

Собственно специализированные библиографические справочники такого рода в славистике уже появились Под эгидои Фразеологическои комиссии при Международном комитете славистов например недавно увидели свет указатели по истории и этимологии русскои [Бирих Мокиенко Степанова 1994] украинскои [Івченко 1998] чешскои [Stepanova 1998] и болгарскои [Lichtenberg 2001] фразеологии И нужно подчеркнуть что все эти справочники появились не без концептуального влияния международных библиографии В Мидера ими в какои то мере был инспирирован и выдержавшии уже два издания Словарь русскои фразеологии Историко этимологическии справочник [Бирих Мокиенко Степанова 1998 2001] В современнои славистике однако начинает ощущаться нехватка современного общего библиографического указателя по проблемам паремиологии И в этом отношении интернациональныя библиография В Мидера может для славистов служить полезным образцом

Четвертыи том библиографического указателя В Мидера появился в некотором смысле под давлением паремиологическои общественности Ведь первые три тома были востребованы а свыше 10 000 публикации скопившихся в архиве их составителя за 7 лет после выхода последнего справочника требовали библиографическои разработки Ее результатом и стал рецензируемыи том количественно самыи репрезентативныи во всеи серии Основная масса описанных в книге публикации относится к последнему десятилетию XX в что делает его новеишим справочником по паремиологии мира В нем зарегистрировано 2 769 публикации а в целом общее для всеи серии их число достигает 7 369

При этом в отличие от первых томов где аннотации имеют текстовои законченныи характер в последнем томе каждая публикация сопровождается лишь лапидарным расположенным по алфавиту перечнем ключевых слов (от 6 до 14 терминов) характеризующих основные проблемы в неи рассмотренные В необходимых случаях к такои информации добавляются еще несколько строк дескриптивных ключевых слов (имена темы наименования и тексты индивидуально авторских пословиц особенно если описывается концептуально значительная и большая по объему книжная публикация по паремиологии или фразеологии Два типичных образца такои информации

5123 Dobrovolskij Dmitrij *Kognitive Aspekte der Idiom Semantik Studien zum Thesaurus deutscher Idiome* Tubingen Gunter Narr 1995 272 pp

classification/cognition/definition/dictionary/German/idiom/lexicography/phraseology/semantics/structure (с 68)

6253 Mieder Wolfgang Proverbs in Adolf Hitler s *Mein Kampf* *Proverbium* 11 (1994) 159–174

Anti Semitism/German/Adolf Hitler/Jew/National Socialism/politics/propaganda/proverbial expression/rhetoric/somatism/stereotype

Такое изменение системы описания впол не оправдано прагматическими причинами если бы 4 и том содержал как в предыду щих текстовые аннотации то по подсчетам В Мидера его объем достиг бы 1 500 стра ниц что резко удорожило бы стоимость и без того дорогои книги

Информативность справочника повышает и то что после описания литературы с точны ми выходными данными и ключевыми слова ми последние вновь сгруппированы в специ альном разделе Subject Index (с 383–443) Даже беглое обозрение этого указателя пока жет читателю каковы концептуальные прио ритеты в современнои паремиологии Так на ряду с традиционным интересом к анималис тическои (Animal – 71 позиция с 385) или со матическои (Somatism 65 позиции с 434) па ремиологии и фразеологии в этом указателе выделяются количественно и такие новые те мы как Антипословицы (Anti proverb 85 позиции с 385) Антифеминизм (Anti feminism – 38 позиции с 385) или Компью тер (Computer – 24 позиции с 392)

Весьма полезны в этом разделе указателе и группировки описанных публикации по язы кам Пропорциональное соотношение их – при всеи относительнои их зависимости от разных факторов – говорит само за себя Так под рубрикои Англиискии язык (с 399) за регистрировано 156 позиции Французскии язык (с 404) 163 а Немецкии язык (с 406–407) – 589 При этом как уже говори лось число работ по славянскои паремиоло гии в указателе существенно занижено Руси сты например сразу заметят что паремио логически и фразеологическии материал собранныи составителем для русского языка и представленныи 127 позициями (с 430–431) не соответствует достижениям отечествен нои науки за последнее десятилетие Вместе с тем учитывая отраженность соответствую щих публикации прежде всего в труднодос тупнои ныне для нашего читателя западнои научнои литературе эти библиографические информации являются весьма ценными

Некоторые из рубрик тематического ука зателя кажутся излишне общими перегру женными количественно и потому малоин формативными для конкретного поиска Та ковы например Библиография (с 387) Классификация (с 389–390) Контекст (с 393–394) Литература (с 414–415) Другие же при некоторои общеи концептуальности такои поиск несомненно облегчают – напр Библия (с 387) или Масс медиа (с 416–417) Индекс дает и компактное представление о собственно лингвистическои иерархии ис следования паремиологии и фразеологии (см напр рубрики binary formula cognition di achronic dialect equivalent ethnolinguis tics etymology grammar idiomacity structure word) и ее культурологических ас пектах (ср напр art culture European film moral mythology theatre и т п)

Полезен экономно составленныи (без дуб лирования фамилии авторов публикации рас положенных в алфавитном порядке основнои части книги) индекс имен (с 371–382) Нако нец любители очерков посвященных функ ционированию и историко этимологическо му исследованию отдельных паремии высоко оценят Указатель пословиц – Proverb index (с 445–457) В нем по конкретным языкам да на информация об отдельных пословицах и поговорках подвергшихся специальному ис следованию Так для русского языка находим ссылки на историко этимологическую интер претацию фразеологизмов *камень за пазухои стрелять из пушек по воробьям при царе Го рохе держать в ежовых рукавицах соколом ворону имати бить табалу выходить су хим из воды* и пословицы *Не кажи Гоп! по ка не перепрыгнешь* – (с 456–457) К сожале нию по указанным выше причинам В Мидер в рецензируемом томе отказался от рефери рования и такого рода очерков Эту задачу как отмечалось уже выполнили для некото рых славянских языков последователи вер монтского паремиолога

Отмечая концептуальную и композицион ную строиность корректность и точность в подаче столь разного фактического материа ла можно разумеется обнаружить в книге и некоторые конкретные погрешности Они но сят преимущественно характер опечаток свя занных вероятно с шрифтовыми ограничени ями компьютернои техники Таковы напр Meleroviс Galina (с 209) вм Melerovič Alina (Алина Михаиловна проф Костромского пед ин та) L Aveugle (с 341) вм L Aveugle *sokolom vorona imati* (с 457) вм *vorona* (ворона) и др При этом следует подчеркнуть что даже в ог раниченно используемых материалах славян ских языков составитель стремится к предель нои библиографическои корректности

Капитальныи библиографически труд В Мидера отличает от подобных издании то что этот справочник был издан на основе со браннои самим составителем коллекции опи сываемых им публикации – его собственного

паремиологического архива Составитель сам подчеркивает это в предисловии к рецензируемой книге "Позволю себе заметить со смиренной гордостью (humble pride), что я действительно собрал каждую конкретную публикацию в своем интернациональном паремиологическом архиве Именно это позволило мне прочесть все их и составить каталог таких публикаций за последние 20 лет" (с VIII) Согласитесь, – такая "смиренная гордость вполне оправдана В Мидеру действительно удалось выполнить Геркулесову работу – описать de visu и лапидарно прокомментировать целую паремиологическую библиотеку, созданную исследователями всего мирового сообщества Нельзя при этом не подчеркнуть, что вермонтский паремиолог, подобно нашему отечественному "вермонтскому отшельнику А И Солженицыну, не оставался бесстрастным описателем-документалистом объемной литературы Будучи, как многие паремиологи и фразеологи, пассионарием по натуре, перфекционистом-немцем по рождению, максималистом-американцем по месту работы и жительства и интернационалистом по призванию, В Мидер многое сделал для количественного и качественного развития избранной им научной дисциплины В рецензируемой библиографии зарегистрировано, в частности, 115 публикаций самого составителя, причем 21 из них – монографии, большинство из которых весьма значительного объема Это свидетельствует, что неустанная библиографическая работа не только не отрывала его от собственных паремиологических штудий, но, наоборот, стимулировала их

Признавая, вслед за самим автором рецензируемой книги, что его "Геркулесова задача" успешно выполнена, напомним ему, что после четвертого подвига (поимки Эрифманского вепря) Геркулес совершил еще девять Пожелаем же и современному Гераклу паремиологии не останавливаться на 4-м томе оцененном многими по заслугам библиографии, а довести свою серию до мифологических двенадцати томов Нетерпеливые и благодарные ценители пословиц и поговорок мира продолжают ждать их от В Мидера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирих, Мокиенко, Степанова 1994 – *А Бирих В Мокиенко, Л Степанова* История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель – 1825–1994) / Hsgb von Alexander Bierich Munchen, 1994

Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 2001 – *А К Бирих, В М Мокиенко, Л И Степанова* Словарь русской фразеологии Историко-этимологический справочник / Под ред проф В М Мокиенко СПб , 1998 (2-е изд 2001)

БУВТ 1986 – Библиографический указатель "Вопросы терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию' /Отв ред А М Бушуй, В М Мокиенко Самарканд, 1986

БУФ 1965 – Материалы к общей библиографии по фразеологии Вып 1 / Сост Л И Ройзензон, М А Пеклер // Вопросы фразеологии Ташкент, 1965

БУФ 1970 – Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии Вып 2 / Сост Л И Ройзензон, А М Бушуй / Под ред М М Копыленко Самарканд, 1970

БУФ 1974 – Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии Вып 3 / Под ред М М Копыленко Самарканд, 1974

БУФ 1976 – Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии/Сост А М Бушуй Вып 4 Самарканд, 1976

БУФ 1979 – Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии/Сост А М Бушуй Вып 5 Самарканд, 1979

БУФ 1987 – Основные вопросы теории фразеологии Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии/Сост А М Бушуй Вып 6 Самарканд, 1987

Івченко 1998 – *А О Івченко* Історія та етимологія українськоі фразеологіі Бібліографічний покажчик (1864–1998) Харків, 1998

Сергеев 1964 – *В Н Сергеев* Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г // Проблемы фразеологии Исследования и материалы/Под ред А М Бабкина М , Л , 1964

Телия 1996 – *В Н Телия* Русская фразеология Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты М , 1996

Lichtenberg 2001 – *J Lichtenberg* Die bulgarischen Phraseologismen Auswahlbibliographie mit einem Index zur Geschichte und Etymologie Frankfurt-am-Main, 2001

Mieder 1982 – *W Mieder* International proverb scholarship An annotated bibliography New York, 1982

Mieder 1990 – *W Mieder* International proverb scholarschip An annotated bibliography Suppl I (1800–1981) New York, London, 1990

Mieder 1993 – *W Mieder* International proverb scholarschip An annotated bibliography Suppl II (1982–1991) New York, London, 1993

Stěpanova 1998 – *L Stěpanova* Historie a etymologie českých rčení Praha, 1998

В М Мокиенко

№ 6 2003

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

24–25 апреля 2003 г филологический факультет Нижегородского государственного лингвистического университета им Н А Добролюбова проводил международную конференцию Социальные варианты языка-2

Проведение конференций под таким названием становится традицией в Нижегородском государственном лингвистическом университете В этот раз конференция стала завершающим этапом нескольких мероприятий, осуществленных филологическим факультетом В частности, 21 февраля был проведен День родного языка (именно так этот день был объявлен ЮНЕСКО), а 16–18 апреля члены кафедры русского языка и общего языкознания НГЛУ принимали активное участие в акции Мир без сквернословия , организованной Владимирским филиалом Нижегородского государственного лингвистического университета

Участники конференции исходили из того что изучение использования языка в ряде сложившихся и нарождающихся социальных групп поможет описать сложную картину российского социума, а также даст возможность определить состояние культуры современного общества (ведь язык не только зеркало, но и индикатор культуры), наметить пути ее развития Известно, что рекомендации можно давать лишь тогда, когда будет изучен лингвистический феномен социальных вариантов языка

В настоящее время появилось много публикаций авторы которых, не обладая достаточной подготовкой, пытаются судить о состоянии языка и даже создавать словари Размывается языковая норма, в средствах массовой информации в качестве образца выступают высказывания и тексты весьма невысокого качества И на конференции, среди прочих тем, обсуждались также поиски путей преодоления наметившихся негативных тенденций и одновременного улучшения языковой ситуации в стране В отличие от прошлого года на форуме рассматривались не только нелитературные социальные варианты языка, но и особенности и специфика социальных групп носителей литературного (нормированного) языка

В оргкомитет конференции который возглавил проректор по научной работе НГЛУ В Г Тихонов вошли заведующие кафедрами русского языка ведущих вузов Нижнего Новгорода Конференция проходила при материальной и моральной поддержке администрации города Нижнего Новгорода, спонсорами конференции были Нижегородское отделение ОАО Альфа банк и ЗАО Сормовская кондитерская фабрика

Конференция вызвала большой интерес ученых-лингвистов

Заявки и материалы прислали более сто сорока человек из 37 городов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья Такое большое количество участников говорит об актуальности изучения социальных вариантов языка Тем более, что на форуме были представлены широко известные научные центры Москва Санкт-Петербург, Волгоград, Воронеж, Пермь, Псков, Саратов и др

В работе конференции принимали участие авторы крупных и широко известных трудов в области социальной лингвистики Э М Береговская В П Коровушкин В М Леичик А Т Липатов Т Г Никитина и др

На пленарном заседании были заслушаны следующие доклады В И Беликов (Москва) охарактеризовал ситуацию с русским языком в странах СНГ в связи с проблемой единства лексической нормы М А Грачев (Нижний Новгород) рассказал об арготизмах в языке художественной литературы Т И Ерофеева (Пермь) выступила с докладом об идиолекте и социолекте как объектах социальной диалектологии В П Коровушкин (Череповец) изложил свое представление об инвективной лексике и фразеологии в английском и русском воен

ных социолектах как объекте лексикографического описания О В Фельде (Красноярск) посвятил свой доклад проблеме специальных подъязыков в историческом освещении

На конференции работало семь секций "Общие проблемы социальной лингвистики , "Социальное варьирование в области концептосферы языка", "Особенности языка отдельных социальных групп", "Гендерный, возрастной и образовательный факторы социального варьирования языка", "Язык рекламы и СМИ", "Социолектизмы и литературный язык", "Исторические изменения в социальных вариантах языка"

Многие доклады вызвали оживленную дискуссию, особенно те, которые касались вопросов русского языка и средств массовой информации, вопросов рекламы, вопросов взаимодействия социальных диалектов с общенародным языком Общую обеспокоенность вызвала речь молодежи, в которой наряду с жаргонизмами, арготизмами и неоправданными заимствованиями используется множество нецензурных слов Предлагались конкретные меры для повышения речевой культуры Интересными были выступления, посвященные сравнительному анализу русских и иноязычных социальных диалектов

На заключительном пленарном заседании были высказаны пожелания о регулярности проведения конференций по данной проблематике

Сборник материалов конференции был выпущен в апреле 2003 г Организаторы планируют в апреле 2004 г проведение международной конференции Социальные варианты языка-3"

М А Грачев (Нижний Новгород)

5–6 мая 2003 г кафедра общего языкознания Самарского госпедуниверситета провела организованную ею международную научную конференцию языковедов, посвященную 1140-летию славянской письменности, – конференция была включена в программу "Возрождение , ежегодно осуществляемую Администрацией Самарской области Актуальность общей темы научной конференции была отмечена лингвистами России, ближнего и дальнего зарубежья Среди участников научного форума были языковеды из 37 городов России – от Арзамаса, Белгорода, Брянска до Иркутска, Якутска, Хабаровска и Петропавловска-Камчатского, от Архангельска, Перми, Мурманска и до Махачкалы Свои материалы к докладам представили лингвисты Украины (Луганск), Азербайджана (Баку), Болгарии (Пловдив) В их числе 14 докторов наук, профессоров (8 действительных членов АПСН, МАНПО, МАНВШ, РАЕН и др), 60 кандидатов филологических (педагогических) наук, 26 аспирантов и соискателей, 5 работников средних образовательных учреждений, не имеющих ученой степени

В продолжение двух дней работало шесть секций конференции – **теории языка, лексической семантики, теории текста, структуры и семантики лексико-грамматических классов слов, словообразования, синтаксиса, школьной и вузовской методологии обучения русскому языку**

На пленарном заседании живой интерес вызвал доклад "Язык родной, официальный, государственный", совместно подготовленный ТМ Гариповым (Уфа) и РИ Тихоновой (Самара), посвященный проблеме иерархии языков в мультилингвальной ситуации в России По общему мнению языковедов, участвовавших в конференции, поскольку в конституцию РФ включен закон о русском языке как государственном, необходимы и соответствующие меры, обеспечивающие условия для совершенствования развития русского языка и его изучения в образовательных учреждениях России

Искреннюю заинтересованность проявили слушатели к выступлению на пленарном заседании акад РАЕН и МАНПО О А Крыловой (Москва) "О работе орфографической комиссии над новой редакцией правил русской орфографии" Были высказаны предложения о необходимости более широкой информации не только по поводу направлений деятельности названной комиссии, но и об отдельных предполагаемых изменениях в тех или иных правилах русской орфографии Одновременно была подчеркнута важность работы ученых Института русского языка РАН по составлению новой редакции Свода правил русской орфографии, показано, что эта работа никак не может, вопреки заявлениям СМИ, интерпретироваться как реформа орфографии и тем более как "реформа языка" Отсутствие единого общеобязательного полного "Свода" лишает надежной нормативно-законодательной базы и лексикографов, и учителей, и редакторов, и вузовских преподавателей Создание такой базы в виде нового "Свода правил" необходимо для поднятия уровня

речевой культуры общества, а в социополитическом плане – для поднятия престижа русского языка как объединяющего начала

В секции "Теория языка общие вопросы' доклады ученых были посвящены злободневным сейчас вопросам статус русского языка как национального языка русского народа, как языка межнационального общения в многонациональном государстве, как официального – в целях обеспечения адекватного использования терминов и корректирования названных дефиниций – А.Я Васильев (Красноярск), русский язык в республике Саха (Якутия) – член Комиссии по русскому языку при Правительстве РФ Н Г Самсонов и Л Н Самсонова (Якутск), русский язык в республике Узбекистан – А И Бахарев (Балашов) было отмечено стабильное и ныне положение в этой стране русского языка как языка межнационального общения и одного из мировых языков, как языка науки и культуры; влияние языковой ситуации на функционирование языка – М А Рыбаков (Москва), С В Цынк (Димитровград)

В докладе О А Крыловой (Москва) "Портрет речевого жанра церковно-религиозного послания" была предложена характеристика содержательной стороны и языковой формы Пасхальных и Рождественских посланий лиц высшего духовного сана Русской Православной Церкви – на этом материале проверялась гипотеза о наличии в составе современного русского литературного языка особого функционального стиля – церковно-религиозного

В докладе Е А Красиной (Москва) Функционирование эгоцентрических слов в высказывании и речевом акте" были представлены размышления о том, что в речевом акте эгоцентрическое слово "Я' совмещает два аспекта субъекта 1) реально действующее и мыслящее лицо, 2) грамматический субъект-подлежащее Оно организует высказывание, оформляющее речевой акт по известной схеме 'Я – здесь – сейчас", что еще раз подтверждает субъективность языка на основе принципа антропоцентризма

В докладе Е П Сенич,кной (Самара) Об одном приеме художественного мастерства Л Н Толстого' предметом обсуждения стал прием мнимых неправильностей в произведениях Л Н Толстого – намеренном изменении нормы употребления языковых единиц и их грамматических категорий, которое нельзя признать нарушением языковой нормы Базирующийся на глубоком знании русского языка, на закономерностях его развития, прием мнимой неправильности рассматривается исследователем как ведущий прием творческого метода великого писателя

Другие сообщения были посвящены вопросам коммуникативно-прагматического осмысления грамматических категорий – Т С и М А Гусейновы, Л А Сулейманова (Махачкала), В А Сулимов (Сыктывкар), Д В Овчаренко (Тольятти)

Секция "Вопросы лексической семантики" почти полностью была представлена гостями, среди которых были В В Шигуров (Саранск), Т Ф Воронина (Магнитогорск), Р М Докучаева (Сыктывкар), Е.И Беглова (Стерлитамак), М.Р и С.И. Шумарины, Е Ю Кученева и Т В Дементьева (Балашов), О Н Иванищева (Мурманск), Е Е Иванова (Курган), Е В Первухина (Архангельск), И И Жиленкова (Белгород), Е В Демидова (Мурманск), П Н Магомедгаджиева и Т С Гусейнова (Махачкала) и др На фоне разнообразной тематики выступлений общее внимание привлек эмоциональный доклад Е В Первухиной "Семантика наречий, обозначающих части суток в архангельских народных говорах", содержащий характеристику многочисленной группы таких слов, характеризующихся семантическим разнообразием и значительно большей, чем в русском литературном языке, градацией

Особое внимание слушателей было уделено сообщению Г Д Удалых (Баку) о семантическом представлении моральных свойств человека в русском языке на примере такого ключевого понятия духовной культуры, как *благородство*, его толковании, столкновении в нем некоторых концептов

Многоаспектностью исследований отличались доклады в секции "Теория текста" – Г.Н. Сергеевой (Владивосток), Т Л Новиковой (Тула), Н В Немировой (Сыктывкар), Н В Чесноковой (Тамбов), Е Л Пупышевой (Елабуга) и др

Проблемам лексико-грамматических классов, их структуры и семантики были посвящены сообщения Д А Салимовой (Елабуга), М К Каракуловой (Глазов), Т А Курышиной (Шуя), Л А Синько (Армавир), Т Ф Цыгановой (Балашов), О А Глущенко (Петропавловск-Камчатский), В Н Завьялова (Хабаровск), О В Куныгиной (Челябинск), Л В Архиповой (Тамбов) и др В выступлении Д А Салимовой были предложены новые подходы к определению частей речи в концепциях 90-х годов XX века и начала XXI века (ономасиологическом, когнитивном, собственно функциональном, коммуникативном,

позиционном и др), несомненно, обогащающие традиционное деление слов по частям речи, использование которых позволяет избежать противопоставления структурно системного и функционально-коммуникативного подходов к градации частей речи

В секции "Словообразование приняли участие Р И Тихонова, Н Г Гриценко (Елец), Е Н Шаброва (Вологда), Р О Асельдерова (Махачкала), И И Ильина, Н В Коновальцева, Ю В Сложеникина (Самара) и др Значительная часть докладов была посвящена а) изучению новых тенденций в словообразовании – Р И Тихоновой и Н В Коновальцевой (Самара), Е А Бирюковой и Ю А Лазаревой (Москва), б) исследованию проблемы словообразовательных гнезд – Н С Грищенко (Елец), Т П Грицковой (Самара), Н Н Кондратьевой (Москва) Е Н Шабровой (Вологда), в) историческому описанию словообразовательных отношений – В Н Панченко (Балашов) и др

Многоаспектной была тематика докладов в секции синтаксиса вопросам коммуникативно-прагматического исследования синтаксических конструкций были посвящены выступления Е И Белой и О В Шаталовой (Липецк), О В Саркисян (Луганск) А П Петрикеевой (Магнитогорск), С А Золотаревой (Махачкала), изучение синтаксиса простого и сложного предложений было предметом докладов А Ф Калинина (Балашов), Н Н Фаттаховои (Казань), проблеме исследования конструкций и связей синтаксических единиц как средства коммуникации в сообщениях И И Гориной (Армавир) и Е В Левичевой (Брянск), И Г Ильинской (Петропавловск Камчатский) и др

В секции школьной и вузовскои методологии и технологии обучения языку особенно оживленное обсуждение вызвало выступление, подготовленное В М Лейчиком и Н С Новиковой, – о принципе антропоцентризма, его роли в формировании языковой нормы и практике обучения русскому языку как иностранному Авторы предложили анализ того, как работает принцип антропоцентризма на различных уровнях языковой системы, как он связан с универсальными языковыми законами и как 'проявляет себя' при обучении русскому языку как иностранному

Многие выступления в этой секции касались методического аспекта изучения конкретных вопросов изучения русского языка порядка слов и интонации (И С Милова нова и Н В Журкина – Москва), культуры речи в профессиональной подготовке учителя (В А Отришко – Балашов, Э В Плавская – Тула, З Н Кажанова – Тамбов, И А Воронкова – Москва), технологий обучения русскому языку (Н А Синелобов – Елец, Л А Разаева – Балашов, Г С Гафарова – Набережные Челны)

В качестве стендовых докладов на конференции были представлены работы плвдивских (Болгария) докторантов К И Куцары – о страдательных причастиях в современном болгарском языке, Б Петковой – о растительных кодах в фольклорной интерпретации культуры, Н Христовой 'Мифологема как носитель культурной имплицитности в тексте художественного перевода

На завершающем конференцию круглом столе ее участники подчеркнули, во-первых, актуальность самой темы конференции, предоставившей лингвистам и методистам возможность продемонстрировать результаты своих исследований в области изучения русского языка на всех его уровнях и методики его преподавания, во вторых, выразили признательность организаторам этой встречи ученых за четкость в подготовке, проведении заседаний, в обеспечении опубликования сборника материалов данной конференции Были высказаны принципиально важные предложения

1 Поддержать одно из направлений конференции – Русский язык – язык родной, официальный, государственный – как фундаментальную для разработки тему по кафедре общего языкознания Самарского госпедуниверситета

2 Расширить названную тему в следующих аспектах

– Русский язык как язык межнационального общения,

– Русский язык в современном мире,

– Вопросы преподавания русского языка как иностранного

Участники конференции обращаются к Министерству образования РФ с просьбой предложением принять меры по обеспечению возможности преподавателям вузов выезжать на научные конференции для живого, очного, а не заочного обсуждения проблем современного состояния русского языка и вопросов его преподавания

По материалам конференции издан сборник материалов "Русский язык в России на рубеже XX–XXI веков' (Самара, 2003)

Р И Тихонова (Самара)

№ 6 2003

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

С 2004 года в России начнет выходить новый научный журнал "Ономастика' (e-mail fasmer@yandex ru) Издание будет осуществляться на базе Уральского государственного университета им А М Горького (Екатеринбург) под грифом Института русского языка им В В Виноградова РАН и Уральского государственного университета Редколлегия главный редактор – член-корреспондент РАН А К Матвеев (Екатеринбург), заместители главного редактора – Е Л Березович, М Э Рут (Екатеринбург), ответственный секретарь – Н В Кабинина (Екатеринбург), члены редколлегии – Н В Васильева (Москва), М В Голомидова (Екатеринбург), А Ф Журавлев (Москва), И И Муллонен (Петрозаводск), Е Н Полякова (Пермь), В И Супрун (Волгоград), С М Толстая (Москва), К Хенгст (Хемниц, Германия)

Проблематика журнала теория собственных имен, методы их исследования, происхождение и развитие собственных имен, ономастика и общество, ономастика как источник изучения древних языков и народов, ономастика и этнолингвистика, вопросы методики составления ономастических слова рей и атласов, прикладная ономастика, ономастика и другие науки и т п Кроме статей и сообщений научного и научно-методического характера, в журнале будут публиковаться рецензии, библиографические обзоры, информационные сообщения о защитах диссертаций по ономастике, итогах работы экспедиций, юбилеях выдающихся ученых-ономастов и т д

В 2004 году планируется выпустить два номера журнала Объем номера – 15 п л

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕИ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ" в 2003 г

СТАТЬИ

АлпатовВМ Сто лет спустя или сбываются ли прогнозы? 2

БарановАН О типах сочетаемости метафорических моделеи 2

БереговскаяЭМ Система синтаксических фигур к проблеме градации 3

Бирнбаум Хенрик Славянскии тохарскии алтаискии генетическая связь и аре ально типологическое влияние (Вяч Вс Иванов С А Бурлак И Б Иткин Примеча ния к статье) 5

БогатоваГА Библиотека в жизни О Н Трубачева 1

БогатоваГА Историческая и этимологическая лексикография мысли лексикогра фа о жанре 1

БоголюбовМН Авестииское $x^{v}afəna$ в проповеди Заратуштры (Y 30) и хорезмии ское *xwnb* отдалять 4

ВерещагинЕМ Наблюдения над языком и текстом архаичного источника Ильи нои книги анализ тропареи IX и песни Канона Димитрию Солунскому 1

ВиноградовВА НовиковАИ ЯрославцеваЕИ База данных Языки ми ра как инструмент лингвистического исследования 3

ВыдринВФ Тональные системы языков манде краткии обзор 2

ДобродомовИГ Олег Николаевич Трубачев 1

ДьячковМВ Фризскии язык и фризы в современнои Европе 5

ЗализнякАА Древнейшая кириллическая азбука 2

ЗализнякАА ЯнинВЛ Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г 4

Иванов ВячВс О последнеи статье Хенрика Бирнбаума 5

Иокояма О Неитральная и неиеитральная интонация в русском языке автосегмент ная интерпретация системы интонационных конструкции 5

КазкеноваАК Мотивированность заимствованного слова (на материале современ ного русского языка) 5

ЛаптеваОА Самоорганизация движения языка внутренние источники преобразо вании (статья первая) 6

ЛевицкиивВ Индоевропеиские корни **sep(h)ə-/sp(h) e *erə-/re *elə/le* резать свя зывать гнуть и их дериваты в германских языках 1

ЛукинВА *Противоречие* и *согласие* языковые концепты дискурсные стратегии текстовые своиства 4

МаисакТА МердановаСР Будущее время в агульском языке в типологическои перспективе 6

МатвеевАК К этимологии субстратных топонимов с основами *тамб* и *там* 1

НещименкоГП Памяти выдающегося чешского ученого Милоша Докулила 1

ОтинЕС Коннотативные онимы и их производные в историко этимологическом сло варе русского языка 2

ПадучеваЕВ Глаголы создания образа лексическое значение и семантическая де ривация 6

ПазельскаяАГ Аспектуальность и русские предикатные имена 4

ПанфиловВС Формализованныи подход к выделению грамматических классов слов в китаиском языке 6

ПатриС *Намъ* новая славяно иранская лексическая изоглосса 4

ПерцовНВ Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с пробле мои существования в морфологии 4

ПфандльХ О силе и бессилии пуризма Англицизмы и интернационализмы и их воз можные альтернативы (на материале русского словенского и хорватского языков) 6

РазлоговаЕЭ Абстрактное и конкретное в семантике французских BEAU и BON 5

Сабанеева М К Романские протоартикли в недрах латыни вопросы теории и генезиса 6
Сичинава Д В К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквам перфекта casus latinus 5
Соболев А Н Новгородская псалтырь XI века и ее антиграф 3
Сорокина Т С Функциональные основы теории грамматической синонимии 3
Теуш О А Этимологизация финно угорских заимствовании в русском языке и семантическии анализ 1
Топоров В Н Памяти Олега Николаевича Трубачева 1
Трубачев О Н Книга в моеи жизни 1
Умаров Э А Махмуд Кашгарскии о согласном Г 4
Фирек В Лингвистическии атлас Европы и его вклад в европеискую историю культуры результаты исследовании в рамках проекта *Atlas Linguarum Europae* 5
Ходорковская Б Б Формирование системы перфекта в латинском языке и происхождение элемента *is / er* 1
Храковскии В С Категория таксиса (общая характеристика) 2
Цымбурскии В Л Этно и лингвогенез Трои как преломление индоевропеискои проблемы (К 75 летию со дня рождения Л А Гиндина) 3
Чернышева М И Олег Николаевич Трубачев и наше поколение Из воспоминании 1
Шапир М И Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин Иосиф Бродскии) 3
Шилов А Л Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) 1
Шилов А Л Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера 4
Шустер Шевц Х Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции прасла вянского 1
Шутова Е И Проблема частеи речи в китаеведении 6

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Петрова Н В Текст и дискурс 6

Рецензии

Гиро Вебер М *Е В Петрухина* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским словацким польским и болгарским языками 2
Голанова Е И *Н А Янко Триницкая* Словообразование в современном русском языке 2
Даниэль М А Подобряев А В *R M W Dixon A Y Aikhenvald (eds)* Changing valency Case studies in transitivity 5
Журавлев В К *V Potapov* Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus 2
Илиади А И *Ю Л Мосенкіс* Мова трипільської культури Джерела Методи Результати реконструкціі 3
Иорданиди С И Восточнославянские изоглоссы 2000 5
Клоков В Т *A Queffelec V Derradji V Debov D Smaali Dekdouk Y Cherrad Benchefra* Le français en Algerie Lexique et dynamique des langues 2
Красухин К Г Сумерки лингвистики Из истории отечественного языкознания 5
Куркина Л В *M L Greenberg* A Historical phonology of the Slovene language 3
Ландер Ю А Dimensions of possession 6
Маисак Т А *B Heine T Kuteva* World Lexicon of Grammaticalization 5
Марчук Ю Н *Р К Потапова* Речь коммуникация информация кибернетика 6

М о к и е н к о В М *W Mieder* International proverb scholarschip An annotated bibliography Supplement III (1990–2000) 6
Н а с и л о в Д М Николай Константинович Дмитриев К 100 летию со дня рождения 4
Н и к о л а е в а Т М *В Н Bichakjian* Language in a Darwinian perspective 1
П л у н г я н В А *G Lazard* Etudes de linguistique generale typologie grammaticale 4
П о т а п е н к о С И Логический анализ языка Семантика начала и конца 6
Т у м а н я н Э Г *В Н Белоусов Э А Григорян Т Ю Познякова* Русский язык в межнациональном общении Проблемы исследования и функционирования 4
Ч л е н о в М А *P Wexler* Two tiered Relexification in Yiddish Jews, Sorbs Khazars and the Kiev Polessian Dialect 4

Научная жизнь

Хроникальные заметки 2, 3 4 5 6
Новые издания 6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1 ***Рукописи*** представляются в двух экземплярах текст и подстрочные примечания ***должны быть набраны*** через два интервала ***на машинке или*** через полуторный интервал ***в электронном виде*** После подписи указываются сведения об авторе фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес

1 1 Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу В состав электронной версии статьи должны входить файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты) Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы

1 2 ***Подготовка электронной версии основного текста***

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т п) Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете Размер шрифта – 12

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter) Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы

1 3 ***Подготовка электронной версии графического материала***

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций

– для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого,

– векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны CorelDraw (до версии 8 0), Adobe Illustrator (до версии 8 0), FreeHand (до версии 8 0) или в формате EPS

– для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения Каждый файл должен содержать один рисунок

2 ***Примеры*** в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках

3 ***Библиография*** в журнале оформляется следующим образом

3 1 Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так

– Код работы (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа и др или "et al "

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например

Успенский 1994 – *Б А Успенский* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв) М 1994

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например

Трубецкой 1990 – *Н С Трубецкой* Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ 1990 № 2, 3

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то кодом" является одно из двух

а) фамилия редактора (или редакторов, допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу см выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием 'ред (для других языков – ed , hrsg и т п),

б) сокращенное название и год

Greenberg 1978 – *J Greenberg* ed Universals of human language V I Method and theory Stanford (California), 1978

Universals 1978 – Universals of human language V I Method and theory Stanford (California), 1978

3 2 ***В тексте ссылки на литературу*** даются в квадратных скобках, фамилия (и инициалы автора если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно) Например [В В Иванов 1992 34], [W Jones 1890] Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа [W James 1890a]

4 ***Подстрочные примечания*** имеют сквозную нумерацию

5 Непринятые рукописи не возвращаются

6 Статьи опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются

7 Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена)

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

M K Sabanejeva (St -Petersburg) The Romance proto-articles as represented in Latin problems of theory and genesis, O A Lapteva (Moscow) Self-modelling in language the inner sources of change (the first article), E V Padučeva (Moscow) The verbs of image-making lexical meaning and semantic derivation, E I Šutova (Moscow) The problem of parts of speech in Chinese, V S Panfilov (St -Petersburg) The formalized approach to grammatical classes of words in Chinese T A Maisak, S R Merdanova (Moscow) The future tense in the Agul language a typological study, H Pfandl (Graz, Austria) On the pro and contra of purism Anglicisms and international words and their possible alternatives (based on the materials of Russian, Slovene and Croat), **Surveys** N V Petrova (Irkutsk) Text and discourse, **Reviews** Yu A Lander (Moscow) Dimensions of possession, Yu N Marčuk (Moscow) *R K Potapova* Speech, communication, information, cybernetics, S I Potapenko (Nezhin, the Ukraine) The logical analysis of language The semantics of beginning and end, V M Mokienko (St -Petersburg) *W Mieder* International proverb scholarship An annotated bibliography, **Chronicle features; New editions. Index of articles published in the journal "Voprosy Jazykoznanija" in 2003.**

Сдано в набор 19 08 2003 Подписано к печати 09 10 2003 Формат 70 × 100 1/16
Офсетная печать Усл печ л 13 0 Усл кр отт 19 8 тыс Уч изд л 15 6 Бум л 5 0
Тираж 1497 экз Зак 7785

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель Российская академия наук

Адрес издателя 117997 Москва Профсоюзная 90
Адрес редакции 121019 Москва Г 19 ул Волхонка 18/2 Институт русского языка
телефон 201 25 16
Отпечатано в ППП Типография Наука 121099 Москва Шубинский пер 6